

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

/ЭПОХА ЭЛЛИНИЗМА/

Под редакцией профессора
В. И. Кузичина

Допущено Министерством высшего и среднего специального образования СССР в качестве учебного пособия для студентов исторических специальностей вузов

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1982

Источниковедение Древней Греции (эпоха эллинизма): Учебное пособие. — Под ред. проф. В. И. Кузищина. М., Изд-во Моск. ун-та, 1982. 240 с.

В учебном пособии впервые в отечественной и зарубежной литературе дан всесторонний анализ источников, запечатлевших социально-экономические отношения и политическую и культурную историю Греции эллинистического периода; рассмотрены исторические сочинения, произведения специальной и художественной литературы, данные эпиграфики, нумизматики, папирологии, археологических памятников. Проанализированы источники по истории основных регионов эллинистического мира — птолемеевского Египта, селевкидской державы, Балканской Греции и Македонии, греческих центров Причерноморья; охарактеризованы источники времен Александра Македонского (40—20-е годы IV в. до н. э.), а также исследуются некоторые материалы, касающиеся общих проблем источниковедения.

Для студентов исторических факультетов университетов, пединститут и специалистов-гуманитариев.

ПЕЧАТАЕТСЯ ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКОГО СОВЕТА
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензенты:

кафедра истории Древней Греции
и Рима Ленинградского ун-та;
доктор исторических наук
В. И. Ка д е е в

И $\frac{0503000000-079}{077(02)-82}$ 71—82

© Издательство Московского университета, 1982 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемое вниманию читателей учебное пособие содержит обзор основных типов источников по истории так называемой эллинистической эпохи, охватывающей период древнегреческой и ближневосточной истории со времени вступления Александра Македонского на македонский престол (336 г. до н. э.) до римской оккупации птолемеевского Египта (30 г. до н. э.). Эпоха эллинизма — это не только важный период в истории собственно Греции (под историей Греции обычно понимается история эгейского мира и Балканской Греции, южной Италии и Сицилии). В период эллинизма произошло как бы соединение греческой истории и истории многих стран Древнего Востока (Передней Азии и, частично, Среднего Востока) в единый исто-

рический процесс, характеризующийся сочетанием эллинских и древневосточных начал в области экономики, социальных отношений, государственных учреждений и культуры. Происходит усложнение исторического процесса, вошедшего в единый поток течения, ранее пронесившиеся по параллельным руслам.

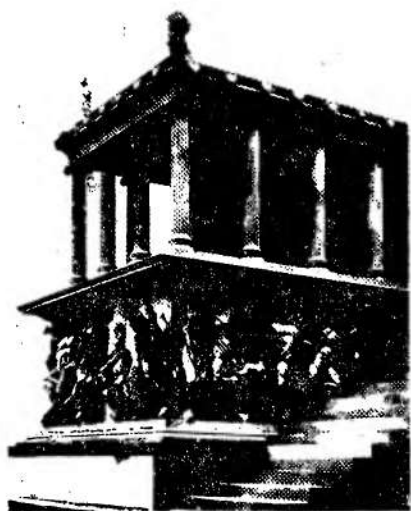
Это глубокое своеобразие исторической действительности эллинизма, отличавшего его как от реальности греческого мира полисов, с одной стороны, так и древневосточных государств — с другой, получило непосредственное отображение в исторических документах, дошедших до нашего времени. Это касается объема и величины источниковой базы, изменения соотношения разных типов исторических источников, появления их новых категорий (например, памятников, написанных на папирусе и др.). Все эти особенности делают необходимым выделение источниковедения и источниковой базы эллинистической эпохи в специальную работу.

В данном учебном пособии предложена следующая структура. В I главе дано изложение ряда аспектов теоретического источниковедения: определение сущности исторического источника, принципы деления источников на различные категории (классификация), проблемы достоверности источника, причем основные теоретические положения поясняются конкретными примерами.

Предметом специального рассмотрения являются источники по истории правления Александра Македонского (336—323 гг. до н. э.). Несмотря на краткость правления Александра и эфемерность его огромной «мировой» державы, эти тринадцать лет занимают заметное место в истории древнего мира, служат крупным историческим рубежом, что нашло свое отражение в своеобразной источниковой базе, отличающейся от других периодов эллинистической истории (глава II).

Далее авторы строят свой обзор по регионально-государственному признаку. В отдельных главах представлены источники по истории государств Балканской Греции и Македонии (III глава), державы Селевкидов, включая Пергам (IV глава), Парфии, Греко-Бактрии (V глава), эллинистического Египта (VI глава), греческих полисов в бассейне Черного моря (VII глава). В каждой главе дана характеристика разных групп источников: письменных (повествовательных и документальных), эпиграфических, нумизматических, вещественных памятников, данных языка и т. д. Поскольку в данном пособии нельзя дать хотя бы краткое изложение всех подразделений и групп источников, авторы ограничились характеристикой наиболее важных категорий или наиболее крупных комплексов внутри тех или иных типов исторических источников, имеющих особое значение по полноте сведений для истории того или иного государства или региона.

ГЛАВА I. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Источниковедение в системе исторических наук является одной из специальных (ранее было принято называть вспомогательных) дисциплин. Оно имеет свой предмет (исторические источники), особые методы исследования, ставит и решает свои специфические проблемы. Источниковедение в последние десятилетия переживает процесс бурного развития и это, конечно, не случайно. Расширение источниковой базы, совершенствование методов источниковедческого анализа, определение сущности исторического источника служат фундаментом дальнейшего развития исторической науки как таковой. Активное развитие источниковедения — показатель движения всей исторической науки, одна из основ этого движения. Источниковедческая

работа органически присуща любому историческому исследованию, потому уже первые историки (Гекатей, Геродот) были вместе с тем и источниковедами. Однако как специальная историческая дисциплина источниковедение является детищем XX в., когда конкретное эмпирическое источниковедение было дополнено теоретическим обоснованием, которое помогает изучать отдельные принципиальные аспекты этой науки, вскрывать глубокие связи между источниковедением и другими специальными историческими дисциплинами, всей исторической наукой в целом.

Прежде всего необходимо дать современное определение понятия источника, его происхождения. Исторический источник отражает объективную реальность, историческую действительность, а не является реализованным продуктом человеческой психики, как утверждают неокантианцы.

Вместе с тем в источнике проявляется субъективный элемент — субъект, его создавший. Отражая объективную действительность, создатель (или создатели) источника в то же время преобразует ее в свои ощущения, чувства, понятия, суждения, так сказать творит свою действительность. Сам процесс отображения проявляется как неразрывное взаимодействие субъекта с объектом. Исторический источник — это объект, созданный человеком на основе субъективных образов объективного мира и потому он является надежным средством познания исторической действительности.

Таким образом, исторический источник бесчисленными нитями связан с исторической действительностью и отражает ее в самых различных ракурсах и планах. Мастерство источниковеда, совершенствование методики исследования, общий прогресс науки открывают все новые и новые стороны этих связей. Отсюда следует первостепенный вывод о неисчерпаемости источника для исследования; каждое новое поколение историков, продолжая процесс познания прошлого, получает новую информацию, выявляя в источниках новые грани и срезы действительности.

Итак, «исторические источники — все, непосредственно отражающее исторический процесс и дающее возможность изучать прошлое человеческого общества, т. е. все созданное ранее человеческим обществом и дошедшее до наших дней в виде предметов материальной культуры, памятников письменности, идеологий, нравов, обычаев, языка» (СИЭ, т. 6. Источниковедение). Из данного определения вытекает ряд кардинальных теоретических проблем источниковедения, в частности проблема первоисточника и источника вторичного, их соотношения, сходства и различия. Первоисточник создается его творцом как субъективный образ исторической действительности, как непосредственное и прямое отражение реальности, в то время как вторичный источник основан на данных других источников и отображает

объективный мир не непосредственно, а через призму других, уже созданных субъективных образов. Отличительной чертой первоисточника является то, что в нем независимо и самостоятельно, хронологически впервые по сравнению с другими источниками получили отображение исторический факт, явление или событие. Вторичные источники и первоисточники органически связаны друг с другом, поскольку любой историк (например, Геродот или Фукидид, Ксенофонт или Полибий) не только использует имеющиеся источники, но и непосредственно наблюдает и отображает действительность. Очень часто первоисточник отражает единичный факт, конкретное событие или явление, а вторичные источники на основе первоисточников дают более обобщенную картину, в которой проработана сумма фактов. Первоисточник стоит ближе к историческому факту, и в этом его специфика, интерес, важность как исходного пункта исследования. Однако отсюда еще не следует прямого вывода, будто первоисточник всегда достовернее вторичного источника. Достоверность источника — одна из центральных проблем источниковедения как научной дисциплины, т. е. адекватность отображения исторической реальности зависит от многих причин, а не только от факта непосредственной близости первоисточника к действительности. Например, историческое сочинение Фукидида шире, полнее, богаче отображает события Пелопоннесской войны, чем положенные в ее основу отдельные первоисточники.

Важная сторона любого исторического источника, тесно связанная с проблемой достоверности, — субъективное начало в источнике, субъективизм отображения исторической реальности. Субъективизм в источнике проявляется во многих формах. Конкретные образы, слова, действия данного создателя, свойственные только ему, богатство предшествующего опыта, степень профессиональной подготовки, влияние среды позволяют, например, отличать творчество Геродота от Фукидида, Ксенофонта от Полибия, Аристотеля от Платона. Различное соотношение субъективного и объективного в каждом источнике зависит и от типа источника, от того угла зрения, под которым данный тип отражает историческую реальность. Ясно, что в художественных образах Эврипида, Менандра или Аристофана, одах Пиндара или идиллиях Феокрита наблюдается иное соотношение субъективного и объективного, чем в государственных постановлениях, царских указах, исторических произведениях или частной переписке.

Однако как бы ни было велико субъективное начало в историческом источнике, оно не может целиком вытеснить объективное ядро, которое является определяющим в источнике. Из этого следует, что не существует ненужных, так сказать, источников, ничего якобы не дающих для исторического исследования. Любой источник содержит информацию о той исторической действительности, которую он отображает, и главная зада-

ча историка — уметь расшифровать, получить эту информацию. Например, надписи на керамических сосудах (граффити), или отдельные слова на черепках (острака в эллинистическом Египте), свинцовые, бронзовые, керамические или костяные маленькие кружочки (тессеры в Риме), казавшиеся первоначально бросовым материалом, после систематизации и изучения стали очень ценным источником. Прогресс исторической науки состоит в том, что наряду с количественным возрастанием источников, выявлением новых их типов, совершенствуется техника восстановления и реконструкции утраченных частей источника, методы источниковедческого анализа, углубляются и сами познавательные способности историка.

В настоящее время в распоряжении историков имеется очень большое число самых разнообразных источников, которые делятся на ряд категорий. В источниковедении выработаны различные системы классификации и систематизации¹. В основе современной классификации лежат фундаментальные понятия содержания и формы исторического источника. Под содержанием исторического источника понимается та информация о действительности, которую человек зашифровал в тех или иных знаках, символах, словах, твердом материале. Причем эта информация может быть двух видов: информация, которую человек заложил в источнике намеренно, сознательно, и та информация, о которой создатель источника даже не предполагал. Историк нередко сталкивается и с такой ситуацией, когда содержащаяся в источнике информация включает элементы фальсификации, сознательного или ненамеренного искажения истинного положения и выступает уже как дезинформация исторической действительности. Одной из важных задач источниковедения являются определение, извлечение, обработка и оценка хранящейся в источнике информации, включая возможные элементы ее фальсификации.

Содержащаяся в источнике зашифрованная информация облекается в определенную форму. Распоряжение царя о строительстве дороги, клады монет, развалины караван-сарая или маяка, счет об уплате, процарапанный на черепке, — пример разнообразия форм источников, хотя во всех содержится некоторая общая информация о торговых операциях в ту или иную эпоху.

В источниковедении различают понятия внешней и внутренней формы источника. Под первой принято понимать внешнее оформление источника, чувственно воспринимаемый конкретный облик, будь то монументальная скульптура, монеты, рукописи, предметы вооружения, географические названия или слова сказителя. Более глубокое значение имеет понятие внутренней формы: это структура источника, внутренние связи, которые организуют отображенные и воплощенные в источнике факты, события и явления. Например, историческое произведение Полибия со-

держит богатую информацию о международном положении многих эллинистических государств, собранную и обработанную автором — человеком, прекрасно подготовленным и обладающим большим опытом государственной деятельности. Можно говорить об особом полибиевском видении — умении организовать материал, увидеть в разрозненных фактах и событиях внутреннюю связь.

Несомненно, что система внутренних связей, структура содержания художественного произведения (например, комедий Менандра, идиллий Феокрита, мифологической поэмы Аполлония Родосского и т. п.) совершенно иная, нежели в вещественных памятниках (расписных вазах, скульптурах, остатках строений и др.).

Важнейшая особенность внутренней структуры вещественного памятника — это непосредственное свидетельство о материальном и духовном состоянии культуры данной эпохи, сохранившееся в реальных остатках самой жизни. Вещественные остатки поэтому не только дополняют, расширяют, иногда даже меняют наши представления, сложившиеся на основе письменных свидетельств, но и контролируют систему знаний, извлеченных из письменных источников.

Внутренняя форма эпиграфического памятника еще более сложна, поскольку она включает в себя особенности внутренних связей источника письменного, с одной стороны, и источника вещественного — с другой. Выявление особенностей внутренней формы и содержания источника является необходимой задачей источниковедческого анализа. Анализ этот настолько сложен, что требует более узких специальных знаний. Поэтому выявление особенностей содержания того или иного типа источников (скажем, исторического текста, вещественного памятника, надписи, обряда или языка) проводится специалистами: текстологом, филологом, археологом, эпиграфистом, этнографом или лингвистом.

Историческая наука располагает большим количеством разнообразных источников. Уже отец истории Геродот пользовался материалом храмовых архивов, рассказами жрецов, легендами и преданиями, осматривал развалины храмов, покинутые рудники, посещал места описываемых событий, использовал произведения своих предшественников и современников. Уже при этих шагах исторической науки перед историком вставали чисто эмпирические задачи классификации источников, в частности проблемы достоверности, значимости, полноты информации. В дальнейшем эта классификация, особенно по мере увеличения источников, усложнялась и разрасталась. Разным категориям источников присваивались различные наименования: роды, виды, группы, типы, разряды, разновидности и т. п., причем на обосновании таких категорий не особенно останавливались. В настоящее время в теоретическом источниковедении принято

выделил основные типы исторических источников, опираясь на глубинное определение источника как субъективного образа объективного мира, как объектов, имеющих разное содержание и свою внутреннюю структуру. Все исторические источники можно разделить на большие категории, обозначаемые понятием *тип*. Типы исторических источников отличаются друг от друга основным принципом кодирования и хранения информации. Эта информация может быть передана, отображена знаками письменности, вещественными памятниками, словами устной речи, звуками, танцами, обрядами и т. п., которые с разных сторон и различным способом отражают объективную историческую реальность.

Одним из важнейших типов исторических источников являются письменные источники, этот подлинный фундамент исторических исследований. Главная их особенность в том, что информация здесь дана в виде письма, т. е. особого средства общения между людьми, возникшего на базе звуковой речи и мышления, оформленного в виде начертательных знаков или изображений. Письменные источники часто называют «говорящими», в то время как вещественные памятники «немыми». При всей условности такого различия, особенно в настоящее время (вещественные памятники при современной методике исследования «говорят» очень определенно и громко, дают обширную и ценнейшую информацию), оно тем не менее сохраняет известное значение, поскольку письмо, с одной стороны, тесно связано со звуковой речью, а с другой — информация в письменных источниках шире, разнообразнее, богаче по своему содержанию, так как в письме более полно и гибко отражается мышление автора.

Другой тип исторических источников — вещественные памятники, памятники материальной культуры: остатки предметов обихода, производства, жилищ и сооружений, развалины городов и поселений, орудия и украшения, могильники и культовые сооружения и многие другие материальные объекты, сохранившиеся на поверхности земли, под землей или под водой. Вещественные источники не только отображают прошлую реальность, но и воплощают ее в определенных предметах как синтезе производственной и идеологической деятельности, т. е. информация о прошлом закодирована в вещественных памятниках в форме других внутренних связей, а содержание и объем информации носят иной характер, чем в письменных памятниках. Обилие и разнообразие вещественных памятников, постоянное увеличение их объема, совершенствование методики их обработки превращают вещественные памятники в столь же основной источник, по крайней мере для истории древности, как и письменные источники. Таким образом, нельзя считать, что письменные источники важнее для целей исторического исследования, чем вещественные.

При всем различии объема, содержания и характера внут-

ренней структуры между письменными и вещественными источниками нет непроходимой пропасти: эпиграфические источники, т. е. надписи, сделанные на твердом материале (камне, бронзе, дереве или кости и др.), а также монеты представляют собой промежуточную категорию источников, являясь одновременно и письменными, и вещественными памятниками. Поэтому эпиграфист или нумизмат должен знать методику работы как с письменными, так и археологическими материалами, а зачастую обладать подготовкой и по истории искусства.

Особым типом исторического источника являются этнографические источники: пережитки обрядов, верований, суеверий, обычаев, возникшие в иную историческую эпоху и сохранившиеся в более поздние времена. Конечно, не для всех периодов истории этнографические источники имеют одинаковую ценность, в частности, их роль для исследования древней истории относительно невелика, тем не менее они сохраняют известное значение. Возможности сравнительно-исторического метода позволили, к примеру, замечательному американскому ученому Г. Моргану использовать этнографические источники современной ему действительности для глубокого исследования древнейших периодов греческой и римской истории.

Из других типов исторических источников можно выделить памятники устного народного творчества — фольклор. Фольклорные памятники сохранили в устной форме художественные образы прошлого (запись не уничтожает особенности устной передачи, а лишь фиксирует его в знаках), характеризующиеся особенностями народной культуры. Если на ранние периоды древнегреческой истории устное народное творчество оказало огромное воздействие и воплотилось в эпической поэзии и мифологии греков, то в эллинистический период исследователь сталкивается с таким интересным историческим источником, как легендарные предания об Александре—Искандере, своеобразно отражающие и реальный образ великого завоевателя, и особенности народной культуры в странах бытования этого сказания.

Данные языка (его лексика, семантика, грамматический строй, отдельные анахронизмы, устойчивые выражения, топонимика, имена) не похожи по своей внутренней структуре и объему содержания на другие категории и представляют особый тип исторических источников. Так, особенности общегреческого языка — койне, взаимодействие между греческим и местными восточными языками в эллинистических государствах дают материал для характеристики ряда важных сторон тогдашней жизни, позволяют определить такие стороны взаимоотношений культур и народов, о которых умалчивают письменные и другие источники. Специфичность этого типа источников проявляется и в том, что для выявления языковых данных разработана особая лингвистическая методика, отличающаяся от методики работы

с собственно письменными памятниками и другими источниками.

Как можно видеть, *тип* исторического источника охватывает широкий ряд памятников, которые, в свою очередь, делятся на более дробные разряды. Например, письменные исторические источники включают самые разнообразные памятники: исторические сочинения, религиозно-философские и научные труды, художественные произведения и сборники законов, личную переписку, финансовые отчеты и т. п. Принято делить тот или иной тип исторического источника на более мелкие разряды, которые обозначают термином *род*. Так, тип письменных источников принято делить на два рода: повествовательные (исторические произведения, речи, памфлеты, биографии, мемуары и т. п.) и документальные (законодательные акты, распоряжения, финансово-статистические материалы, письма и др.). Это деление на два рода не прихоть специалиста, не логическая конструкция, а отражение известных внутренних различий, присущих источникам как субъективным образам объективного мира. Различие между повествовательными и документальными источниками зависит от того, что преобладает в содержании источника: отображение действительности или ее воплощение в источнике. Возьмем историческое сочинение Полибия. Возникшая в определенный исторический момент и будучи отражением конкретной политической ситуации и культурной атмосферы второй половины II в. до н. э., история Полибия суть органическая часть своей эпохи и как таковая является воплощением своего времени, его жизненной частью. Тем не менее в этом сочинении преобладает отображающая сторона: историк описывает не только настоящее, но и прошлое, показывает сложные взаимоотношения эллинистических государств между собой и Римом, прослеживает рост политического могущества Римского государства. С другой стороны, рассмотрим для примера материалы архива Зенона: счета, договоры об аренде, расписки, списки работников, ведомости, описи, жалобы, прошения, доносы и др. Весь этот ценнейший комплекс материалов по своему содержанию не только отображает (эта сторона бесспорно занимает весьма важное место), но самым непосредственным образом воплощает действительность середины III в. до н. э., живую жизнь эллинистического Египта.

Очень разнохарактерный, огромный и всевозрастающий материал вещественных источников делится на несколько родов. Можно выделить род вещественных памятников, структурообразующим элементом которого является художественный образ, воплощенный, например, в скульптуре, живописи, архитектуре, мелкой пластике. Иной характер содержания в том разряде археологических объектов, которые представляют собой непосредственные остатки прошлой жизни как таковой: утварь, керамика, орудия труда и производственной деятельности, жилища,

укрепления и др. Особым родом вещественных памятников выступают памятники мировоззренческого порядка, в содержании которых преобладают идеологические стороны действительности, например, храмы и святилища, могильники, способы погребения, предметы культа и т. п. Существуют и другие роды внутри типа вещественных памятников. Конечно, нельзя абсолютизировать различия между родами вещественных памятников, бесспорно, в каждом можно найти черты другого рода. Например, терракотовые статуэтки эпохи эллинизма являются не только произведениями искусства, но и живыми остатками прошлой жизни, ее непосредственной тканью. Культовые статуи Зевса, Афины, Ники или богини Тюхе — не только художественные произведения, но и объект мировоззренческого порядка. Элементы общности свойственны каждому роду внутри данного типа, тем не менее какая-то сторона получает в каждом роде преобладающее место, которое делает необходимым внутритиповое деление.

Итак, категория рода исторических источников отличается большой широтой и разнообразием и сама, в свою очередь, делится на ряд более мелких разрядов, которые как внутритиповое подразделение получили название *вид* исторического источника. С точки зрения теории источниковедения, вид — это такой комплекс памятников, для которых характерно сходство внутренних связей источника и которые имеют близкую внешнюю форму. Так, об одном и том же событии, предположим, о деятельности Александра, могут сообщать дворцовые дневники — эфемериды, произведения историков — Каллисфена, Арриана, Курция Руфа, работы Аристотеля, личные письма Александра, речи афинских ораторов, биография Александра, роман об Александре и др. Перед нами разные категории внутри как повествовательных, так и документальных памятников, которые определяются понятием — вид исторического источника. Виды исторических источников отличаются, таким образом, не различием в содержании источника, степени обобщения или воплощения исторической реальности, а характером внутренней структуры заложенной в источнике информации, особой организацией поданного материала. Например, большой род повествовательных письменных источников может быть разделен на такие виды: исторические труды, художественные произведения, религиозно-философские сочинения, научные трактаты (по агрономии, медицине, ботанике), биографии, мемуары и др. Еще больше видовых различий среди рода документальных письменных памятников: финансово-статистические материалы, юридические акты, письма и др. Много различных видов источников можно выделить среди вещественных памятников. Внутри рода художественных памятников выделяются скульптура и терракота, живопись (монументальная и прикладная), архитектурные материалы и памятники градостроительства.

Для определения различных видов исторических источников значительную роль играет внешняя форма памятников. Не говоря уже о вещественных памятниках, виды письменных источников и внешне имеют очевидные отличия: по характеру лексики, внешней композиции, заголовкам и др., хотя главными видовыми отличиями источников являются особенности внутренней формы источника, структурной организации материала.

Классификация исторических источников на различные категории — *типы, роды и виды* — отражает систему существенных сторон источников как субъективных образов объективного мира, а не носит формальный характер. Различные классы источников, отражающие историческую реальность по разному и с разных сторон, имеющие различное соотношение субъективного фактора и объективного ядра, предполагают и неодинаковую методику исследования разных типов, родов и видов, что предусматривает глубокую специализацию исследователей. Методика работы с родами и видами письменных документов и разными категориями вещественных памятников, этнографических данных, фольклором и т. п. совершенно различна. Классификация источников приобретает большой источниковедческий смысл потому, что она способствует разработке разных методик и приемов источниковедческого анализа, указывает конкретному исследователю пути и формы изучения данного источника.

При характеристике различных типов исторических источников было обращено внимание на их принципиальную равноправность как объектов, отражающих историческую реальность и неправомерность выделения более важных и менее важных.

Ключевое значение в источниковедении (как теоретическом, так и прикладном) имеет проблема достоверности разных категорий исторических источников: что более достоверно — письменные источники, вещественные памятники или данные языка; повествовательные или документальные произведения внутри письменных, остатки жизни или художественные памятники внутри вещественных памятников; исторические сочинения, художественные произведения, биографии или кодексы законов внутри рода повествовательных трудов. В свете вышесказанного очевидно, что все типы, роды и виды источников достоверны, поскольку в каждом источнике отображена та или иная сторона исторической реальности. Нельзя назвать ни одного источника, который бы абсолютно точно отражал прошлое, с другой стороны, нельзя сказать, что есть источники, совершенно лишенные какого-либо исторического ядра. Это, конечно, не означает, что все категории исторических источников абсолютно одинаковы для того или иного исследователя: одни источники насыщены богатой информацией, другие содержат небольшую информацию. Но иногда богатый по содержанию источник мало дает материалов по данной проблеме, в то время как единственная

надпись может стать важнейшим источником. Однако для понимания общего исторического процесса все исторические источники имеют одинаковую ценность как документы былой жизни. Достоверную картину прошлой действительности можно получить лишь используя все типы, роды и виды исторических источников.

В ходе развития исторической науки происходит постоянное накопление источников, расширение источниковой базы научного исследования. Это расширение включает в себя не только количественное возрастание уже известных источников: новые рукописи, новые надписи, монеты, предметы производства, но и качественное расширение источниковой базы, т. е. появление новых типов, родов и видов источников. Например, открытие самых разнообразных письменных документов греко-римского Египта, написанных на папирусе, обследование обширных сплошных зон археологами (территории херсонесской Гераклеи, южной части Этрурии, городища Ай-Ханум и др.). Важное место в расширении источниковой базы имеет совершенствование методики изучения не только новых, но и имеющихся памятников. Более тонкие и глубокие приемы источниковедческого анализа (методы сплошной статистической обработки, математические и естественнонаучные методы исследования, применение ЭВМ и т. п.) позволяют открыть в источниках такие стороны исторической действительности, о которых историки ранее не подозревали.

В процессе исторического исследования историк должен оперировать всеми видами, родами и типами исторических материалов. В целом в его распоряжении оказывается огромное количество самых разнообразных источников, требующих различной методики и приемов исследования. Классификация источников помогает ориентироваться в этом море конкретного материала, позволяет произвести его упорядочение. Этой же цели служит и *систематизация* источников, т. е. приведение их в определенную систему для нужд конкретного исторического или источниковедческого исследования.

Систематизация источников возможна по нескольким признакам. Одним из общепринятых и общеупотребительных признаков является систематизация по формационному признаку. Например, выделяют источники по истории древнего мира: Древнего Востока, Древней Греции и Древнего Рима. Внутри этого обширного разряда принята систематизация источников по хронологическим и региональным признакам, которые иногда тесно переплетаются между собой: источники по истории Эгейского мира, архаической, классической Греции. Особо выделяется эллинистический период древнегреческой и древневосточной истории. Систематизирующим признаком региональный — можно выделить источники по истории Атики, Лакедемона, Великой Греции или Македонии. Внутри этих регионов

источники могут быть классифицированы по хронологическому признаку, который вместе с тем может переплетаться с классификацией источников (выделение типов, родов, видов).

Таким образом, систематизация источников не совпадает с их классификацией. Если классификация источников отражает существенные взаимоотношения между самими источниками, источниками и исторической действительностью, то установление той или иной систематизации носит прикладной характер и создается для удобства практического источниковедения.

Новые грани в исторических источниках открывают возможности комбинированного анализа, когда методы и приемы исследования одних типов (вещественных памятников или документальных письменных материалов) широко применяются для изучения других категорий источников (например, надписей, монет, фольклорных материалов и др.)².

Успехи современного практического источниковедения применительно к изучению источников по античной истории можно проиллюстрировать на примере двух его подразделений, а именно интерпретации вещественных памятников (археологических объектов) и нумизматических данных. Нынешние достижения археологии и нумизматики прослеживаются по многим направлениям. Прежде всего происходит резкое количественное увеличение археологических объектов и монет. Множество археологических экспедиций ежегодно открывают и вводят в научный оборот десятки тысяч новых памятников и монет, необычайно расширяющих наши представления о прошлом. Ни один тип исторических источников не увеличивается количественно так стремительно, как вещественные памятники и монетный материал. Это обстоятельство настоятельно требовало улучшения методики их обработки и исторической интерпретации. Огромное значение в этом направлении сыграло применение методов естественных наук в археологии: радиоуглеродное датирование, дендрохронология, металлография и спектральный анализ, применение геофизических методов и аэрофотосъемки, математического и статистического анализов и др. В настоящее время полученная с помощью этих методов заложенная в памятнике материальной культуры информация предстает более точной и разнообразной. Информативность вещественного материала повышается в связи с более совершенной процедурой археологического исследования, которая позволяет отказаться от упрощенной схемы, господствовавшей в археологии ранее, когда исследователь вещественного памятника выводил широкие обобщения, например об исторических событиях и социальных явлениях из простого описания археологического факта (артефакта), минуя стадию критики и объяснения, игнорируя многоступенчатость археологического факта.

В современной археологии наиболее полная процедура археологического исследования учитывает рождение факта в ре-

альной действительности, его кристаллизацию в предмете материальной культуры, его обнаружение полевым археологом и фиксацию в качестве артефакта, обобщение, типизацию и систематизацию. Полученная и обработанная таким образом информация превращает вещественный памятник в полноценный исторический источник.

Бесспорно широкие возможности в выявлении заложенной в вещественных памятниках информации о прошлом открывает новый экспериментальный метод в процедуре археологического исследования. Экспериментальный метод в археологии представляет собой изучение археологических предметов, отдельных явлений или совокупности явлений с помощью научно поставленных опытов, проводящихся в точно учитываемых условиях, максимально приближенных к условиям функционирования археологических объектов в древности, с использованием максимально близких средств труда, направленных на получение новой информации о предмете и проверку правильности существующих выводов.

Анализ, синтез и обобщение предмета изучения можно проводить изолированно, останавливая и углубляя его на любой стадии и повторяя множество раз. Этим достигается большая глубина определения сущности явлений и повышается доказательность выводов [82, с. 44—45]. Постройка катапульт или античных триер по чертежам и описаниям древних инженеров и сохранившимся остаткам, их испытание в современных условиях, интереснейшие опыты по изучению процесса производства и производительности древних орудий путем их физического моделирования, которые проводятся в экспериментально-трассологической лаборатории ЛОИА АН СССР, показывают, насколько экспериментальный метод расширяет эвристическую ценность археологических объектов как исторических источников.

Новые возможности открывают системные исследования археологического материала, которые охватывают наиболее удаленные памятники и группы памятников как комплексы явлений, находящихся в сложной системе взаимных связей и опосредствований и решительно преодолевающих вещьеведение и изолированное описание археологических факторов. Вот, например, как трактуется с точки зрения системного подхода понятие хозяйства как системы, включенной в более высокую макро-систему общества в целом: «Хозяйственные подсистемы, направленные на получение продуктов питания (охота, земледелие, скотоводство, рыболовство), могут быть рассмотрены как состоящие из четырех основных элементов — объекта эксплуатации, орудий труда, с помощью которых осуществляются получение и обработка продуктов питания, природной среды, в которой протекает данный хозяйственный процесс, и основы производительных сил — самород человека, чей уровень профессио-

нального и интеллектуального развития во многом определял сам способ хозяйства. При таком подходе при реконструкции хозяйственных систем в древности необходимо опираться на различные виды источников, содержащих информацию о тех или иных составных элементах, и применять соответствующую методику для получения этой информации. Так, при изучении орудий труда основным является метод экспериментально-трассологического исследования, при анализе древней природной среды — палеографические и палеоэкологические разработки» [118, с. 54].

Применение системного анализа особенно плодотворно для характеристики такого важнейшего археологического понятия, как археологическая культура. Системное описание археологической культуры строится на последовательном прохождении нескольких уровней исследования. I этап — локализация в пространстве (полевые исследования). Артефакты группируются в комплексы, составляющие памятники, заполняющие определенный регион. II этап — локализация во времени (типохронологическое исследование). Типы артефактов объединяются в ансамбли, характеризующие комплекс памятников и в целом археологическую культуру. III этап — системное описание всех компонентов археологической культуры, каждый из которых рассматривается как самостоятельная система. IV этап — анализ тенденций развития систем и выявление их закономерностей — составляет непосредственную базу исторической реконструкции.

Новые и разнообразные методы анализа, построение совершенных методик и процедур источниковедческого исследования археологических объектов вместе с гигантским накоплением фактического материала открывают перед исследователями широкое поле деятельности для воссоздания исторического прошлого, превращают вещественные памятники в важнейший исторический источник, роль которого в современной исторической науке непрерывно возрастает. Многие районы, например эллинистического Востока, слабо отраженные в письменных и других типах памятников, успешно изучаются на основе современной интерпретации археологических памятников (в Средней Азии, Парфии, в южных частях Иранского нагорья и др.). Крупные успехи в изучении греческой истории III—II тыс. до н. э. в последнее время были достигнуты благодаря в первую очередь огромному археологическому материалу и современным методам его изучения.

Аналогичное происходит и с нумизматикой. Из вспомогательной дисциплины, основными задачами которой был сбор коллекций, формальная типология монетных серий и внешнее описание монетного материала, нумизматика превращается сейчас в науку, перед которой встают новые задачи, связанные прежде всего с освоением монет и монетных материалов как

полноценного и очень информативного исторического источника. Прежде всего следует отметить резкое количественное возрастание монетного материала. Уже одно это увеличение позволяет расширить наши знания об историческом прошлом. Новые возможности открывает и совершенствование методов исследования нумизматических данных. В настоящее время сама монета воспринимается не как изолированный факт или, самое большее, как некоторое звено в той или иной серии, но как факт монетной истории данного общества, его денежного обращения, как элемент его экономической системы, с одной стороны, а с другой — как произведение ремесла, предполагающее, что был выплавлен металл определенной чистоты, изготовлены штемпели нужной твердости, а мастер из них изготовил эту монету или всю серию. Иначе говоря, были открыты такие связи и стороны монеты как источника, о которых ранее историки могли лишь предполагать. Происходит многозначительная переориентация центра тяжести исследования при изучении монетного материала. Если ранее главный интерес представляла отдельная монета и ее формальная внешняя характеристика (форма, вес, изображение, легенда и т. п.), на основе которой и определялось ее место в той или иной серии, то в настоящее время основное внимание сосредоточивается на изучении монетных кладов и топографии монетных находок. Именно эта обнаруженная совокупность, исторически возникший комплекс монет при его детальном изучении дают такую многостороннюю, разнообразную и богатую информацию о денежном обращении, направлении торговых путей, особенностях монетной системы, эмиссионной и внутренней политике государства, экономической системе в целом, которую невозможно получить из анализа отдельных монет, их внешнего описания и формальной типологии.

Важность монетных материалов как исторических источников повышают новые методы их анализа: применение количественных методов и статистической обработки, пробирный анализ, метрологические исследования, изучение производственной технологии и выявление чистоты металла, анализ работы штемпелей и др.

Повышение роли нумизматических материалов как исторического источника в связи с вышеизложенным можно проиллюстрировать на ряде конкретных примеров. На основе увеличившегося монетного материала и современных методов его обработки можно восстанавливать историю ряда областей, регионов, крупных государственных образований.

Например, изучение монетного чекана и денежной политики Александра Македонского позволило открыть новые стороны его экономической, внутренней и военной политики. Оказалось, что установить прямую связь между активной эмиссионной политикой и экономическими проблемами того времени не всегда

удаётся, что следует учитывать не только экономические потребности, но и политические мотивы, в частности пропаганду личности великого завоевателя и внедрение в сознание его многочисленных подданных идеи огромной державы. Монетные выпуски как прекрасное средство политической пропаганды активно использовались римскими враждующими группировками во время гражданских войн — Антонием, Октавианом, Цезарем и др. Изучение деятельности монетного двора в Сикионе во времена Александра Македонского (в частности, был установлен факт необычайной его активности) привело историков к выводу о важности рынка наемных воинов в Пелопоннесе для комплектования армии Александра и позволило если не пересмотреть, то сильно смягчить точку зрения о якобы уменьшающемся интересе Александра к греческим контингентам по мере успешного продвижения его войск на Восток.

На основе современного изучения всевозрастающего монетного материала решаются самые различные вопросы внешнеполитических взаимоотношений между государствами. Так, сложные, постоянно меняющиеся взаимоотношения между Римом и Боспором в конце I в. — начале II в. н. э., почти неизвестные нам по другим источникам, довольно полно восстанавливаются по нумизматическим данным. Извлеченные данные имеют первостепенное значение для исследования гибкости политики Римской великой державы в ее отношениях с зависимыми царствами, важности для Рима крайнего северо-восточного фланга в его изнуряющем противоборстве с Парфянской державой. Такая важнейшая проблема древней истории, как взаимоотношения между эллинистическим миром и Древней Индией, лучше всего и полнее всего изучается именно по нумизматическим данным, которые представлены массовыми находками монетного материала на территории Индии.

Теоретическая часть, естественно, не покрывает всего источниковедения как специальной исторической дисциплины. Она дополняет, вернее осмысливает практическое источниковедение, углубленное специальное исследование всех подразделений источниковой классификации, различных его типов, родов и видов с набором конкретных методик, приемов и методов анализа. В практическом источниковедении различают три степени конкретного анализа.

Прежде всего выделяют внешнюю критику источника — *эвристику* и *герменевтику*, нахождение источников для исследования той или иной проблемы, установление (например, в письменном памятнике) текста: точное прочтение текста, очищение его от вставок и фальсификаций, выявление лакун, первоначального и вторичного текста и редакторских дополнений (*эвристика*), определение происхождения источника (время составления, авторство, место написания), цели и обстоятельства составления источника (*герменевтика*). Если дошло множество ру-

кописей, то устанавливают *архетип*, т. е. древнейшую рукопись, и строят генеалогическое древо рукописей. Свои приемы есть и во внешней критике вещественного памятника: формальное описание, выявление связей в рамках комплекса, функциональное назначение и др.

Вторая ступень источниковедческого конкретного анализа — стадия внутренней критики источника. Для письменного источника это соотнесение автора с эпохой, которую он представляет, выявление своеобразия его видения, мировоззрения, политической направленности классовой принадлежности, профессиональной подготовки; определение полноты сведений, их достоверности и точности, подлинности текста или его подделки. Например, в рукописях с произведениями Ксенофонта был обнаружен небольшой трактат об афинском государственном устройстве. После глубокого анализа его внутреннего содержания признано, что он был написан в иной социально-политической обстановке и в более раннее время, а потому не может принадлежать Ксенофону. Его автором был, видимо, неизвестный афинский олигарх, а само произведение написано в середине 420-х гг. (в первый период Пелопоннесской войны). Около 200 речей Лисия после проведения их всестороннего анализа оказались подделанными еще в древности. Примером скрупулезного исследования всех аспектов внутренней критики текста для установления авторства является исследование В. В. Струве, в котором последний приходит к интересному выводу об авторстве известного отрывка из «Исторической библиотеки» Диодора (XX, 22—26), повествующего о борьбе сыновей Перисада I. В. В. Струве считает, что автором этого отрывка-описания был выходец из Самоса, житель Херсонеса, метек по социальному положению, близкий к купеческим кругам, связанным деловыми отношениями с Боспором. Он определяется как предшественник херсонесского историка Сирика, а время его жизни — конец IV в. — первая половина III в. до н. э. [174, с. 147—200].

Наконец, третьей ступенью в конкретном источниковедческом анализе является объединение результатов внешней и внутренней критики источника в источниковедческом синтезе: определение генеалогической связи источников, сопоставление источников по степени их достоверности и точности, взаимные отношения источников между собой, полнота освещения событий в разных источниках и их взаимные отношения, установление всей суммы фактов, необходимых для исследования данной проблемы, выявление недостающих звеньев в цепочке установленных фактов и, стало быть, границ данного исследования и др.

Итак, теоретическое и конкретное источниковедение образуют нерасторжимое единство, постоянно взаимодействуют и обогащают единый процесс раскрытия объективной исторической действительности, отображенной и воплощенной в источнике.

ГЛАВА II. ВРЕМЯ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

Источники эпохи Александра Македонского отличаются определенным своеобразием. Прежде всего, они делятся на две большие группы: источники, современные описываемым событиям, и источники более позднего времени. Численно эти группы несопоставимы, и сочинения, написанные через несколько веков, преобладают. Но самое большое своеобразие заключается в характере синхронных Александру источников: помимо надписей, это преимущественно речи. Уже самый характер этих письменных свидетельств, представляющих произведения риторического жанра, определяет ряд черт, присущих этим источникам в целом, — их тенденциозность, наличие опреде-

ленных стереотипов. Но вместе с тем злободневность, страстность речей, в которых чувствуется накал политической борьбы, придает им ценность, а отдельные общие места и характер интерпретации прошлого, исторических примеров [490, с. 209—229; 72, с. 145—150] весьма показательны для выяснения того, что волновало данного оратора, какой смысл он вкладывал в лозунги, какие именно мысли старался внушить своей аудитории и какие отклики вызвать у нее.

В источниках, написанных позднее, основное внимание сосредоточено на личности Александра и его завоеваниях. В силу более позднего их происхождения встает проблема формирования и передачи исторической традиции, ибо от решения ее зависит та или иная оценка как всего источника в целом, так и отдельных содержащихся в нем свидетельств.

§ 1. ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ АЛЕКСАНДРА И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ТРАДИЦИИ

Источников, синхронных походу Александра Македонского, не сохранилось. Бесспорно, что в древности существовали и некоторые документальные материалы, связанные с походом, и сочинения участников его, но от них дошли только отдельные фрагменты (в буквальном изложении или переложении) в произведениях более поздних авторов [387, ПВ]. Историкам нового времени была проделана большая работа по восстановлению содержания этих, как их называют, первичных источников, выявлению их характера и степени достоверности [570, с. 3 сл.; 223, с. 197 сл.].

«Эфемериды». Известно, что при дворе Александра велись записи, своего рода «дворцовый журнал» или дневник — «Эфемериды» [387, ПВ, 117, с. 618—622]. О них упоминается в ряде античных источников. Так, Арриан (Anab., VII, 25) и Плутарх (Alex., LXXVI) сообщают, что из «Эфемерид» они заимствовали описание болезни и смерти царя. Высказывалось предположение, что после смерти Александра эти записи перешли к Пердикке, а от него — к Птолемею [417, с. 319—320]. Гипотеза о том, что Птолемей широко использовал «Эфемериды» в своем труде, получила распространение и стала одним из аргументов в пользу мнения о большой достоверности его сочинения. Делались даже попытки выделить места, заимствованные из «Эфемерид», в труде Арриана об Александре (через Птолемея). Однако некоторые ученые выступили решительными противниками этих построений [489, с. 435].

Другой путь исследования «Эфемерид» предложил Ч. Э. Робинсон [532], введший в исследовательскую практику «метод итинерария»: он сопоставил свидетельства о маршруте похода

Александра, содержащиеся в пяти основных литературных источниках, — произведениях Арриана, Диодора, Курция Руфа, Плутарха и Юстина. Оказалось, что поход можно разделить на три части: 1) от высадки в Азии до 327 г. до н. э., 2) 326 г. до н. э.; 3) последующие годы. Для первого периода данные всех авторов в целом совпадают; во втором наблюдаются резкие расхождения; в третьем — снова совпадают. Совпадения в первом периоде, по мнению Ч. Э. Робинсона, объясняются наличием общего источника, но Ч. Э. Робинсон склонен считать таковым не непосредственно «Эфемериды», а скорее Каллисфена — официального историографа похода, единственного автора, имевшего к ним доступ. Разногласия относительно маршрута во втором периоде — следствие ареста и последующей казни Каллисфена (новый историограф назначен не был). Более поздние авторы не могли использовать «Эфемериды» потому, что они погибли при пожаре палатки Евмена в 327 г. до н. э. (Plut., Eum., II, 2—3). Затем «Эфемериды» возобновились, и после смерти Александра новая часть была опубликована, возможно Стратидом из Олинфа. Этим обстоятельством объясняется как согласие всех пяти авторов относительно itinerария после 326 г. до н. э., так и обращение Арриана и Плутарха к «Эфемеридам» только для описания последних дней жизни царя.

Л. Пирсон [489, с. 429—439] выдвинул ряд аргументов в пользу того, что сохранившиеся фрагменты происходят не из подлинных «Эфемерид» (наличие которых он, в принципе, не отрицает), а из чисто литературного произведения, созданного, вероятнее всего, в Александрии в эпоху эллинизма. Эта точка зрения была довольно широко принята. В частности, Е. Бэдиан [230, с. 667; 223, с. 197], резко критикуя Ч. Э. Робинсона за то, что он считал «Эфемериды» фактически основным источником для всех последующих сочинений об Александре, видит самую большую заслугу Л. Пирсона в том, что тот изгнал «злой дух» этого мнимого оригинального источника, который слишком долго довлел над историками. Сравнительно недавно Сэмюэль [542, с. 1—12; ср. 363, с. 59 сл.] высказал сомнения в самом факте ведения по приказу Александра официальных записей — «Эфемерид». Как считает Сэмюэль, «Эфемеридами» назывались труды о последних днях жизни Александра, которые могли появиться в обстановке напряженной борьбы, развернувшейся после смерти царя. Авторы их заимствовали факты из ведшихся в Вавилоне записей, включавших, наряду со всякого рода астрономическими, математическими и другими сведениями, данные о пребывании в Вавилоне Александра. Написаны ли эти сочинения в целях пропаганды, как орудие в руках той или иной из борющихся сил, или были данью уважения к царю, их генезис из вавилонских источников, по мнению Сэмюэля, лучше всего

объясняет особенности сохранившейся об «Эфемеридах» информации.

Переписка Александра. В различных произведениях античных авторов сохранилось много писем, как написанных Александром (Олимпиаде, друзьям, официальным лицам, Дарию и др.), так и адресованных ему (собраны: [516]). Проблема их подлинности решается в науке нового времени по-разному, и если одни ученые признают их аутентичными (наиболее отчетливо — Придик), то гораздо большее число историков сомневается в этом (особенно Кэрст и Пирсон [396, с. 602—622; 399, с. 406—412; 489, с. 443—450]). В целом данная проблема не может решаться в общей форме. В античную эпоху письма были широко распространены как особый литературный жанр [4], и бесспорно, что определенная часть этих писем представляет более поздние подделки, но вместе с тем вполне вероятна аутентичность некоторых из них [364, с. 219 сл.; 363, с. LIX сл.; 230, с. 667].

В последние годы оживленная дискуссия развернулась вокруг одной арабской рукописи, в которой содержится «Письмо Аристотеля к Александру о политике по отношению к городам» [422]. Известная уже с 1860 г., эта рукопись считалась большинством исследователей переводом с греческого языка на арабский позднеантичного риторического сочинения. Открытие новых, более полных рукописей этого произведения привело некоторых специалистов к выводу о подлинности сочинения. Однако правильнее, видимо, считать, что оно было создано в раннеэллинистическую эпоху и имело целью защитить память основателя перипатетической школы [85, с. 22 сл.].

«Гипомнемата». У античных авторов сохранились сведения о последних планах Александра. Наиболее подробно сообщает о них Диодор (XVIII, 4), согласно которому после смерти царя Пердикка прочитал войску его заметки («гипомнемата») о дальнейших планах: о строительстве тысячи кораблей для завоевания Западного Средиземноморья, постройке шести огромных храмов, переселении жителей Европы в Азию, а азиатов — в Европу и др. Вопрос о подлинности «завещания» царя вызвал дискуссию ученых. Так, В. Тарн [594, с. 1—17; 593, т. II, с. 378 сл.] отрицал аутентичность заметок Александра, считая их подделкой, написанной не ранее II в. до н. э. По его мнению, Иероним из Кардии стал основным источником для Диодора только начиная с гл. 5 кн. XVIII. Более осторожную позицию занял Ф. Хампль [366, с. 307 сл.], который, отвергая аргументацию В. Тарна, считает поддельными некоторые части «гипомнематы». Напротив, другие ученые, и в их числе Ф. Шахермейер и Е. Бэдиан [549, с. 322 сл.; 228, с. 183—204; 223, с. 209], доказывают подлинность сообщения Диодора о планах Александра.

Каллисфен [387, IIВ, № 124, с. 630—657; 408, кол. 1674—

1726; 266, с. 225—248; 491, с. 22—49; 257, с. 407—413; 68, с. 125—126; 493, с. 119 сл.; 426, с. 19—28], племянник Аристотеля, видимо, был им рекомендован своему воспитаннику [ср. 257, с. 412] и стал официальным историографом похода. К этому времени он был уже сложившимся историком, автором нескольких сочинений («О первой священной войне», «Hellenica» и др.); высказывалось даже мнение [257, с. 412], что выработанные им методы оказали влияние на Аристотеля. Труд Каллисфена об Александре — «Деяния Александра» — носил явно апологетический характер, очевидны также панэллинские тенденции. Это сочинение Каллисфена предназначалось прежде всего грекам и должно было создать образ Александра — героя, борца за дело всех эллинов в борьбе с персами; он подражает греческим героям, и ему покровительствуют боги. Каллисфен умел изложить события так, чтобы они льстили тщеславию Александра, подчеркнув героизм его предков, мужество и самообладание царя в минуту опасности. Для писательской манеры Каллисфена характерна патетичность. Значительное место в его сочинении занимают сообщения о чудесном: пророчество эритрейской Сивиллы о власти Александра над Азией, рассказы о различных знаках проявления благосклонности богов к Александру. Самый известный из сохранившихся фрагментов — описание посещения оракула Аммона, послуживший моделью для писавших позднее историков. Тенденциозность в освещении событий и их участников, отбор материала, стиль Каллисфена дали основание даже считать его произведение своего рода риторическим энкомием Александра [363, с. LIII]. Из дошедших до нас фрагментов Каллисфена нет ни одного о событиях после битвы при Гавгамелах. В дальнейшем между Каллисфеном и Александром возникли разногласия (в результате которых он был арестован и казнен), но эти расхождения не нашли отражения в его сочинении.

Труд Каллисфена оказал сильное влияние на традицию об Александре, его много читали, ему подражали (более всего — Клитарх). Вместе с тем уже в раннеэллинистическое время он подвергся критике, наиболее резкой, очевидно, со стороны Тимея, который называл его льстецом, заслужившим свою казнь, так как развратил душу Александра (Polyb., XII, 12^b); Полибий отмечает ошибки и нелепости в рассказе Каллисфена о битве при Иссе (XII, 18—22).

Харет из Митилены [387, ПВ, № 125, с. 657—665; 426, с. 28—33] написал труд под названием «Истории об Александре», который состоял по крайней мере из десяти книг. Это не было изложение событий в хронологической последовательности. Харет записывал всякого рода казавшиеся ему интересными сведения. Насколько можно судить по сохранившимся фрагментам, его не интересовали большая политика и воен-

лые проблемы, но увлекали подробности придворной жизни, о которых Харет, в силу занимаемой должности¹, имел обильную информацию. Есть у него сведения этнографического и естественнонаучного характера. Самые важные фрагменты — об убийстве Клита, проскинесисе и казни Каллисфена, о свадьбе в Сузах. В его сочинении нет ни морализирования, ни риторики.

Оценка труда Харета в литературе нового времени разноречива. Так, Шварц [565, кол. 2129] негативно оценивал Харета, считая, что тот не оказал серьезного влияния на последующую историографию. По мнению В. Тарна [593, т. II, с. 70], помимо рассказа о проскинесисе, труд Харета не дает ничего ценного. Пример другой крайности — Ф. Шахермейер [546, с. 131; ср. 547, с. 156], который считал Харета автором одного из трех великих трудов александра времени (наряду с Аристубулом и Птолемеем). Не соглашаясь с Ф. Шахермейером, Д. Р. Гамильтон [363, с. LVI] склонен считать оценку В. Тарна не лишенной справедливости. Вместе с тем Д. Р. Гамильтон отмечает ценность труда Харета как источника сведений о некоторых событиях, свидетелем которых он был. Ф. Якоби [387, II В, с. 433] признает влияние Харета на Аристубула, Дуриса и, видимо, Клитарха, а Л. Пирсон [491, с. 50—61] отмечает, что у Харета находили полезный материал и такие серьезные историки, как Птолемей и Аристубул и «менее ответственный» Клитарх.

Онесикрит [387, II В, № 134, с. 729—736; 426, с. 38—40] — ученик известного философа-киника Диогена — принимал участие в походе Александра (видимо, не с самого начала); во время плавания по Инду был кормчим на корабле царя, а во время возвращения флота из Индии выполнял обязанности главного кормчего. Свой труд «Об Александре» [491, с. 87—90; ср. 570, с. 236] Онесикрит завершил, вероятно всего, около 305 г. до н. э. [ср. 570, с. 15, 236, пр. 3] при дворе Лисимаха. Сохранившиеся фрагменты (более всего — у Страбона) свидетельствуют о большом интересе Онесикрита к Индии, населяющим ее народам, их правам и обычаям, растениям и животным. Онесикрита привлекало все необычное; он писал об индийском хлопке, слонах, гиппопотамах, крокодилах и пр. В трудах античных авторов сохранилось несколько суровых суждений об Онесикрите. Показателен анекдот, который приводит Плутарх (Alex., XLVI): когда Онесикрит прочитал Лисимаху отрывок о встрече Александра с амазонками, Лисимах с усмешкой спросил: «А где же я был тогда?» По словам Страбона, Онесикрита «скорее следовало бы назвать главным кормчим небывлиц, а не кормчим Александра». Но и он признает, что Онесикрит рассказывает «..кое-что правдоподобное и стоящее упоминания» (XV, 1, 28) и сам широко использует его сведения. Общий характер сочинения Онесикрита

хорошо иллюстрируют слова, якобы сказанные Александром: люди хвалят работу Оносикрита, так как «думают, что это является приманкой, на которую каждый из них поймает мое благоволение» (Lucian., Quom. hist. conser. 40).

Историки нового времени более объективны к Оносикриту. По мнению Г. Берве [244, с. 290, № 583], Оносикрит дал живой образ Александра, а весь его труд, если бы он сохранился, имел бы «бесценное историческое значение». Против критики Страбона защищал Оносикрита Страсбургер [586, кол. 460—467]. Ф. Якоби [387, II В, с. 469] считал его труд «своеобразным соединением историографии и философской утопии». Большую ценность сочинения Оносикрита признавал Л. Пирсон [491, с. 83—111].

Но В. Тарн [593, т. II, с. 35, 70] называл Оносикрита лжецом, а его сочинение — своего рода героическим романом. С такой оценкой, в общем, согласен Д. Р. Гамильтон [363, с. ХLI сл.]. Ученик Диогена, Оносикрит создал образ Александра — «философа с оружием в руках», выполняющего цивилизаторскую миссию. Привлекательность этого труда — в умелом смешении фактов и выдумки.

Всесторонний анализ личности Оносикрита и его сочинения дал Т. С. Браун [269; 268, с. 126 сл.] в специальном исследовании. Браун считает, что труд Оносикрита был по своему духу киническим, основная цель автора — представить Александра живым воплощением кинического идеала просвещенного правителя. Его произведение по жанру — своеобразный энокмий (типа «Киропедии» Ксенофонта), в котором фактический материал служит для конструирования заранее заданного образа. Это сочинение дидактическое, в котором автор не столько придумывает эпизоды, сколько отбрасывает все, не входящее в схему. Гриффит [357, с. 169—171], считая, что в целом Браун дал объективный анализ, отмечает некоторую идеализацию им Оносикрита. Ключевым при характеристике Оносикрита для Гриффита является понятие безответственности. Его утолизм и кинизм — дань моде человека, который в угоду читателям стремился к занимательности. По мнению Л. Пирсона [491, с. 111], Оносикрит как ученик Диогена пользовался большей популярностью среди философов, чем среди историков, оказав влияние на стоиков².

Неарх [387, II В, № 133, с. 677—722; 229, с. 147—170] был другом Александра с детства, во время похода выполнял ряд ответственных поручений, в том числе руководил постройкой флота на Гидаспе, затем в качестве наварха командовал этим флотом. Автор труда «Плавание вдоль берегов Индии», который начинался с описания строительства флота и заканчивался рассказом о последних планах Александра, судя по полемике с Оносикритом, писал позднее его. Выказывалось мнение [387, II В, с. 445], что произведение Неарха, соединив-

шее в себе исторический рассказ и отчет о путешествии, создано на основе того официального отчета, который был представлен Александру после завершения плавания, а сам отчет — обработка Неархом судового журнала, который он вел. Сведения, содержащиеся в труде Неарха, широко использовал Арриан в своей «Индии». Ценность труда Неарха признается всеми исследователями, споры вызывает только характер его сочинения. Так, Г. Берве [244, № 544] считал произведение Неарха простым, искренним и, безусловно, заслуживающим доверия. По мнению В. Тарна [593, т. II, с. 350], Неарх — один из самых правдивых писателей древности. Однако против этой тенденции выступил Л. Пирсон, который полагает, что, достоверный в своей основе, материал Неарха искажен литературными реминисценциями — поэмой о путешествии Одиссея, трудом Геродота. Неарх, как склонен думать Л. Пирсон [491, с. 118 сл., особ. с. 149], сознательно следовал примеру Геродота; его сочинение носило в значительной степени автобиографический характер, в нем сочетались сведения географические, этнографические и исторические, источником которых были как собственные наблюдения Неарха, так и всякого рода рассказы, которым автор придал литературную форму. Неарх был реалистом, трезво относящимся к фактам и людям, но мы не знаем, как он организовал имевшийся в его распоряжении материал.

Птолемей Лаг [387, II В, № 138, с. 752—769] — знатный македонянин, один из ближайших сподвижников Александра, участник восточного похода, впоследствии царь Египта, основатель династии Лагидов. Если сама личность Птолемея и его карьера, в общем, известны довольно хорошо, то о труде его мы знаем мало и характер сочинения Птолемея не может быть полностью выяснен на основании сохранившихся фрагментов. Неизвестны ни название его произведения, ни объем его, ни время создания. Одни историки [387, II В, с. 499, 593, т. II, с. 19, 43; 640, кол. 2484; 491, с. 153, 193; 571, с. 1; 624, с. 103] считают, что Птолемей написал свой труд незадолго до смерти (он умер в 283 г. до н. э.), когда, уйдя на покой, мог отдаваться литературной деятельности. Сторонники более ранней датировки [230, с. 665 сл.; 223, с. 198 сл.; 316, с. 241 сл.; 363, с. LV], напротив, полагают, что Птолемей создал свое произведение в первые годы деятельности в Египте, когда, претендуя быть наследником Александра, он в политических целях пишет этот труд. Источниками для Птолемея признают его собственные воспоминания, возможно, записи, которые он вел во время похода. Очевидно, Птолемей знал историю Каллифена и, видимо, Клитарха. Что касается документальных источников, то этот вопрос решается по-разному [593, т. I, с. 13; 491, с. 194 сл.; 230, с. 664, 667, ср. 624, с. 101].

Труд Птолемея не был, очевидно, занимателен, он не поль-

зовался в древности популярностью, как сочинения Каллисфена, Онесикрита или Клитарха, и писатели римского времени почти ничего о нем не говорят.

На первом плане в истории Птолемея стояла фигура Александра — гениального полководца, который с прозорливостью принимает решения и мужественно их выполняет. Птолемей, очевидно, более ценит Александра-воина, чем политика, и его действия, направленные на сближение с Востоком, не вызвали симпатий знатного македонянина. Обычно труд Птолемея рассматривался как преимущественно рассказ война о войне — точный, содержащий много деталей о сражениях, атаках, осадах, о составе и маневрах отдельных отрядов, рассказ сухой, но временами полный драматической силы. Однако в литературе, особенно последнего времени [223, с. 197], выражается сомнение в полноте такой характеристики и справедливо указывается, что впечатление, которое складывается о нем на основании «Анабасиса» Арриана, не может быть адекватным. Арриана интересовала главным образом военная информация, которую он черпал у Птолемея, но этим могло не ограничиваться содержание произведения последнего.

На представление о ценности труда Птолемея наибольшее влияние оказали слова Арриана, для которого он (наряду с Аристубулом) стал основным источником: Птолемей «сам был царем и ему лгать стыднее, чем кому другому» (Anab., Proem. 2). Далее всего в развитии этого суждения пошел Э. Корнеманн [406], считая Птолемея «вторым Фукидидом», он пытался на основании главным образом стиля Арриана реконструировать сочинение Птолемея. Этот метод встретил единодушную критику специалистов [601, с. 267—271; 616, с. 98 сл.; 587, с. 483—492; ср. 640, кол. 2467—2484], которые указывали на субъективность подхода и неадекватность критериев Корнеманна; «Анабасис» Арриана — это не эпитомы труда Птолемея, а самостоятельное произведение, автор которого не копировал слепо свои источники.

При всех отличиях других работ о Птолемея их объединяла, пожалуй, одна черта — несокрушимая вера в достоверность Птолемея: В общем, считали, что Птолемей написал подлинную историю походов Александра, он — наилучший, самый надежный источник.

Однако в последние годы исследователи все более разрушают эти представления [227, с. 144—157; 230, с. 664 сл.; 622, с. 271—298; 624, с. 101—166; 316, с. 233—242]. Отмечается, что сочинение Птолемея — это не история, а мемуары [426, с. 56] и, следовательно, ему свойственны иные принципы организации материала, иная форма освещения фактов. Но самое основное, на что обратили внимание, — это то, какой образ Александра рисует Птолемей, какими целями он вдохновлялся. Отмечается, что Птолемей (в числе других задач)

стремился обосновать легитимность своей власти в Египте, используя разные средства, в том числе создавая культ Александра, законным наследником которого претендовал быть. В сочинении Птолемея всячески возвеличенный Александр предстал не столько как реальный деятель, сколько как своеобразная «идеальная модель» эллинистического правителя. Труд Птолемея — не бесхитростный рассказ воина, но политическое произведение, а сам автор небеспристрастен в изображении и некоторых других лиц, например Антигона, на образ которого легла тень его будущей борьбы с Птолемеем [223, с. 197, 199]. Более того, как это особенно показал Я. Зейберт [571, особ. с. 26], надо пользоваться с осторожностью и свидетельствами Птолемея относительно его самого. Логическим шагом на этом пути стал отказ рассматривать Арриана как безоговорочный авторитет, отказ от широкого распространения принципа: в случае расхождения Арриана с другими источниками отдавать предпочтение ему на том основании, что его труд базируется на лучшем источнике — Птолемее [259, с. 117—139; 258, с. 1—33; 34—46].

Об Аристубуле [387, II В, № 139, с. 769—798; 493, с. 119 сл.; 426, с. 65; 491, с. 151 сл.; 363, с. LV; 268, с. 128] известно мало. Он участвовал в походе Александра, умер в преклонном возрасте в Кассандрии. К труду об Александре (от начала его правления) Аристубул приступил в возрасте 84 лет, но когда именно, неизвестно. Немногие фрагменты Аристубула (их 36, т. е. вдвое меньше, чем Птолемея), несмотря на значительные усилия ученых, не позволяют составить ясного представления о характере его сочинения. Аристубул не был военным, а принадлежал к группе техников, сопровождавших Александра в походе, и его иногда называют **архитектором**. Видимо, он пользовался определенным доверием Александра, который поручил ему **восстановить разрушенную гробницу Кира в Пасаргадах**. Труд Аристубула использовал Арриан (он называет его своим главным источником, наряду с Птолемеем). У Аристубула ряд сведений об Индии заимствовал Страбон. Аристубул, судя по сохранившимся фрагментам, проявлял живой интерес ко всему, что видел во время похода, — новым странам, народам, рекам, растениям. Он описывает храм Бела-Мардука в Вавилоне, гимнасофистов в Индии, работы по очистке каналов Евфрата, произведенные по приказу Александра и др. Он, видимо, отличался трезвостью суждений и любовью к точности, что проявилось, в частности, в большом числе приводимых им цифр — о расстояниях, отрезках времени, суммах денег. В его фрагментах не обнаружена склонность к преувеличениям, а описания обычаев народов и природы в целом правдивы. Но, в согласии с духом времени, Аристубул не избежал рассказов о чудесном. Хотя образ Александра у Аристубула не совсем ясен, считают, что, в общем, он нарисовал привлекатель-

ный портрет: Александр у него энергичен, милосерден к женщинам и щедр к друзьям, но все это черты человека, а не героя. В древности Аристулу называли лжецом, и известен анекдот Лукиана о том, что Александр, рассердившись на Аристулу (тот рассчитывал сделать царю приятное, выдумав новые подвиги), бросил его книгу в Гидасп (*Quam. hist. conser.*, 12). Но высказывалось предположение, что Лукиан перепутал Аристулу с Онесикритом. Отсутствие занимательности, спокойный повествовательный стиль, без какой-либо риторики, не привлек к сочинению Аристулы в античное время ни читателей, ни критиков, ни риторов.

Оценка труда Аристулы как исторического источника в новое время связана с решением другого вопроса — о датировке или, более широко, о соотношении произведений Аристулы, Птолемея и Клитарха. Является ли труд Аристулы самостоятельным сочинением, написанным очевидцем и заслуживающим доверия, или произведением второстепенного автора, который, хотя и участвовал в походе, но зависел от своих предшественников — так формулируется одна из важнейших источниковедческих проблем истории Александра. Основопологающей в суждениях нового времени стала статья Э. Шварца [563, кол. 911—919], который не считал произведение Аристулы оригинальным. По его мнению, Аристулу много заимствовал у других авторов, прежде всего у Клитарха, использовал он и сочинение Птолемея. В Аристуле Э. Шварц видел писателя невысокого интеллекта, трезвого, скучного и придирчивого критика Клитарха. Негативную оценку Э. Шварца поддержал ряд ученых, в числе которых Г. Берве [244, т. II, № 121] и Ф. Якоби [387, II В, с. 508 сл.]. Определенный перелом в отношении к Аристулу связан с именем В. Тарна [593, т. II, с. 31—40, 69—71], который поднял Аристулу до уровня историка первостепенного значения, сделав его одним из двух основных источников XVII кн. Дниодора. Среди последователей В. Тарна — Л. Пирсон [491, с. 150—187]. Ф. Шахермейер [546, с. 131; ср. 547, с. 156], не разделяя концепции В. Тарна, считал сочинение Аристулы одним из трех великих трудов александра времени; позитивно оценивал Аристулу и Г. Вирт [639, с. 564 сл.; 638, с. 213 сл.]. Напротив, Т. С. Браун [268, с. 128] считает его второстепенным историком. В историографии нового времени, таким образом, Аристулу оказался тесно связанным с Клитархом.

О жизни Клитарха [387, II В, № 137, с. 741—752; 426, с. 40—43, 83—92] почти ничего не известно. Обычно считают, что он не принимал участия в походе, жил, вероятнее всего, в Александрии и потому не должен был писать ничего, что не понравилось бы Лагидам [348, с. 328 сл.; 362, с. 144]. Его отцом был, видимо, Динон — автор сочинения по истории Персии; высказывалось предположение, что именно этому, утерян-

ному для нас труду, Клитарх обязан многими сведениями о Персии. Клитарх написал, очевидно, большое сочинение (не менее чем в 12 книгах), называвшееся «Об Александре». Сохранившиеся фрагменты, а также суждения писателей римского времени дают возможность составить представление о некоторых чертах труда Клитарха, хотя фигура его, в общем, остается во многом неясной. Считают, что произведение его представляло своего рода героический роман. Ряд фрагментов показывает, что ради занимательности Клитарх не останавливался перед искажением фактов. Он красочно описывает встречу Александра с царицей амазонок, ему мы обязаны рассказом о Таис и сожжении персепольского дворца, звери и птицы у него наделены фантастическими чертами. Это была смесь правды и выдумки, реального и чудесного, написанная ярко и увлекательно. Именно эти качества обеспечили Клитарху большую популярность в конце республики и в первые два века империи. Его много читали, но критиковали как историка и стилиста. Например, Страбон противопоставлял Клитарха тем, кто более всего любит истину, и тем, кто заслуживает наибольшего доверия (XI, 5, 4, 505 с.). Клитарха многие историки считают создателем так называемой «вульгаты» — романтической традиции об Александре, которая легла в основу XVII кн. Диодора, оказала сильное влияние на сочинение Курция Руфа и заметна в переложении истории Помпея Трога, сделанном Юстином.

В течение долгого времени наибольшим признанием пользовалась концепция, разработанная немецкими учеными. Еще Дройзен [53, с. 126 сл.] предложил следующую схему зависимости историков: Клитарх — Птолемей — Аристул. Ее разработал Э. Шварц [563, кол. 911—918; 566, кол. 1873 сл.; 567, кол. 683], и, несмотря на некоторые возражения, эта концепция стала общепризнанной. В целом соглашаясь с Э. Шварцем, Ф. Якоби [389, кол. 622—654; 387, II В, с. 484 сл.] полагал, что Клитарх писал скорее около 310 г. до н. э., чем около 300 г. до н. э. По мнению Ф. Якоби, нет веских аргументов для того, чтобы отрицать участие Клитарха в восточном походе [244, № 40, с. 422 сл.; 588, с. 204]. Несомненно, он использовал труд Каллисфена. Радикальный пересмотр этой концепции (как уже отмечалось) предпринял В. Тарн [593, т. II, с. 5 сл.]. Для него Клитарх — второстепенный писатель, который не сопровождал Александра в походе и написал свой труд, вероятно, в 280—270 гг. до н. э., может быть десятилетием позже. Свои сведения он заимствовал в большой мере у Аристула, которого В. Тарн считает важнейшим источником Диодора. Тем самым В. Тарн отрицает «вульгату» и Клитарха (который для Э. Шварца — фигура высочайшего значения, родоначальник важнейшего направления в античной историографии Александра) низводит до уровня второстепенного ис-

торика. Что касается отношения Клитарха к Александру, то Ф. Якоби считал его безусловным поклонником царя [389, кол. 641], в то время как, по мнению В. Тарна [593, т. II, с. 238 сл.], Клитарх был враждебно настроен к нему. Впрочем, в литературе отмечалась крайность суждения обоих [588, с. 208].

Многие ученые [277, с. 141—144; 533, с. 192—202; 393, с. 122] приветствовали работу В. Тарна. Л. Пирсон [491, с. 212—242], обратившись к фрагментам Аристубула и Клитарха, поддержал предложенный В. Тарном порядок: Аристубул — Птолемей — Клитарх, хотя и отмечал, что, поскольку нет точных доказательств, речь может идти о гипотезе, которая дает наиболее удовлетворительную интерпретацию имеющихся пока в нашем распоряжении источников. Но далеко не все историки согласились с выводами В. Тарна. В защиту старой датировки выступил Страсбургер [588, с. 202—211] в очень обстоятельной рецензии на книгу В. Тарна. По мнению Т. С. Брауна [267, с. 134—155; 268, с. 131 сл.], у нас нет доказательств того, что Клитарх писал после Аристубула или использовал его. Не убедило исследование В. Тарна и Ф. Шахермейера [546, с. 129—131; 548, с. 81—92; 547, с. 151—155], который считает, что Клитарх умер при Птолемеи I, вероятно до 305 г. до н. э. Позитивно оценивая его труд, Ф. Шахермейер большое значение придает сведениям, которые Клитарх, живя в Александрии, мог получить от бывших наемников — офицеров и рядовых воинов, служивших как в армии Александра, так и у Дария, а также от греков, занимавших различные должности при дворе македонского царя и доживавших свой век в Александрии. Старую датировку защищает и Гамильтон [361, с. 448—458; 363, с. LIV сл.]. Клитарх писал в конце IV в. до н. э., а поскольку Аристубул создал свой труд не раньше 295 г. до н. э., то, следовательно, Клитарх предшествовал ему. Но соотношение между Клитархом и Птолемеем для Д. Р. Гамильтона не ясно, хотя он и допускает, что Птолемей мог предшествовать Клитарху. По мнению Е. Бэдиана [230, с. 666 сл.; 225, с. 198 сл.; 210, с. 34], Клитарх начал писать свой труд вероятнее всего после 300 г. до н. э. и вряд ли опубликовал его ранее 290 г. до н. э. Он считает доказанным, что Клитарх находился при Александре в Вавилоне в 324 г. до н. э. и описал его смерть как свидетель. Но вопроса об относительном порядке трех наших авторов он не решает, признавая только приоритет Птолемея над Клитархом.

Из сказанного ясно, что старая схема Клитарх — Птолемей — Аристубул имеет как своих сторонников, так и противников. Следует отметить, что более ранняя датировка Клитарха вовсе не означает признания его приоритета над Аристубулом или Птолемеем. Здесь возможны различные варианты,

и некоторые исследователи оставляют вопрос о хронологическом соотношении трех названных писателей открытым.

Рассмотрение первичных источников приводит к выводу, что распространенные ранее концепции развития традиции об Александре нуждаются в определенном пересмотре. В общем, признавали наличие двух основных линий. Одна из них — надежная, восходящая к Птолемию и отчасти к Аристубулу, нашла свое последнее выражение в труде Арриана — самом достоверном и объективном из вторичных источников. Вторая традиция, выраженная в трудах Диодора, Курция и Юстина, — так называемая «вульгата» — восходит к Клитарху, который, опираясь прежде всего на Каллисфена, создал романтическую и риторическую историю Александра. Ответвлением этой традиции считают сложившийся в эллинистическом Египте «Роман об Александре» (называемый обычно Псевдокаллисфеновым) [84, с. 22—35; 448]. Несколько особняком с точки зрения использованных источников стоит биография Александра, написанная Плутархом.

Однако установление более сложной зависимости источников в пределах того, что называется «вульгатой» (вплоть до полного отрицания ее), и выявление определенной идеологической направленности в труде Птолемея заставляют с большим сомнением относиться к этой традиционной схеме. Видимо, на современном уровне развития источниковедения большее значение имеет не обрисовка общих линий развития традиции (этот подход скомпрометировал себя как ошибками при определении характера отдельных источников, так и методологической позицией), но выявление конкретных источников каждого автора, его достоинств и недостатков.

С точки зрения изображения исторических событий в ранней историографии Александра наблюдаются те же два основных направления, что и в исторической литературе IV в. до н. э.: у представителей одного (Каллисфен, Онесикрит, Клитарх) факты подвергаются риторической обработке, изложение проникнуто морализированием, авторы склонны к драматизму изложения. Историки другого направления (Птолемей, Аристубул) стремятся не столько к художественности изложения, сколько к точности и обстоятельности, что отнюдь не исключает тенденциозности [62, с. 104 сл.].

§ 2. СВИДЕТЕЛЬСТВА АФИНСКИХ ОРАТОРОВ

В эпоху Александра в Греции на поприще политическом и судебном выступал целый ряд ораторов, но о большинстве из них мы не знаем ничего, кроме их имен и названия некоторых речей. Самые известные — Демосфен, Эсхин, Ликург, Гипе-

рид, Динарх. Сохранились три речи Эсхина [201,] три речи Динарха [48], одна речь Ликурга (не считая фрагментов) [108]. Ни одна из речей Гиперида не дошла полностью, наибольшее число фрагментов относится к семи речам [40].

Самый значительный по объему — корпус речей Демосфена, включающий более 60 речей, как политических, так и судебных. Они представляют и наиболее сложный источник, так как в отношении ряда речей встает проблема их аутентичности и датировки. Если подлинность или неаутентичность некоторых речей установлена несомненно, то для других — это спорный вопрос, и по поводу отдельных речей существуют различные, подчас довольно сложные теории. Скажем только о самых основных речах. В речи Демосфена «За Ктесифонта, о венке» [47] (произнесенной в 330 г. до н. э.) оратор блестяще защищает свою политическую деятельность, но основное внимание уделяет времени Филиппа; о последующих же годах говорит кратко. Обвинителем Ктесифонта (а в первую очередь Демосфена) выступил злейший враг последнего Эсхин. В его речи «Против Ктесифонта» события времени Филиппа тоже занимают большое место, однако свидетельства о времени Александра более многочисленны. Важны, в частности, сообщения о позиции Демосфена в начале восточного похода, о персидской политике в эти годы, о положении в Греции к моменту выступления Спарты под руководством царя Агиса III. Естественно, деятельность Демосфена рисуется самым отрицательным образом.

Значительным материалом мы располагаем еще об одном событии. В 324 г. до н. э. в Афинах разгорелась ожесточенная борьба, связанная с так называемым делом Гарпала — казначея Александра Македонского. Бежав с похищенной казной и набербовав на эти средства наемников, Гарпал просил убежища в Афинах, свои просьбы подкрепляя золотом. В дальнейшем, когда он вынужден был бежать и из этого города, выяснилось, что часть оставленного им золота исчезла, возник процесс против ряда лиц, в числе которых оказался Демосфен. Об обстоятельствах этого шумевшего дела мы узнаем из речей Динарха «Против Демосфена», «Против Аристокитона» и «Против Филокла», а также из фрагментов речи Гиперида «Против Демосфена по поводу денег Гарпала». В этих речах содержатся сведения не только о деле Гарпала — в них упоминаются факты, важные для изучения других сторон жизни Греции тех лет. В частности, речи Динарха и Гиперида позволяют составить более правильное представление о характере выступления греков во главе со Спартой против Македонии, чем написанные позднее произведения. На основании речей современников можно точнее судить о силах сторонников Спарты и ее противников, о масштабах антимакедонского движения.

Одним из важнейших источников для истории Греции времени Александра является XVII речь демосфенова корпуса, называемая «О договоре с Александром» [47]. Как отмечалось уже в древности [47, с. 545], эта речь не могла принадлежать Демосфену, но была написана Гиперидом или Гегесиппом. Бесспорно, что этот документ вышел из афинских кругов, враждебных Александру. Точная дата произведения неизвестна. Некоторые историки [253, с. 146 сл.; 290, с. 345—347; 187, с. 45] относят ее к 335 г. до н. э., поскольку в речи не упоминается ни о разгроме Фив, ни о восточном походе Александра; другие исследователи [283, с. 74 сл.; 550, с. 203 сл.; 633, с. 110; 315, с. 31; 81, с. 25 сл.] считают, что она была произнесена в 332 г. до н. э., когда в связи с выступлением Спарты против македонского господства в афинском народном собрании велись острые дебаты по поводу определения позиции Афин.

В речи сообщается об условиях договора, заключенного македонским царем с греческими полисами. Это тем более важно, что договор Александра — это копия договора Филиппа, поэтому данная речь может служить дополнительным источником для восстановления условий Коринфского договора. Кроме того, в речи достаточно подробно говорится о нарушении Александром условий этого договора, причем особое внимание уделяется произвольному изменению македонским царем политического строя полисов, что было прямым нарушением одного из основополагающих принципов договора — о неизменности государственного строя полисов — членом союза. Из речи мы узнаем также о некоторых мерах, предпринятых Александром против Афин. Для позиции оратора показательно, что в своей критике действий Македонии он не ставит под сомнение сам договор, осуждение вызывают только те мероприятия Александра, которые нарушают его.

§ 3. ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Ряд надписей являются источниками для изучения взаимоотношений между Александром и греками³. Прежде всего, это фрагмент договора между Александром и греками — как предполагают, возобновление соглашения о Коринфском союзе [572, т. II, № 183; 383, т. II—III², № 329]. К сожалению, он сильно поврежден и читаются только некоторые параграфы, в которых рассматриваются вопросы оплаты и снабжения продовольствием воинов в войне с Персией.

Несколько надписей происходят из Малой Азии. Это письмо царя Приене [572, т. II, № 185; 380, № 1; 484, т. II, № 1], к сожалению, фрагментированное: в нем предписывается «тем из

живущих в Навлохе, которые являются приенцами», быть автономными и свободными, владеть землей и всеми домами в полисе и хоре; тем же, которые не являются приенцами, жить в деревнях, как им и положено. Часть хоры Александр объявляет своей. Жители деревень на царской земле обязаны платить форос, в отличие от полиса, который освобождается от налога — синтаксиса.

Ученые, которые обращались к приенской надписи в связи с проблемой отношений Александра с малоазийскими полисами, как правило, писали о Приене, не касаясь совершенно того очевидного факта, что в начале надписи речь идет не о полисе приенцев, а о «тех живущих в Навлохе, которые являются приенцами». Эпиграфисты [572, т. II, с. 244] в комментариях склонны считать, что Александр фактически отдает Навлох живущим здесь приенцам, высялая всех неприенских граждан. Недавно, однако, предложено новое объяснение². В 1953 г. в Аргосе была найдена надпись [287, с. 156—239], представляющая список теародоков примерно 330 г. до н. э. Среди многих полисов, перечисленных в том списке, нет Колофона и Триены, но названы Нотий и Навлох. На основании этой надписи было высказано предположение, что к началу похода Александра Македонского собственно полис был еще настолько разрушен, что граждане его жили в Навлохе; такому перемещению города есть целый ряд аналогий. Начало восстановления Приены относится ко времени Александра; подтверждение этому есть в её планировке и архитектуре, насколько они выявлены в результате археологических работ.

Толкование приенской надписи, в общем, довольно однозначно: в ней видят определенное свидетельство вмешательства Александра во внутренние дела города, который он объявляет свободным и автономным, а сами приенцы в датировке своих надписей [380, № 2, 3, 4, 6, 7] с этого времени начинают как бы новую эру.

Следует упомянуть еще две приенские надписи: посвящение Александром храма Афине [572, т. II, № 184; 308, т. I, № 277] и почетный декрет в честь наместника Александра во Фригии Антигона [572, т. II, № 186; 380, № 2; 308, т. I, № 278], которому приенцы даруют многочисленные привилегии, в том числе проксенство, гражданство, право владеть землей, освобождение от налогов.

Чрезвычайно важным документом, связанным с политикой Александра по отношению к породам Малой Азии, является письмо Хиосу [572, т. II, № 192; 308, т. I, № 283; 150, с. 55; 190, с. 466 сл.]. Зимой 333/32 г. до н. э. македонские войска во главе с Гегелохом осаждали Хиос. Вероятно, еще во время осады Александр направил Гегелоху рескрипт, которому затем придали характер письма хиосцам и выбили на камне. Однако не-

сколько лет тому назад была сделана попытка передатировки надписи 334 г. до н. э. ([373, с. 191—204].

Согласно воле царя, все изгнанники, т. е. демократы, возвращаются на родину, и на Хиосе восстанавливается демократия. Выбранные номографы должны привести законы в соответствие с новым порядком, чтобы ничто не противоречило демократическому устройству и возвращению изгнанников. Вновь составленные и исправленные законы представляются на рассмотрение Александру. Хиосцы обязаны выставить 20 триер, снаряженных и укомплектованных за свой счет. Те из предавших город варварам лиц, которые бежали, объявляются изгнанными из всех полисов — членов Коринфского союза и подлежат задержанию и выдаче, оставшиеся же в городе предатели передаются на суд синедриона. Все споры между вернувшимися из изгнания и оставшимися в Хиосе гражданами разрешаются Александром. В городе помещается гарнизон, который будет находиться здесь на содержании горожан до тех пор, пока хиосцы не примирятся.

Хиосская надпись привлекла самое пристальное внимание ученых, толковавших ее по-разному. Если одни исследователи [315, с. 23—30; 150, с. 55 сл.] видели в ней доказательство широкого вмешательства македонского царя в дела Хиоса, то, по мнению других [419, с. 205—207; 373, с. 193 сл.], надпись не свидетельствует о нарушении Александром автономии, поскольку он действует в рамках тех полномочий, которые имеет как гегемон Коринфского союза.

Несколько документов характеризуют последний этап взаимоотношений Александра с городами. В 324 г. до н. э. он издает указ о возвращении изгнанников во все полисы (Diod., XVIII, 8, 4). В связи с проведенным в жизнь этого рескрипта возникли многочисленные имущественные споры, которые полисы регулировали, руководствуясь общими принципами царского указа. До нас дошло три таких документа — псефисмы Митилены [383, т. XII, 2, № 6; 383, т. XII, Suppl., с. 3, № 6; 572, т. II, № 201; 231, с. 120—125; № 280], Тегей [383, т. V, ч. 2, с. XXXVI сл.; 308, т. I, № 306; 572, т. II, № 202; 231, с. 125 сл., № 281] и Калимны [451, № 417]. Главная цель декрета Митилены — урегулирование отношений между оставшимися в городе и вернувшимися, всеобщий мир и спокойствие, соблюдение всех достигнутых соглашений и царского декрета. Всем магистратам вменяется в обязанность следить за наказанием лиц, виновных в нарушении предписанного, чтобы в полисе не было никаких споров и все жили без взаимных подозрений и дурных замыслов. Для улаживания споров выбираются двадцать посредников, по десять от каждой стороны; последнее слово принадлежит народу.

В митиленской надписи следует отметить многократно подчеркнутое стремление всеми силами примирить вернувшихся

из изгнания и оставшихся в городе граждан; установление порядка решения имущественных споров при отсутствии конкретных указаний на характер имущества и количественные нормы; решающую роль рескрипта Александра, на который постоянно ссылаются.

Диаграмма Александра, как явствует из декрета Тегей, — источник права, на основании которого полис составил соответствующее постановление, уничтожая в конституции все, что ей противоречит. Как показывает тегейская надпись, царская диаграмма не имела в полисах силы закона, но сам полис на основании диаграммы как источника права издает соответствующую псефисму. В отличие от митиленского указа, в тегейском выявляются иные черты: детальное рассмотрение возможных казусов; конкретные указания на различные виды спорного имущества и способы улаживания дела о каждом из них; определение количественных норм в разрешении вопросов об имуществе. Всем вернувшимся мужчинам возвращается отцовское имущество, с имуществом же матери дело обстоит сложнее: оно отдается незамужней дочери, если у той нет братьев; замужняя же дочь получает имущество в случае, если братья умерли после ее замужества, не оставив детей. Вернувшиеся из изгнания получают только дом и сад, находящийся в пределах плетра, и лишь половину сада, если он отстоит от дома на большее расстояние. За другие дома бывшему владельцу выплачивается по две мины. Устанавливается порядок разрешения имущественных споров. Подробно рассмотрен вопрос о задолженности храму Афины Алеи, который при любых обстоятельствах получает весь долг. Оставшиеся в городе клянутся не питать никакой злобы к вернувшимся и не вредить их безопасности.

Надпись из Калимны представляет декрет в честь граждан Иасоса. Из нее ясно, что имущественные дела, связанные с возвращением изгнанников, вызвали в Калимне также неурядицы и споры. Для их улаживания по просьбе граждан была образована комиссия из пяти иасейцев, которые получают теперь проксению, политию, ателию, проедрию и другие привилегии за успешное исполнение своей миссии. Урегулирование в Калимне тоже проводилось согласно диаграмме царя.

С указом 324 г. до н. э. связаны также самосские декреты в честь граждан Иасоса Горга и Минниона, помогавших самосским изгнанникам [572, т. II, № 190; 308, т. I, № 307; ср. 308, т. I, № 312], и в честь Демарха [308, т. I, № 367].

Большой материал содержится в надписи из Эреса [572, т. II, № 191], которая включает по крайней мере семь разновременных документов: декрет о суде над бывшим тираном Агониппом (строки 1—32); декрет о сыновьях и внуках прежних тиранов (33—41); декрет о суде над бывшим тираном Еврисилаем (42—84); формула клятвы судей (84—95); письмо

Филиппа Арридея, подтверждающее принятые ранее решения (96—103); письмо царя Антигона о сыновьях Аговиппа (104—121); декрет Эреса о запрещении возвращения из изгнания любого потомка тиранов (122—158).

Ряд документов важен для изучения экономических и политических условий в Греции в годы правления Александра. Надпись из Кирены [572, т. II, № 196] о посылке зерна во многие полисы Эллады обычно интерпретируется как свидетельство о недостатке продовольствия в Греции. В другой надписи — решении афинского совета и народного собрания [572, т. II, № 200] — сообщается об основании апойкии на побережье Адриатики ради доставки хлеба. Любопытным документом эпохи является посвящение Зевсу Спасителю [572, т. II, № 197] группы беотийских всадников, служивших в армии Александра Македонского во время восточного похода и вернувшихся на родину после того, как были распущены войска полисов — членов Коринфского союза. Одним из интересных документов несколько более позднего времени — 307/6 г. до н. э., в котором упоминаются события времени Александра, является афинское постановление в честь известного оратора Ликурга [308, т. I, № 326; ср. Ps.—Plut., Vit., X, Orat., 851 F—852E]. Помимо прочего, оно важно своим почти текстуральным совпадением с постановлением в честь Ликурга, сохранившимся в письменном источнике — его биографии псевдо-Плутарха. Эпиграфические источники сообщают о деятельности Ликурга в те годы, когда он фактически стоял во главе Афин: завершение строительства доков, постройка верфи, арсенала Филона в Пирее, создание значительных запасов военного и военно-морского снаряжения, усиление городских укреплений и фортов, охраняющих территорию Аттики [308, т. I, № 326, 339, т. II—III, № 1(1), 505, 2(1), 1627, 1628, 1631; 436, с. 36—48, № 10; 510, с. 56—66]. Эти документы хорошо согласуются с данными речей афинских ораторов.

Некоторые общие указания на события в Греции и на Востоке дает так называемая «Паросская хроника» [572, т. II, № 205], составленная в 264/3 г. до н. э.

Эпиграфических документов, современных рассматриваемому периоду, на Востоке не найдено. Однако могут быть привлечены две несколько более поздние надписи из Кандагара.

§ 4. НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Нумизматические данные для эпохи Александра Македонского многочисленны, им посвящена огромная литература [570, с. 45—51; 223, с. 200—211]. Монеты представляют собой важнейший источник для изучения экономической политики Алек-

сандра и других аспектов истории этого периода. Научное исследование монетного дела державы Александра Македонского началось в середине прошлого века [467], однако из-за обилия материала и сложности его интерпретации многие вопросы до сего времени остаются дискуссионными. Важнейшей задачей исследователей было отделить собственно чекан Александра Македонского от чекана многих городов (особенно малоазийских), выпускавших монеты с типами и легендами Александра много десятилетий спустя после его смерти (даже еще во II в. до н. э.) [600, с. 3—45; 580, с. 603—625]. Общую картину также затемняло обилие «варварских подражаний», чеканенных по типу монет Александра на периферии античного мира в III—II вв. до н. э., в частности в Кавказской Албании [14, с. 16—32] и в каком-то из центров Аравии [461, с. 183—202]. Первые выпуски этих серий очень близки своим прототипам, что заставляло иногда исследователей относить их к числу собственно александровских монет.

В монетном деле державы Александра использовались все три металла: золото, серебро и бронза. Известно большое число типов и номиналов, но основные следующие [236, с. 3]:

1) золотой статер. На лицевой стороне голова Афины в коринфском шлеме, на оборотной — стоящая влево крылатая Ника с венком в правой руке;

2) серебряная тетрадрахма. На лицевой стороне голова юного Геракла с львиным скальпом. На оборотной — Зевс, сидящий на троне, влево. На его правой вытянутой руке — орел, в левой руке — скипетр;

3) бронза. Лицевая сторона — такая же, как и у серебряных монет, оборотная — лук и палица.

Обычно (но не всегда) на оборотной стороне имеются дополнительные символы или монограммы, указывающие на место чеканки или отдельные выпуски. Легенда, также находящаяся на оборотной стороне, двух вариантов: «Александра» и «Царя Александра». Для первых годов царствования характерен первый вариант, для более поздних — второй. На различных монетных дворах переход от одного варианта к другому был неодновременным; иногда, введя второй вариант, спорадически возвращались к первому; некоторые монетные дворы (Сидон, Ака) вообще использовали только первый.

Известны и другие типы. Так, в начале царствования Александра (вплоть до 328 г. до н. э.) на монетном дворе Пеллы активно выпускались монеты филипповских типов (и с легендой «Филиппа») [637, с. 46]. На монетном дворе Бактр чеканились серебряные тетрадрахмы с изображением головы Зевса в лавровом венке (лицевая сторона) и орла, сидящего на перуне (оборотная сторона) [632, с. 60—72]. Некоторые редкие типы встречаются среди продукции других монетных дворов. Скорее памятной медалью в ознаменование победы над

Пором, чем собственно монетой, были серебряные декадрахмы с изображением на лицевой стороне конного Александра, атакующего Пору, сидящего на слоне; на оборотной стороне — стоящий Александр в персидской шапке, с мечом на поясе, в правой руке его — перун, левой он опирается на копьё; царя венчает крылатая Ника [236, с. 27].

Нумизматические исследования позволили представить хронологию развития монетного дела Александра. В начале царствования в его распоряжении было два монетных двора, унаследованных от отца: в Амфиполе и Пелле. Первые монеты в Малой Азии во время восточного похода Александр стал чеканить в Тарсе [477], но между 333 и 330 гг. до н. э. монеты чеканятся уже во многих городах — в Александрии у Исса, в ряде городов Кипра, в Библе, Сидоне, Аке, Дамаске, Сардах и Вавилоне. В дальнейшем появились новые монетные дворы как в Малой Азии (Лампсак — 329 г. до н. э.; Абидос, Колофон, Милет — 325 г. до н. э.; Теос — 324 г. до н. э.), так и на Востоке — в Экбатанах и Бактрах (точная дата неизвестна). Александрийский монетный двор действует с 326 г. до н. э.

Исследование монет позволяет выявить некоторые важные черты политической истории эпохи Александра Македонского. Так, создание специального монетного двора на территории Греции — в Сикионе (330/329 г. до н. э.) — указывает, во-первых, на постоянную потребность Александра в наемниках из Пелопоннеса, специально для оплаты которых был создан этот монетный двор; во-вторых, устройство его свидетельствует, сколь сильное влияние мог оказывать царь на отдельные государства Коринфского союза. Свидетельством глубины кризиса державы Александра Македонского в период завоевания Индии считают монеты, выпущенные в ряде городов сатрапом Киликий Балакром, — это монеты старого типа, обычного для чекана сатрапов эпохи Ахеменидов и без всякого указания на Александра [236, с. 78]. Монеты свидетельствуют о различном отношении Александра к полисам Малой Азии и городам Сирии, Финикии и Кипра на первом этапе завоевания: некоторым городам Малой Азии было разрешено продолжать чеканить свою монету (только позднее, начиная с 330 г. до н. э., она постепенно заменяется чеканом общегосударственных типов), тогда как у городов Сирии это право было отнято (даже если ранее они выпускали свою собственную, а не общегосударственную персидскую монету). Финикийские (Арад; Сидон, Библ, в которых сохранились свои царьки) и кипрские города (Китион, Саламин, Пафос, где ситуация была аналогичной) выпускали монеты общегосударственных типов, но с добавочными символами — начальными буквами (иногда даже арамейскими) названия города или имени царя.

Нумизматические исследования опровергают весьма частое

в литературе утверждение о монетной политике Александра как средстве унификации его державы. Александр был вынужден считаться с существующими до него монетными традициями, отражающими уже сложившиеся экономические отношения. Так, на различных монетных дворах Малой Азии по-прежнему выпускались главным образом золотые статеры и серебряные драхмы, что согласуется с традициями монетного дела Малой Азии предшествующего времени. Еще более показательно, что в Вавилоне, наряду с обычными монетами Александра, чеканились золотые двойные дарики, серебряные подражания афинским «совам», а в Экбатанах — дарики и серебряные сикли, т. е. монеты, наиболее широко распространенные на востоке государства Ахеменидов. С точки зрения монетного обращения империя Александра Македонского делилась на три зоны, сильно отличающиеся одна от другой по типам и характеру обращавшихся там монет: Македония и западная Малая Азия; Киликия, Сирия, Финикия; Вавилония и более восточные районы.

В некоторых областях ситуация при Александре стала еще более сложной, чем она была при Ахеменидах. Например, в Вавилонии одновременно обращались три типа монет, не согласованные одна с другой по весовым системам: общегосударственные монеты; дарики и имитация афинских «сов»; са-трапские монеты от имени Мазея и Мазака, представляющие до сего времени нумизматическую загадку.

§ 5. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ И ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИСКУССТВА

Археологических материалов, освещающих собственно эпоху Александра Македонского, немного. Для Македонии важнейшее значение имеют раскопки Пеллы [500; 159, с. 133—136; 114, с. 149 сл.; 115, с. 200 сл.]. Около Наусы, отождествляемой с античной Миезой, велись раскопки Нимфейона, находящегося, по словам Плутарха (Alex., VII) в роще, где философ Аристотель учил Александра. На Востоке в тех городах, которые были основаны Александром Македонским, находки, относящиеся к начальному периоду их жизни, чрезвычайно редки. В самом восточном греческом городе (современное городище Ай-Ханум, на северо-востоке Афганистана) обнаружены некоторые постройки, восходящие, по мнению руководителя раскопок П. Бернара, ко времени Александра. Эти постройки, расположенные в самом центре города, имели весьма непрезентабельный вид, однако население сохраняло их как свидетельство более чем скромного начала города на фоне архитектурного великолепия последующих веков [95, с. 118—124].

Очень незначительны памятники раннего времени в крупнейшем из городов, основанных Александром, — Александрии Египетской [334, т. 1].

Археологические находки, сделанные на территории самой Македонии, позволяют лучше представить характер вооружения македонской армии [442, с. 323—339].

Любопытным подтверждением свидетельств античных авторов о поджоге дворца в Персеполе являются следы пожара, обнаруженные здесь при раскопках [181].

Среди произведений искусства, дающих определенные материалы для суждения об эпохе Александра Македонского, наиболее важным считают скульптурные портреты македонского царя [250, с. 373—427; 249, с. 183—188; 441, с. 236—243; 568, с. 223—278; 570, с. 52—55; 223, с. 200, 210]. Всего сейчас известно около ста скульптурных изображений Александра, как близких по времени к дате его жизни, так и более поздних реплик и копий. Они интересны не столько тем, что дают представление об облике царя, сколько тем, что показывают становление официальной иконографии.

Определенное значение имеют также найденная в Помпеях мозаика с изображением битвы Александра с Дарием⁵, которую считают повторением известной картины Филоксена, украшавшей дворец Кассандра, и так называемый «саркофаг Александра», обнаруженный при раскопках в Сидоне [570, с. 58—61, 254—256].

§ 6. ВТОРИЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ АЛЕКСАНДРА. (ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ)

До нас дошло пять основных источников по истории Александра. Сочинения Арриана и Курция Руфа целиком посвящены походу, Плутарх написал биографию Александра, у Диодора и Юстина (Помпея Трога) в их всеобщих историях есть большие разделы о Греции и Малой Азии этого времени.

Древнейшая из сохранившихся историй Александра содержится в XVII книге труда Диодора Сицилийского «Историческая библиотека» (I в. до н. э.). Диодор не называет своих источников (за исключением кн. XVII, 4, 8 и кн. II, 7, 3). Птолемей, например, назван только как действующее лицо, а не как автор. Один раз Диодор ссылается на собственные наблюдения (о населении Александрии, XVII, 52, 6). Обычно он ведет рассказ от своего имени, только изредка ссылаясь на безличные авторитеты (например, «говорят», XVII, 4, 8; «рассказывают», XVII, 85, 2), как правило, для подтверждения каких-либо особых сведений. Указания на письменные источники встречаются только дважды, когда Диодор приводит

другую версию, отличную от рассказанной, и оба раза анонимно (XVII, 65, 5 и 73, 4), [306, т. VIII, с. 6 сл.].

Проблема источников Диодора чрезвычайно сложна и, несмотря на большое число исследований, не может считаться решенной [570, с. 25—29; 241—243]. Выдвигались различные теории, иногда довольно сложные и запутанные. Ранее большое распространение получила теория одного источника [31, с. 220—222]. Сходство между Диодором, Курцием Руфом и отчасти Юстином объяснялось их общим источником (его отождествляли с Клитархом). Отчетливо эта теория выражена Э. Шварцем и Ф. Якоби [567, кол. 682—684; 389, кол. 631; 387, II В, с. 484]. Последний полагал, что Диодор старательно копировал Клитарха, сокращая его. По мысли сторонников теории двух источников, — среди них чашею Р. Лафера [411, с. 257—290] — материал основного источника Диодор дополнял и улучшал сведениями, почерпнутыми из второго, дополнительного источника. В. Тарн [593, т. II, с. 63—81, 115] выдвинул теорию «мозаики». Он рассматривал XVII кн. как сложное произведение, в котором легко выделяются два основных источника. Один — до битвы при Иссе, — это рассказ неизвестного грека-наемника [398, с. 544] на службе у Дария, осведомленного и точного писателя, хорошо разбиравшегося в военных вопросах (его герой — полководец персидского царя Мемнон). Второй источник — Аристокбул, которого Диодор использовал для остальной части XVII кн. (хотя частично они перекрывают друг друга). На эту основу накладывался материал из других сочинений, лишь немногие из которых могут быть идентифицированы, — Клитарх, второстепенные поэты-рифмоплеты, сопровождавшие Александра в походе, и др. В. Тарн [593, т. II, с. 65—71] выделяет два несовместимых, по его мнению, портрета Александра — благоприятный, вобравший все качества идеального эллинистического монарха (им Диодор обязан Аристокбулу) и неблагоприятный — образ кровавого тирана, который восходит к Клитарху.

Часть историков [277, с. 142; 276, с. 82 сл.; 393, с. 122; 533, с. 192; 248, с. 42; 216, с. 133 сл.] приняла теорию В. Тарна, считая, что он открыл по существу новый ценный первоисточник — «Рассказ наемника» и изгнал «призрак Клитарховой «вульгаты». Но многие ученые или частично не согласились с В. Тарном, или полностью отвергли его концепцию. Резкую критику со стороны Л. Пирсона [491, с. 78—82], П. А. Брунта [274, с. 141—155], Ф. Шахермейера [548, с. 83 сл.] и других вызвала, в частности, идея В. Тарна о «рассказе наемника» — по словам Ф. Шахермейера, «продукт фантазии В. Тарна». Было также показано, что два, для В. Тарна несовместимых, портрета Александра являются двумя аспектами единого образа [248, с. 42; 491, с. 241 сл.; 626, с. 17 сл.]. Но разработанная В. Тарном концепция источников XVII кн. Диодора по-

удила исследователей вновь обратиться к фрагментам Клитарха.

В общем, можно считать, что в существовании «вульгаты» и после работы В. Тарна большинство исследователей не сомневаются. Другое дело — был ли ее источником Клитарх и была ли эта традиция единственным или основным источником XVII кн. Диодора, т. е., иными словами, что лонимать под «вульгатой» и как оценивать ее роль. На эти вопросы за последние 30 лет предлагались различные ответы.

Ч. Б. Уэллес [626, с. 7 сл.], сопоставив рассказ Диодора с фрагментами «первичных» источников, пришел к выводу, что у Аристула и Каллисфена Диодор заимствовал фактологическую основу, у Неарха — детали его плавания, различные же любопытные подробности — у Клитарха и Онесикрита. Однако, как склонен считать Уэллес, Диодор не непосредственно обращался к этим авторам, но использовал одну рукопись, содержащую весь этот материал. Для компиляторов древности было обычным ссылаться на первоисточник, когда они брали сведения из вторых рук. Однако кто бы ни был источником Диодора, он тот же, что и у Курция, хотя многое отличается их друг от друга. По характеру труда Диодора можно предположить, что источником ему послужило какое-то сочинение типа всемирной истории. Это не новая теория, и Ч. Б. Уэллес указывает, что ранее уже высказывались предположения о труде Диола Афинского или Дуриса Самосского, но сам называет историю Помпея Трога. Подтверждение своему предположению Ч. Б. Уэллес находит в языке Диодора: неточное употребление некоторых терминов свидетельствует о том, что ему приходилось переводить с латыни, например, вместо обычного для греческих источников термина *ετατροι* у Диодора появляются *φίλοι* и др.

Гипотеза Ч. Б. Уэллеса о всеобщей истории Трога как источнике Диодора не получила поддержки специалистов, ему возражали П. Гуковский [348, с. 336], Ф. Шахермейер [546, с. 658—662], Д. Р. Гамильтон [362, с. 145], Е. Бэдиан [223, с. 206]. Более осторожную позицию занимает Е. Бэдиан [223, с. 198]. Отметив, что классический тезис немецкой науки XIX в. о Клитархе как источнике, лежащем в основе Диодора, Курция и Юстина, в общем, рассматривается сейчас как слишком простой, Е. Бэдиан не отвергает наличия общего источника у этих авторов. Но он возражает против того, чтобы считать его главным источником всех трех историков (особенно Курция) и отождествлять его с Клитархом, хотя следы использования Клитарха можно найти у названных авторов (как и у Арриана и Плутарха). Что касается Диодора, то Е. Бэдиан считает более перспективным не установление источников, методов и позиции Диодора в пределах отдельных книг, а изучение труда Диодора в целом.

Вопрос о методе обращения Диодора с источниками разработан еще далеко не достаточно. Но, в общем, если раньше в нем видели главным образом компилятора, роль которого ограничивалась сокращением и соединением различных источников, то в последние десятилетия наметилась иная тенденция — выявить более активное, творческое начало в его произведении, определить вклад самого Диодора [487; 626, с. 10 сл.; 252, с. 369—374; 362, с. 129, 145 сл.; 224, с. 199].

В литературе нового времени Диодор оценивается как важный и интересный источник, хотя отмечается, что небрежности при сокращении часто лишают текст ясности, а описания военных действий, сражений и осад содержат определенные стереотипы. Общий стиль Диодора — спокойный и лишенный риторических прикрас. Автора интересует преимущественно политическая, т. е. прежде всего, военная история. Он приводит целый ряд сведений, которых нет у других историков: о кампании Мемнона в Троеде (гл. 7); о численности армии Александра (гл. 17); о боевом построении персидских сил в битве при Гранике (гл. 19); о подвигах Эфиальта и Фрасибула в Галикарнассе (гл. 25); о восстании Мемнона во Фракии (гл. 62); о реорганизации армии (гл. 65); даны описания Александрии (гл. 52), Персеполя (гл. 71), Эжбатан (гл. 110) и др.

Вместе с тем в XVII кн. «Исторической библиотеки» отсутствуют некоторые сюжеты, которые обязательны во всех остальных сочинениях об Александре: детство Александра; героизм Тимоклеи при взятии Фив; встреча Александра с Диогеном в Коринфе; усыновление Александра карийской царицей Адой; чудесный переход через гору Климакс в Лидии и эпизод с гордиевым узлом; нет описания ни Вавилона, ни Суз и т. д.

В ряде случаев версия Диодора в той или иной степени расходится с сообщениями других источников. Так, осада Фив, согласно Диодору, продолжалась дольше, чем она описана у Арриана; Диодор очень кратко сообщает о том, что происходило в это время в Афинах, подчеркивает роль Демада, не упоминает о Фокионе и ничего не говорит об изгнании афинянами по требованию Александра ряда лиц (гл. 8—13, 15). В битве при Гранике персы не мешают Александру переправиться через реку (гл. 19); в битве при Гавгамелах он не получает призыва Пармениона о помощи (гл. 25) и т. д.

В суждении об Александре Диодор руководствуется тем основным принципом, который проявляется и в других частях «Исторической библиотеки», — доказательством правоты государственного деятеля служит его успех [309, с. 392]: «В течение короткого времени Александр, опираясь на собственное разумение и мужество, совершил дела более великие, чем те, которые совершили все цари, память о которых передана нам

историей» (XVII, 1). Для Диодора Александр — прежде всего воин, которого ведет вперед жажда славы. Он отважен и решителен, он мудрый и заботливый командир, он благороден, справедлив и грозен. Диодор не замалчивает жестокости Александра, но она не вызывает осуждения историка. Однако разнервотой характеристики Александра в XVII кн. мы не найдем [84, с. 18—20].

Произведение Помпея Трога [402, кол. 2300—2313] «*Historiae Philippicae*» (в 44 книгах), написанное при Августе, представляло попытку дать широкую картину развития человечества от времен легендарных Нина и Семирамиды до современных ему дней. Во II или III в. [407, кол. 956—958; 585, с. 40 сл.] оно было сокращено неким Марком Юнианом Юстином и в дальнейшем оригинал был утрачен, чему, видимо, способствовала популярность компиляции Юстина. Сохранив деление на 44 книги, эпитоматор не только сильно сократил оригинал, подвергнув материал отбору с морализирующей точки зрения, но и исказил его [64, с. 209; 65, с. 184; 598, с. 560]. Произвольность подхода Юстина ясна из предисловия, где он определяет принципы, которыми руководствовался: «...я на досуге... извлек все, наиболее достойное внимания, и опустил то, что не могло ни доставить удовольствия... ни послужить полезным примером» (Проеп.). О содержании труда Трога дают возможность судить «Прологи» — своего рода оглавления книг и сохранившиеся в сочинениях других авторов фрагменты «*Historiae Philippicae*» [507]. Истории Александра Македонского посвящены книги XI и XII.

Вопрос об источниках Помпея Трога затруднен тем обстоятельством, что в распоряжении историков находится не оригинал, а эпитомы. Еще в прошлом веке была предложена следующая схема передачи традиции: Клитарх — Помпей Трог — Курций Руф [570, с. 40, 249]. Гутшмид [359, с. 218—227] и затем его ученик Кэрст [397, с. 92 сл.] высказались в пользу Тимагена — александрийского грека, автора сочинения «История царей»; в нем видели источник неблагоприятного суждения Трога об Александре. Однако это мнение вызвало возражение ряда ученых [566, кол. 1118 сл.], которые отмечали, что, при определенном сходстве, негативная оценка Александра Помпеем Трогом и Курцием имеет некоторые нюансы, исключающие возможность видеть в Тимагене их общий источник. Кэрст [398, с. 542 сл.; 412, кол. 1063—1071], признав эту разницу, тем не менее не отказался от своего тезиса о Тимагене. По мнению В. Тарна [593, т. II, с. 122—126], сокращение Юстина настолько плохо, что бесполезно даже ставить вопрос об источниках Трога. Это произведение обнаруживает следы использования многих авторов. В соответствии со своей концепцией развития традиции об Александре, В. Тарн считает, что Трог мало использовал Клитарха. Сход-

ство его произведения с сочинениями Диодора и Курция незначительно, и если, согласно Курцию, отрицательные черты у Александра начинают проявляться со смертью Дария, то у Трога — после посещения им оракула Аммона. В литературе последних десятилетий вновь раздаются голоса в защиту и Тимагена [402, кол. 2308], и Клитарха, и автор [597, с. 551—588; 548, с. 120—130] одной из недавних работ о Троге, рассматривая вопрос о влиянии его на Курция Руфа, считает источниками Трога Клитарха и Тимагена.

Обращаясь к сочинению Помпея Трога как источнику, следует иметь в виду прежде всего его историческую концепцию [64, с. 211 сл.; 65, с. 189, 191 сл.], в соответствии с которой трактуется и история Греции интересующего нас времени. В схеме исторического развития Трога важнейшим является понятие *imperium* — как державы и как особой системы господства, системы насилия, произвола, захватнических стремлений; возникновение империи ведет к порче нравов. Наиболее полно и ярко мысли о способе возникновения державы и ее характере развиты на примере Македонии (ее особое место в труде Трога ясно уже из заголовка его сочинения). Отсюда — интерес автора к основателю Македонского государства Филиппу, моральный облик которого рисуется в резко отрицательных тонах. Это отрицательное отношение сохраняется и при рассказе о деятельности Александра [64, с. 214 сл.; 65, с. 192 сл.; 597, с. 553 сл.; 426, с. 337 сл.], хотя тон Трога здесь менее резок, а в заключении говорится даже о величии духа македонского царя. Военные успехи, расширение державы, приобретение власти над Азией имеют печальные последствия для всех. Подобно тому как Филипп навязывает Греции «царское рабство», так и Александр накладывает «ярмо рабства» на Азию. В характере Александра неоднократно отмечается двоедушие, коварство, высокомерие, жестокость; он возбуждает ненависть у побежденных и страх у друзей, он свирепствует «по отношению к своим не как царь, а как враг» (XII, 5, 1), и казнь следует за казнью. Помпей Трог использовал готовый материал — уже в раннеэллинистической литературе был создан образ Александра, наделенного отрицательными чертами. Но, как отметил К. К. Зельин [65, с. 192], каковы бы ни были источники этого образа, важно иметь в виду, что он входит как органический элемент в целостную картину истории Македонии: ее возвышение ведет к порабощению других народов, а сам создатель державы рисуется свирепым тираном.

Негативное отношение Помпея Трога к Александру оказывается не только в соответствующем освещении отдельных поступков Александра, оно приводит и к чисто фактическим ошибкам, вызванным желанием сгустить краски и ярче выявить ту или иную отрицательную черту в его характере. На-

пример, вопреки другим источникам, сообщается, что Парменион перед смертью подвергался пыткам (XII, 5, 3). Каллисфен оказывается близким товарищем Александра с того времени, когда они оба учились у Аристотеля (XII, 6, 16), хотя известно, что Каллисфен был много старше Александра. Но эта деталь нужна Трогу, чтобы придать поступку Александра новый оттенок — он убил не просто Каллисфена, а своего товарища и соученика. Данью общей схеме является и рассказ о смерти самого Александра, умершего от яда (XII, 13, 8—14, 9): взаимные убийства среди правителей — неизбежное следствие власти. Особенно ярко это положение развивается на примере эллинистических царских домов: история их рисуется как взаимная борьба, в которой важную роль играют убийства родственников. Своеобразным прологом этому служит описание смерти Александра.

Для сочинения Трога характерно слабое знание автором географии [426, с. 335], которое не считалось обязательным для трудов, представляющих смесь истории и дидактики. В частности, Трог пишет, что после битвы при Гранике на сторону Александра перешла большая часть Азии (XI, 6, 14), не делая различия между значением термина «Азия» в IV в. до н. э. и его употреблением для обозначения римской провинции.

Помпея Трога не интересовали военные вопросы, и когда он сообщает, что на стороне персов в битве при Гранике сражалось 600 тысяч воинов, ему явно изменяет чувство реальности. Некоторые ошибки происходят по вине эпитоматора. Так, несомненно в результате неудачного сокращения, плавание по Инду превращается в плавание по Индийскому океану (XII, 10).

Вместе с тем сообщения Помпея Трога иногда оказываются более точными, чем свидетельства такого, в целом неизмеримо более достоверного источника, как «Анабасис» Арриана. К примеру, роспуск отрядов греческих полисов Помпеем Трогом правильно относит ко времени пребывания армии Александра в Парфии, а не в Мидии, как у Арриана. В общем, значимость труда Трога как исторического источника не одинакова для различных периодов истории. Он менее важен для изучения времени Александра, поскольку сохранились другие произведения, но чрезвычайно важен и ценен для эпохи эллинизма.

«История Александра Македонского» Курция Руфа [78] — единственное дошедшее до нас произведение на латинском языке, целиком посвященное Александру. В рукописях не сохранились первые две книги, большая лакуна есть в конце V и начале VI книг и более мелкие — по всему тексту. Дата создания этого сочинения точно не известна. Для ее выяснения обычно привлекается следующее высказывание Курция: «...римский народ признает, что обязан своим спасением прицелпусу, явившемуся как новое светило в ночи, которую мы счи-

тали уже своей последней... да процветает на долгие годы, — о, если бы и на вечные времена — благополучие его дома» (X, 9, 3—6). Вопрос заключается в том, какой из принципов имеется в виду. Ответ на него в литературе нового времени давался самый различный — от Августа до Константина, но большинство исследователей склонны считать таковым Калигулу или Нерона (I в.), хотя не исключают и других императоров, вплоть до Веспасиана [518, с. XIX—XXII; 517, с. VII; 621, с. 65; 416, с. 255; 452, с. 410—507; 608, с. 490—509; 433, с. 21—24; 551, с. 380—383; 597, с. 23 сл.; 215, с. 363—367; 358, с. 215—223; 426, с. 176—178; 78, с. 12; 570, с. 30 сл.].

Вопрос об источниках Курция сложен. Еще в прошлом веке было высказано мнение о Клитархе [570, с. 31, 244]. Предполагали также, что помимо Клитарха Курций широко использовал Птолемея, а некоторые свидетельства заимствовал у Каллисфена и Тимагена [499, с. 11—27]. На смену этим взглядам пришла более сложная схема. Ее сторонники выдвинули идею о посреднике, через которого Курций получил материал из «первичных» источников. Со временем ученые расширили число источников Курция, использованных им как в оригинале (Клитарх, Каллисфен, Аристул, Птолемей), так и через посредников, среди которых называли Тимагена и других вплоть до Помпея Трога [570, с. 31 сл.; 244 сл.]. Активно обсуждался также вопрос о сходстве трудов Диодора, Трога и Курция [566, кол. 1871 сл.; 567, кол. 683 сл.; 362, с. 126 сл.; 224]. Оригинальную концепцию выдвинул В. Тарн [593, т. II, с. 91—116], считавший, что в произведении Курция легко обнаружить два источника — это упоминавшийся уже «Рассказ наемника» и «Македонские обычаи» — вероятно, александрийская компиляция, составленная не позднее III в. до н. э. в духе учения перипатетиков. Помимо них Курций использовал «хорошую» традицию Птолемея и Аристула, материал о Персии черпал у Ктесия и Диона, к Клитарху он обращался только как к второстепенному источнику, несомненно также заимствования из Диодора. Но мнение о Диодоре другим ученым [588, с. 210; 348, с. 336; 491, с. 217] кажется неубедительным; что касается Клитарха, то Л. Пирсон [491, с. 217; ср. 548, с. 92—104], например (не соглашаясь с Ф. Якоби [389, кол. 631], который полагал, что Курций знал Клитарха через «вторые руки»), допускает непосредственное обращение его к оригиналу. Историки последних десятилетий [518, с. XVIII; 621, с. 65; 597, с. 23 сл.], в общем, пишут о Клитархе, Каллисфене, отмечают антимакедонскую традицию (Феофраст, Эратосфен, Тимей, Тимаген) и традицию, восходящую к Птолемею и Аристулу; признают также использование Помпея Трога [626, с. 13; 598, с. 551 сл.].

Труд Курция пронизан определенными этико-философскими идеями, сложившимися в римском обществе прежде всего

среди стоиков [433, с. 32 сл.]. Тема судьбы, определяющей жизнь человека, занимает в нем важное место. Согласно современной ему концепции Фортуны, Курций на примере Александра хочет показать, как постоянная благосклонность судьбы портит характер. Александр в начале наделен более положительными чертами, но после победы над Дарием меняется, успехи превращают его в жестокого тирана. Александр для Курция и герой, и реальный человек, полный противоречий, блестящий и загадочный. Особенно отчетливо это проявляется в его заключительной характеристике: добрые качества царя, по мнению Курция, следует приписать его природе, пороки — счастливой судьбе (*fortuna*) и возрасту. Александр обладал невероятной силой духа, был вынослив, отважен, щедр, милостив к побежденным, благосклонен к друзьям, благожелателен к воинам. А вот дары судьбы: он приравнял себя к богам, верил оракулам, распался на несправедливым гневом, был вспыльчив. Но Александр владел своей судьбой, как никто среди людей. Она охраняла его и положила ему предел жизни вместе с пределом славы, выждав, пока он, «покорив Восток и дойдя до океана, выполнил все, что доступно было человеку» (X, 5, 36). Курций не делает попыток примирить противоречивые черты в образе Александра, и, очевидно, более правы те ученые, которые видят в этой противоречивости скорее не результат небрежного обращения с различными источниками, а сознательную попытку обрисовать Александра многосторонне, показать сложность его характера⁶.

Для отрицательной характеристики Александра Курций черпал материал у враждебных Александру авторов, которые в угоду своим взглядам не всегда придерживались истины. Как пример легенд, сложившихся вокруг имени Александра, можно привести красочный рассказ о том, как македонский царь, подстрекаемый на пиру «пьяной распутницей» Таис, поджог персепольский дворец. Считают, что эта, наиболее неблагоприятная для Александра версия восходит к Клитарху, тогда как Арриан совсем иначе рассказывает о поджоге дворца, а Плутарх, сообщая, в общем, ту же историю, что и Курций, ссылается, однако, на мнение «других», которые утверждают, «будто поджог дворца был здраво обдуман заранее» [Curt., V, 7, 3—7; Arr. Anab., III, 18, 11—12; Plut. Alex., XXXVIII; 222, с. 186 сл.; 256, с. 243—244, 245]. Но в своей неблагоприятной оценке Курций не был одинок в римской литературе, следуя той традиции, которая к его времени сложилась уже довольно прочно и нашла отражение в сочинениях Цицерона, Тита Ливия и Сенеки [78, с. 10]. Считают также, что морализирующей тенденцией в своем труде Курций обязан отнюдь не источникам — это была одна из черт римской историографии [598, с. 551—588; 597, с. 23—45].

В литературе отмечалось, что «История Александра Маке-

донского» представляет скорее не собственно историческое, а риторическое произведение, в котором источники соответствующим образом отобраны, интерпретированы и изложены. Исторический материал подвергается беллетризации, Курций излагает различные легенды и предания об Александре, вводит всякого рода фантастические подробности в описание стран и народов, склонен к психологическому анализу и не скупится на моралистические сентенции. Большую роль играют блестяще составленные речи, которые автор щедро вводит в текст, заставляя произносить их всех, от Александра и его сподвижников до освобожденных из плена изуродованных греков и скифских послов, советующих Александру, в духе учения стоиков, помнить о судьбе (VII, 8, 12—29). Лексика и стиль произведения Курция обнаруживают сильное влияние риторики и этим напоминают сочинения Сенеки, но ближе всего он по стилю к Ливию [416, с. 255; 518, с. XVIII], например, образцом для описания перехода войска Александра через Гиндукуш (VIII, 1) ему, несомненно, послужил рассказ Ливия о переходе Ганнибала через Альпы [377, с. 336]. Среди других недостатков произведения Курция укажем на его весьма слабое знание географии: Евфрат у него течет через Мидию, а Арахозия находится невдалеке от Понта Евксинского.

И все же, несмотря на отмеченные черты, история Александра, написанная Курцием, является одним из важных исторических источников. У Курция есть целый ряд свидетельств, которых нет у других авторов. Особенное значение имеют главы о Средней Азии, о народах, ее населяющих, и их сопротивлении греко-римским войскам. На основе тщательного анализа Ж. Раде [520, с. 355—365] показал, что при расхождении версий Курция и Арриана отнюдь не всегда следует отдавать предпочтение последнему. Сочинение Курция дополняет также некоторые «лакуны» Арриана. Так, в рассказе Арриана о сдаче Вавилона Мазей появляется внезапно, и не ясно, почему именно Александр ему отдает пост сатрапа Вавилонии. Только из Курция мы узнаем, что Мазей командовал правым флангом персидской армии при Гавгамелах, следовательно, он принадлежал к числу высших сановников Персии, и переход на сторону греко-македонян человека такого ранга вызвал соответствующую реакцию со стороны Александра [Arg. Anab., III, 16; Curt., IV, 16, 1—7; V, 1, 17].

Написанная Плутархом⁷ в числе других «Сравнительных жизнеописаний»⁸ биография Александра [144; 146, т. II; 143] представляет собой не собственно историческое произведение. Особенности избранного им жанра сам Плутарх таким образом объясняет во введении к биографии Александра: «Мы пишем не историю, а жизнеописание, и не всегда в самых славных деяниях бывает видна добродетель или порочность, но часто какой-нибудь ничтожный поступок, слово или шутка

лучше обнаруживают характер человека, чем битвы, в которых гибнут десятки тысяч, руководство огромными армиями и осады городов» (Alex., I). Итак, цель жизнеописания — не биография, а характер («этос») героя. Плутарха интересуют прежде всего «добродетель или порочность», т. е. морально-этический подход является ведущим. Признавая, что человеческая природа «не создает характеров безукоризненно прекрасных и добродетельных», Плутарх считал, что «в ошибках и недостатках... должно видеть проявление скорее несовершенства в добродетели, чем порочности, и в повествовании не следует на них останавливаться чересчур охотно и подробно» (Sim., II). В соответствии с этими принципами Плутарх подбирал материал из различных источников и излагал его. Мельчайшие факты, анекдоты тщательно собирались и включались в общую художественную ткань. Именно поэтому проблема источников Плутарха представляет большую трудность. Сам Плутарх в биографии Александра называет по имени не менее 25 авторов, ссылаясь на некоторых по несколько раз; кроме того, он приводит более 30 писем. Но это отнюдь не значит, что все источники он читал в оригинале.

В литературе нового времени выдвигались различные точки зрения об источниках Плутарха, которые можно свести к нескольким основным. Согласно распространенной в немецкой филологии прошлого века «теории единого источника» такой источник пытались выделить и для жизнеописания Александра. Так, по мнению А. Шене [561], свидетельства Плутарха восходят к компиляции эллинистического времени. Другие исследователи, напротив, считали, что Плутарх использовал источники непосредственно времени Александра. К. Ф. Лауден писал о традиции «вульгаты», восходящей к Каллисфену и Онесикриту, А. Френкель — о более широком круге источников: Каллисфене, Онесикрите, Аристокле, «Эфемеридах», письмах [570, с. 35 с., 246; 31, с. 220 сл.]. Уже в 30-е гг. нашего века, отчасти возрождая взгляд А. Шене, Д. Э. Поуэлл [511, с. 229—240] выдвинул теорию, согласно которой основным источником Плутарха было сочинение компилятивного характера, составленное в стенах александрийской библиотеки не ранее начала II в. до н. э. (его использовал и Арриан в «Анабасисе Александра»), дополнением к нему послужил сборник писем Александра, в аутентичности которых у Плутарха не возникало никаких сомнений. Концепция Поуэлла вызвала резкие возражения ряда ученых — В. Тарна [593, т. II, с. 306—309], И. Рабе [519, с. 42—125], Д. Р. Гамильтона [363, с. LXIX—LI], Е. Бэдиана [224, с. 199 сл.]. В. Тарн не без иронии критиковал теорию Поуэлла как новую версию мнения о том, что ни один из известных нам авторов не мог написать оригинального сочинения, но это уже сделал для него неизвестный предшественник, который затем бесследно исчез, а

И. Рабе, детально рассмотрев привлеченные Поуэллом тексты Арриана и Плутарха, показала всю беспочвенность теории Поуэлла. Сам В. Тарн [593, т. II, с. 296—306] весьма скептически относился к возможности разрешить проблему источников для жизнеописания Александра, в которой, по его мнению, нельзя выделить ни «хорошей» традиции, ни традиции «вульгаты». Обладая огромной эрудицией, Плутарх, несомненно, использовал обширный биографический материал, прежде всего сборники рассказов современников об Александре, а также письма, которые нельзя рассматривать как целиком поддельные. В общем, в литературе последних десятилетий преобладает мнение о разнообразии источников Плутарха, одни из которых, согласно Л. Пирсону [491, с. 218], он использовал в оригинале, другие — опосредованно. Как полагает И. Рабе [519, с. 134], в распоряжении Плутарха было много источников, из которых он сам делал извлечения, контаминировал с другими источниками, так что в результате не всегда можно узнать их. Специально рассматривая вопрос об источниках жизнеописания Александра в своем прекрасном комментарии к этому сочинению Плутарха, Д. Р. Гамильтон [363, LI—LXI] указывает, что Плутарх был знаком с трудами Онесикрита и Аристулу, вероятно, читал Каллисфена и Харета. В его труде много сходного с традицией «вульгаты», восходящей к Клитарху, которого он, по всей видимости, знал в оригинале, а не заимствовал у Дурида, как считает Х. Гомейер⁹; он использовал также Феокрита, Ктесия и сборник писем, в подлинность которых верил. Гамильтон считает возможным связать некоторые группы свидетельств Плутарха с определенными авторами. Так, информацию об учении Александра Плутарх мог получить у Онесикрита, сведения о дворе — у Харета, факты о характере Александра — у Аристулу. Сходство Плутарха со Страбоном указывает на использование им Онесикрита, с Аррианом — Аристулу, с «вульгатой» — Клитарху. Но трудность такого метода заключается в том, что все эти «первичные» историки опирались прежде всего на Каллисфена, а для описания более поздних событий ситуация еще более осложняется, так как, по мнению Гамильтона, Клитарх использовал Онесикрита, а Аристулу — Клитарху.

Общая оценка Александра Плутархом¹⁰ безусловно положительная; более того, Александр явно идеализируется. Плутарх рисует во многом привлекательный образ, наделяя Александра множеством добродетелей: он смел, заботлив к друзьям, великодушен с побежденными врагами, щедр, благороден в борьбе, добывая победу в честном бою, а не хитростью. Большое влияние на формирование Александра оказал Аристотель, зародив в нем страсть к философии; Александр склонен к изучению наук, любит читать и не расстается с «Илиадой» Гомера, храня ее вместе с кинжалом под подушкой.

Александр честолюбив, с раннего детства он стремится не к наслаждениям и богатству, а к доблести и славе. Всякий раз, когда приходило известие, что Филипп одержал славную победу, он мрачнел, боясь, что ему «не удастся совершить ничего великого и блестящего» (гл. V). Александр у Плутарха — талантливый благородный политик и философ, который, стремясь к великому, был неистов и безудержен и, воздержанный в телесных радостях, подвергал себя лишениям и опасностям, считая, что «нет ничего более рабского, чем роскошь и нега, и ничего более царственного, чем труд» (гл. XL). Судьба покровительствовала ему, а божество — помогало, «он не только ни разу не был побежден врагами, но даже оказался сильнее пространства и времени» (гл. XXVI—XXVII).

Плутарх не скрывает неблагоприятных поступков Александра, ухудшения его характера, его жестокости и хвастливости, но находит смягчающие обстоятельства: неумолимость и беспощадность Александра к оскорбительным речам он объясняет его любовью к славе, которой Александр «дорожил более чем жизнью и царской властью», а характер его «ожесточили многочисленные измышления» (гл. XLII). Рассказывая о том, как Александр убил индийцев-наемников, Плутарх поясняет, что это — его единственный позорный поступок; ибо во всех случаях он «вел военные действия в согласии со справедливостью» (LIX).

В главах XLVIII—LV перед читателем проходит целая серия убийств ближайших друзей и сподвижников Александра, но присмотримся внимательнее, как Плутарх излагает эти события. Он не раскрывает подробностей, замечая, что, если рассказать об убийстве Клита без подробностей, оно может показаться еще более жестоким, чем убийство Филоты. Плутарх не шадит и жертв, рисуя их так, что они не вызывают сочувствия. Только о Парменионе он говорит несколько добрых слов, поясняя, что это тот самый Парменион, который «оказал Филиппу самые значительные услуги» и из трех сыновей которого двое погибли в сражениях.

Человек своего века, Плутарх скептически относится к тем мифам и легендам, которыми было окружено имя Александра. Сообщая о чудесных предзнаменованиях накануне рождения Александра, он находит рационалистическое объяснение рассказу о том, что на ложе Олимпиады видели змея (гл. II). Ответ оракула в храме Амона он объясняет оповоркой жреца, который, спутав букву, вместо «сын мой» (Ἵ παῖδιον) сказал «сын Зевса» (Ἵ παῖδιος). Александр «сам не верил в свое божественное происхождение», но пользовался этим вымыслом, «чтобы поработать других» (гл. XXVIII).

Значение жизнеописания Александра как исторического источника определяется в сравнении его с другими сохранившимися сочинениями об Александре. Ряд сведений мы нахо-

дим только в этой биографии. Историки особо выделяют главы XLVIII—LV, где речь идет об убийстве Филоты и Каллисфена и о проскинесисе [363, с. LXVI]. Но отнюдь не все свидетельства Плутарха достоверны и, например, говоря о способностях будущего царя, Плутарх рассказывает явно вымышленный анекдот о беседе Александра с персидскими послами, которые «поразились величию замыслов и стремлений» мальчика (гл. V).

Помимо жизнеописания Александра среди многочисленных трудов Плутарха есть еще одно, посвященное ему, — трактат «Об удаче или доблести Александра Великого» [145]. Ученые довольно единодушно относят его к числу юношеских сочинений Плутарха [643, кол. 716 сл.; 363, с. XXIII; 225, с. 436]. По жанру это похвальное слово (laudatio), в котором изображение Александра имеет ярко выраженный апологетический характер. «Если рассмотреть то, что он говорил, что он делал и чему учил», то, по мнению Плутарха, Александра следует признать философом (328 В). Цель Плутарха — выявить, какую роль для Александра сыграли удача и доблесть. В первой части доказывается, что своими успехами Александр обязан не удаче, а доблести; вторая¹¹ представляет опровержение первой, здесь доказывается, что Александр был вознесен удачей.

Итак можно говорить о двух основных взглядах на характер этого сочинения. Одни ученые считали, что Плутарх выступил в защиту Александра против враждебных ему философов — кипиков и стоиков, а хваля его, имел в виду Траяна; другие исследователи рассматривали трактат как риторическое произведение [570, с. 37, 247]. Эти два определившихся еще в прошлом веке подхода прослеживаются и в более новой литературе. Очень позитивно оценивая этот трактат, В. Тарн [593, т. II, с. 298, 419—423] видел в нем не риторическое упражнение, но сочинение, в котором Плутарх со всей страстью и чистотой юности бросился на защиту того, во что верил, опровергая взгляды стоиков и перипатетиков на Александра. В рассуждениях Плутарха о том, что Александр на основе разработанного Зеноном проекта объединил все народы, В. Тарн нашел благоприятный материал для создания своего образа Александра — поборника братства народов, борца за единство человечества. Сравнительный анализ трактата «Об удаче или доблести Александра Великого» с другим произведением Плутарха — «Об удаче римлян» свидетельствует, по мнению А. Э. Уэрдмена [618, с. 96 сл.], о том, что Плутарх рассматривал историю человечества как путь к его всеобщему единству, которого смогли достичь римляне, так как обладали и удачей, и доблестью, тогда как Александр своими успехами обязан только доблести, а удача не сопутствовала ему. Такая концепция побуждает А. Э. Уэрдмена более высоко оценивать

Плутарха, уже в молодости показавшего себя политическим мыслителем и философом. Несостоятельность построений В. Тарна доказал Е. Бэдиан [225, с. 425—440], который считает трактат Плутарха чисто риторическим сочинением, лишенным какой-либо серьезной цели. Различное отношение Плутарха к Александру в его юношеском трактате и в жизнеописании он объясняет не возрастом автора и его большей эрудицией к старости (как В. Тарн), но и требованиями жанра [225, с. 437; ср. 265, с. 360]. Также оценивает это произведение Д. Р. Гамильтон [363, с. XXIII—XXXIII], сочувственно ссылаясь на Е. Бэдиана и отвергая взгляды В. Тарна и А. Э. Уэрдмена. Сравнение биографии Александра и эпидейктической речи показывает, как по-разному Плутарх интерпретировал один и тот же материал. Но, при соответствующей критике, трактат может служить таким же историческим источником, что и «Жизнеописание Александра». Вместе с тем на основании этой речи нельзя судить о взглядах самого Плутарха на Александра, которого он нарисовал столь совершенным, что в это невозможно поверить.

Флавий Арриан из Никомедии [564, кол. 1230—1247; 261, с. 160; 638, 209—245; 98, с. 7—14, 17] был человеком всесторонне образованным. Ученик известного философа-стойка Эпиктета, он обладал большими познаниями в военном деле, политике, географии, приобретенными за годы военной и государственной службы (вершина его карьеры — консульство и управление провинцией Каппадокия при императоре Адриане). О риторическом искусстве Арриана дают представление речи, составленные для «Анабасиса Александра»; здесь же, описывая строительство моста, он ссылается на собственный опыт (V, 7, 1—5). Литературная деятельность Арриана многообразна. Как философ-моралист, он написал «Беседы Эпиктета», как историк, помимо уже названного «Анабасиса Александра» — «Историю Парфии» и «Историю Вифинии», в подражание Ксенофону — трактат «Об охоте», как военный — сочинение по тактике и «Диспозицию против аланов». В своей деятельности и мировоззрении Арриан избрал образцом для себя Ксенофонта, которому подражал в сюжетах произведений, их названиях, манере изложения. Заголовок его «Анабасиса Александра» вызывает в памяти сочинение Ксенофонта о походе «десяти тысяч», а характеристика Александра, которой завершается этот труд Арриана, навеяна характеристикой, данной Ксенофонтом Киру Младшему [491, с. 186].

Самое известное, целиком сохранившееся сочинение Арриана о походе Александра [19]. Свою задачу [261, с. 160 сл.] Арриан видит в том, чтобы «достойным образом» рассказать о нем. Подобно Ахиллу, Александр был счастлив во всем, но в одном «ему не повезло» — у него не было своего Гомера, чтобы возвестить о славе его на будущие времена. Все, что

рассказано об Александре, не соответствует величию его деяний. Именно это соображение и побудило Арриана взяться за свой труд. Он считает себя достойным «осветить людям деяния Александра» и без излишней скромности определяет свое место «среди первых эллинических писателей, если Александр первый среди воителей» (I, 12, 1—5). Своим основным принципом Арриан провозглашает правду и стремление приносить людям пользу. Этим он объясняет, как бы оправдываясь, почему с порицанием относился к некоторым поступкам Александра (VII, 30, 3).

До недавнего времени среди ученых преобладало мнение, согласно которому «Анабасис» представляет собой наилучший источник по истории Александра. Выработанное еще в прошлом веке немецкими филологами это мнение («культ Арриана», по выражению его противников) [570, с. 34] покоилось на нескольких исходных положениях: Арриан своей карьерой военного и государственного деятеля был прекрасно подготовлен к тому, чтобы профессионально понять проблемы, стоящие перед Александром; Арриан следовал «хорошей» традиции, фактически не привлекая недостоверных источников; сам душевный склад Арриана, его стоическое воспитание способствовали выработке трезвого, рационалистического подхода к истории, беспристрастности в оценке фактов и людей. Соответственно «Анабасис» рассматривался как в высшей степени достоверный источник [см., например, 161, с. 192]. Однако в последние годы появился ряд исследований, авторы которых высказывают сомнения в правильности такой односторонней оценки [см. особенно 258, с. 1—46]. Проблема заключается в характере источников Арриана и методах использования их¹². В отличие от других историков, о которых речь шла выше, Арриан сам четко определяет свои источники и причины, побудившие его обратиться именно к ним: «Я передаю как вполне достоверные те сведения об Александре, сыне Филиппа, которые одинаково сообщают и Птолемей, сын Лага, и Аристул, сын Аристула. В тех случаях, когда они между собой не согласны, я выбираю то, что мне казалось более достоверным и заслуживающим упоминания. Другие рассказывали о нем иначе; нет вообще человека, о котором писали бы больше и противоречивее. Птолемей и Аристул кажутся мне более достоверными: Аристул сопровождал Александра в его походах, Птолемей тоже сопровождал его, а кроме того, он сам был царем, и ему лгать стыднее, чем кому другому. А так как оба они писали уже по смерти Александра, то ничто не заставляло их искажать события и никаких наград им за то не было бы. Есть и у других писателей сведения, которые показались мне достойными упоминания и не вовсе невероятными; я записал их как рассказы, которые ходят об Александре» (Proem., 1—3).

Таким образом, основные источники Арриана — сочинения Птолемея и Аристубула; вполне достоверны для Арриана те сведения, которые он находит у обоих, а в случае расхождений он полагается на свой здравый смысл. В ходе повествования Арриан неоднократно ссылается на них как на писателей, вызывающих у него наибольшее доверие. Большая осведомленность Птолемея в военных делах особенно привлекает к нему Арриана как опытного военного, и при расхождении между Птолемеем и Аристубулом он часто отдает предпочтение первому. «По словам Птолемея, сына Лага, которому я преимущественно следую», замечает Арриан уже в VI кн., сообщая о численности флота Александра (VI, 2, 4).

Кроме этих двух писателей Арриан ссылается на авторов, известных главным образом своими сведениями по географии и этнографии, — Непарха, Мегасфена и Эратосфена. Очень неодобрительно он отзывался об Онесикрите, называя его лжецом (VI, 2, 3). Но, несомненно, этими именами не ограничивался круг историков, с сочинениями которых был знаком Арриан — в ходе повествования он время от времени ссылается на «некоторых писателей» (так называемая «*τῶ λεγόμενα*»-группа), версии которых кажутся ему более вероятными или чаще, наоборот, не заслуживающими доверия, не называя их по имени (например, VI, 28, 1—2; VII, 13, 2—4). Вопрос о составе этой группы источников вряд ли может быть решен, но он не представляется важным, поскольку эти источники играют второстепенную роль. Существенно то почти безграничное доверие, которое Арриан высказывает к Птолемею. Как справедливо заметил Э. Робсон, оно «делает больше чести его уважению к царской власти, чем его критическому чутью» [214, с. XI]. Уже отмечалось, что работы последних лет показали тенденциозность Птолемея, которая стала причиной ряда ошибок Арриана. Так, в частности, в «Анабасисе» совершенно не говорится о военных действиях, которые вел в Малой Азии Антигон Одноглазый — в то время сатрап Фригии. Между тем современные исследования выявили их значение для срыва персидского контрнаступления, развернувшегося во время осады Александром Тира. Умолчание Арриана объясняется тем, что об этих событиях умолчал и Птолемей, не желавший возвеличивать одного из своих противников в будущей борьбе диадохов [593, т. II, с. 110 сл.; ср. 223, с. 199].

Установлено, что интерпретация Аррианом битвы при Гранике не верна, она не согласуется с топографическими особенностями местности [226, с. 271—293]. Неправильно Арриан описывает и события, связанные с роспуском греческих союзных отрядов [259, с. 132—136]. Если следовать ему, то получается парадоксальная картина: в разгар преследования Дария Александр останавливается, распускает греческие отряды, оплачивает их службу, а затем вновь бросается в погоню за

Дарием. Эту ошибку считают следствием небрежного соединения источников. Не всегда точны и термины Арриана [214, с. XIII—XV]. Так, слово «фаланга» у него означает иногда тяжеловооруженную пехоту, иногда — всю армию; такая же неопределенность наблюдается в использовании термина «гетайры» и некоторых других.

Но из сохранившихся сочинений об Александре «Анабасис» содержит наиболее трезвое и ясное изложение событий, почти лишенное риторических прикрас и морализирования. Арриан нередко отвергает свидетельства своих источников, не согласующиеся с его критическим чутьем и опытом. Так, он сомневается в сообщениях Ариста и Асклепиада о посольстве римлян к Александру, который якобы предсказал Риму великое будущее (VII, 15, 5). И хотя патриотизм Арриана мог бы побудить его поддержать эту лестную для Рима версию, он отвергает ее. Рационалистическое мышление Арриана заставляет его не принимать рассказов о всякого рода чудесных знаменьях, например, рассказа Птолемея о двух змеях, наделенных голосами. Правда, Арриан признает вмешательство божества, которое споспешествовало Александру, но предпочитает версию Аристобула, согласно которому — «и чаще всего именно так и рассказывают» — перед войском летели два ворона. А в точности всего этого эпизода Арриана «заставляют усомниться разные его версии» (III, 3, 5). На примере «рассказа об амазонках» проследим систему аргументации Арриана, отвергающего возможность встречи Александра с этим племенем женщин-воительниц. Обо всем этом нет ни слова ни у Аристобула, ни у Птолемея, и вообще ни у одного писателя, рассказу которого можно было бы поверить. Сам Арриан не думает, что племя амазонок могло сохраниться даже до времени, предшествующего походу Александра, так как в противном случае о нем должен был упомянуть Ксенофонт. Но в историчности амазонок Арриан не сомневается: их воспели многие поэты; известен рассказ о Геракле и царице амазонок Ипполите, о том, что афиняне под предводительством Тезея первые одержали победу над этими женщинами. Битва между афинянами и амазонками изображена Микеном наравне с битвой между афинянами и персами. И Геродот часто рассказывает о них, и те, кто произносил похвальное слово афинянам, павшим на войне, упоминали о сражении афинян с амазонками как об одном из важнейших событий. Александру же Атропат показал не амазонок, но каких-то варварок, умевших ездить верхом (VII, 13, 2—6).

Оценка Аррианом Александра самая восторженная [98, с. 31—35; 261, с. 163]. В заключительных строках «Анабасиса» он пишет: «Я не стыжусь того, что отнущусь к Александру с восхищением» (VII, 30, 3). По его мнению, «нет другого человека, который — один — совершил бы столько и таких

дел; никого нельзя ни у эллинов, ни у варваров сравнить с ним по размерам и величию содеянного» (I, 12, 4); «...не без божественной воли родился этот человек, подобного которому не было» (VII, 30, 2). Арриана прежде всего привлекают черты Александра-полководца. Он очень деятелен и мужествен, как никто умел поднять дух воинов, прекрасно знал, как построить, вооружить и снабдить всем необходимым войско; ему не было равного в умении обойти врага и предупредить его действия. Он нерушимо соблюдал договоры и соглашения и усердно почитал богов. Арриан не скрывает недостатки своего героя, его вспыльчивость и гневливость, честолюбие и ненасытное желание похвалы, восхищение варварскими обычаями. Но всему этому Арриан, по его собственному утверждению, не придает большого значения. К снисхождению склоняют его молодость Александра, его постоянное счастье и влияние людей, которые стремились угодить царю, а не исправить его к лучшему. Оправдывает Александра и то обстоятельство, что, по благородству своей души, он раскаивался в своих поступках. Возводя свой род к богам, Александр, как полагает Арриан, возможно, этой выдумкой хотел возвеличить себя в глазах подданных, а персидскую одежду он надел обдуманно: ради варваров — чтобы не быть чуждым для них царем, и ради македонян — для умаления их заносчивости (VII, 28—29).

В «Анабасисе Александра» главы об Индии содержат преимущественно рассказ о военных операциях, и Арриан мало говорит об ее природных условиях и населении — только то, «что достаточно... объяснит действия Александра», отсылая читателя к другому труду, где об индах будет «написано особенно» (V, 5, 2). Арриан решительно отказывается писать о всяких рассказах и баснях об Индии, о чудовищных муравьях, добывающих золото, и о грифах, их стерегущих. Все эти рассказы созданы скорее для развлечения, чем с целью правдиво описать действительность. Александр и те, кто воевал вместе с ним, опровергли многие — «кроме тех, что выдумали сами», — не без иронии замечает Арриан (V, 4, 3—4).

«Индия» [6, с. 230—263] представляет небольшое сочинение, которое ясно делится на две части: в первой (гл. I—XVII) дается общая характеристика страны и ее населения, во второй (гл. XVIII—XLIII) рассказывается о плавании флота под командой Непарха. Свои источники для этого труда Арриан называет в «Анабасисе Александра»: «Я соберу самое достоверное в рассказах тех, кто воевали вместе с Александром: у Непарха, объехавшего Великое Индийское море, в писаниях двух знаменитых мужей, Эратосфена и Мегасфена» (V, 5, 1). «Индию» считают более зрелым произведением Арриана, чем «Анабасис Александра», и критичность подхода автора к своим источникам проявляется здесь заметнее [6, с. 227]. Арриан ча-

сто ссылается на источник, на основании которого пишет, выражая свое отношение к нему, соглашаясь или отвергая его сообщение, обосновывая обращение именно к данному автору. Достовернее всякого другого Арриан считает Эратосфена, так как он «особенно занимался научной географией» (Iнд, III, 1). Мегасфен, по предположению Арриана, посетил не всю Индию, но все-таки несколько больше тех, кто ходил туда с Александром (V, 3). Не все из того, что «иные» написали о местностях Индии, находящихся за Гифазисом, заслуживает доверия Арриана; рассказы же тех, которые участвовали в походе Александра, вплоть до Гифазиса, «заслуживают некоторого доверия» (VI, I). Арриан согласен с Мегасфеном, что в Индии много различных племен, но недоумевает, как Мегасфен «мог так точно указать и узнать, сколько там племен, так как он не посетил даже ничтожной части Индии» (VII, I). О причине многочисленности и величины рек Индии Арриан писал по слухам и желающим узнать больше он советует самим разузнать об этом (V, I). Позиция самого автора проявляется в этом труде очень отчетливо. Столь же ясно и стремление Арриана осмыслить те явления, о которых он пишет [6, с. 227], опираясь на свой жизненный опыт и приобретенные за годы службы знания других стран. Так, описывая реки Индии, он замечает, что по количеству воды Истр и Нил не могут даже сравняться с Индом и Гангом и по числу притоков Инд и Ганг тоже превосходят Истр; из притоков Истра судоходны немногие, в том числе Эн и Сав, которые Арриан сам видел (IV, 11—17). В некоторых отношениях Индия напоминает ему Эфиопию: в реках и тут и там водятся крокодилы; индийцы, живущие на юге, особенно похожи на эфиопов, те же, которые живут севернее, по физическому складу ближе к египтянам (VI, 5—9). Социальные отношения Индии напоминают Арриану Лакедемон, так как все индийцы свободные, но у лакедемонян рабские работы выполняют илоты, у индийцев же рабов нет (X, 8—9).

«Индия» очень высоко оценивается в литературе нового времени как достоверное произведение, основанное в большей мере на таком надежном источнике, как отчет «одного из самых выдающихся сподвижников Александра, способного вождя флота, талантливое писателя» Неварха [6, с. 228]. Несомненно, экспедиция Неварха, которая, помимо военной задачи, преследовала и научно-исследовательские цели, произвела огромное впечатление на современников, а описание Неварха еще много лет спустя служило источником информации об Индии. Но, не умаляя значения труда Арриана об Индии, следует предостеречь против чрезмерной доверчивости к нему. Сочинение Неварха, как показали новейшие исследования, представляло не простой и бесхитрый отчет опытного военного о путешествии вниз по Инду — оно несло на себе заметные

следы литературных реминисценций своего образованного автора [491, с. 131 сл.].

На основании всего сказанного ясно, что период Александра Македонского освещается различными по характеру и степени достоверности источниками. Восстановление событий этой эпохи требует привлечения по возможности всех категорий источников, тщательного изучения генезиса каждого из них и их критического сопоставления.

ГЛАВА III. ГРЕЦИЯ И МАКЕДОНИЯ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

Эллинистическая эпоха — одна из самых сложных в истории Греции. Кризис полисной системы, развившийся в IV в. до н. э., имел своим результатом политический и экономический упадок Эллады. Важнейшие экономические центры переместились на Восток, вновь возникшие эллинистические государства; наблюдается постепенный, но неуклонный процесс обеднения Греции. Весьма отрицательную роль сыграла и массовая эмиграция населения, искавшего лучшей доли на завоеванных македонянами территориях. Эллинистическая эпоха — это время обострения внутренних социальных конфликтов во многих греческих полисах. Наиболее яркое выражение они нашли в Спарте в период реформаторской деятельности

царей Агиса, Клеомена и Набиса. Внутренние социальные конфликты, как правило, сопровождались и межполисными столкновениями. Наиболее могущественными политическими силами в Греции этого времени стали Ахейский и Этолийский союзы. Борьба между различными полисами и их союзами осложнялась постоянным вмешательством Македонии. Почти столь же явственным было влияние и других монархий эллинистического мира (Птолемеев, Селевкидов, Атталидов). С конца III в. до н. э. все более заметным становится растущее влияние Рима. Наконец, в 146 г. до н. э. Рим уже полный хозяин Эллады. Однако позднее на ее территории разворачивается борьба между Римской республикой и царем Понтийского царства Митридатом VI.

Столь сложная, наполненная разнообразными, зачастую противоречивыми событиями история Греции эллинистической эпохи, к сожалению, освещена источниками недостаточно и очень неравномерно. Документальные материалы, в первую очередь эпиграфические памятники, для этой эпохи более обильны, чем для предшествующих, но это преимущество, пожалуй, единственное. Особенно страдает изучение истории Греции этого времени из-за чрезвычайно фрагментарного состояния греческой исторической традиции.

§ 1. ЭЛЛИНИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Бурные события конца IV — начала III в. до н. э., изменившие мир, превратности исторических судеб народов и государств эллинистической эпохи, имели своим результатом возрастание роли истории. Стремление познать причины и ход этих событий сделало историографию основным прозаическим жанром в греческой литературе того времени [175, с. 253]. В этот период наблюдается жанровое разнообразие в трудах историков. Пишутся и огромные «всеобщие истории», и истории отдельных исторических периодов, отдельных государств или народов, популярными становятся мемуары политических деятелей, являющиеся, как правило, «самоопологиями», создаются историографические обзоры или жизнеописания выдающихся философов и художников, разворачиваются хронологические изыскания и собираются документы или исторические анекдоты. Жанровому разнообразию отвечает и «стилистическая» разнообразность: от историй «прагматического» плана, авторы которых стремятся выявить реальные причины происшедших событий, до «морализирующих» сочинений, в которых история предстает в роли своего рода набора назидательных примеров.

Трудно даже перечислить имена историков эллинистиче-

ской эпохи, свидетельства о жизни и деятельности которых до-несла до нас традиция последующего времени. Однако обилие имен и (часто) названий трудов не должно заслонить важнейшего обстоятельства: в огромном большинстве случаев нам известны только имена историков и незначительное число небольших фрагментов из их произведений, сохранившихся в виде цитат или пересказов в трудах авторов более позднего времени. Даже наиболее полно дошедшее до нас историческое произведение эллинистической эпохи «Всеобщая история» Полибия представляет собой не более чем 1/3 первоначального объема. В других же случаях положение много хуже. По образному выражению Х. Бенгтсона, эллинистическая историческая традиция — это «обширное поле руин» [238, с. 365].

Поэтому мы не будем перечислять всех многочисленных историков эллинистической эпохи, имена которых сохранила традиция. Мы сосредоточим внимание лишь на тех авторах, от трудов которых сохранилось сколько-нибудь значительное число фрагментов, позволяющих представить характер обрисовки ими исторических событий, а также тех авторов, о которых бесспорно известно, что их сочинения (в той или иной степени) послужили источниками для произведений, дошедших до нас, и идейные и художественные концепции которых отразились в этих произведениях.

Иероним из Кардии. Наиболее ценным источником для периода диадохов было, видимо, сочинение Иеронима из Кардии [387, № 154]. Он принимал участие в походе Александра Македонского, затем служил своему соотечественнику и другу Евмену; в дальнейшем он занимал ряд высоких военных и административных постов при дворе трех царей династии Антигонидов (Антигона Одноглазого, Деметрия Полиоркета, Антигона Гоната). Прожив большую, наполненную событиями жизнь, лично участвуя во многих важнейших политических и военных событиях, располагая значительным числом официальных документов и будучи знаком со многими деятелями эпохи, Иероним, естественно, мог создать первоклассный исторический труд. Мы не знаем его точного названия, однако известно, что он охватывал время от смерти Александра Македонского до смерти Пирра (272 г. до н. э.). Оценки этого труда — самые различные [388, с. 1540—1561; 268, с. 140—141]. Одни считают, что это, в сущности, просто хроника событий, лишенная какого-либо критического анализа, однако преобладает более позитивная оценка, причем иногда Иеронима даже называют крупнейшим историком своего времени, настоящим предшественником Полибия.

Для современных исследователей не подлежит сомнению, что именно Иероним является основным источником для XVIII—XX книг труда Диодора. И именно с этим источником связывают высокие достоинства указанной части «Историче-

ской библиотеки», в общем, отличающейся средним уровнем. Однако открытыми остаются следующие вопросы: 1) какие из источников, помимо Иеронима, еще использовал Диодор; 2) использовал ли Диодор сочинение Иеронима непосредственно или в переложении какого-либо из авторов более позднего времени. Труд Иеронима не был свободен от тенденциозности, он давал версию, благоприятную Антигонидам. Во всяком случае, Павсаний прямо обвиняет его в этом.

Иероним из Кардии, вероятно, послужил источником для целого ряда других авторов: Плутарха (в биографиях Евмена, Деметрия, Пирра), Арриана (в его «Истории диадохов»), Помпея Трога и некоторых других [636, II, с. 475—476; 175, с. 255—256].

Тимей из Тавромения [387, № 566], по-видимому, крупнейший западногреческий историк [271; 268, с. 151—164]. Он родился примерно в 345—340 гг. до н. э., был сыном ктиса города Тавромения, принимал активное участие в политической борьбе, был сторонником Тимолеона и противником Агафокла. В 317 г. до н. э. изгнан и почти 50 лет провел в Афинах, смог вернуться на родину только после смерти Агафокла. Хотя Тимей большую часть своей жизни провел в Афинах и много путешествовал, его интересы были сосредоточены почти исключительно на истории западных греков, в частности сицилийских. Перу Тимея принадлежат три книги: «История» (видимо, «История Сицилии») в 38 книгах, «Олимпионики» и «Войны Пирра».

Считается, что труды Тимея были построены на богатой документальной основе, что он пользовался в качестве источника надписями (в том числе надписями о проксениях), даже использовал финикийские и карфагенские документы [30, с. 148]. Полюбий обвинял Тимея в том, что тот не обладает практическим опытом политического деятеля и в силу этого его «История» — плод кабинетной учености. Обвинение это, вероятно, не совсем справедливо. Большое основание имеет упрек в тенденциозности. Изгнанный из Сицилии, лишенный возможности вести политическую борьбу, Тимей сводил счеты со своими противниками пером историка. Он яростно ненавидел Агафокла и резко отрицательную оценку его переносил на всех тиранов. По словам Т. Брауна, Тимей «относился скорее к геродотовой, чем фукидидовой школе исторической мысли». Выработанный им риторический стиль очень нравился Цицерону, но осуждался другими древними историками за искусственность. По всей видимости, Тимей первый применил широко распространенную позднее хронологическую систему счета по олимпиадам (его начало помещалось в 776 г. до н. э.).

Современные историки обращают внимание на странное противоречие между всеобщим признанием в древности заслуг Тимея, его глубокого влияния на последующую историографи-

ческую традицию, с одной стороны, и очень малым количеством сохранившихся фрагментов произведений. Его «Историей» широко пользовался Диодор (хотя, вероятно, не непосредственно). Не подлежит сомнению, что для освещения событий на Западе сообщения Тимея активно привлекал Полибий. В труде Помпея Трога заметны следы тимеевской традиции, однако при сокращении эпитоматор иногда путает имена и события. Так в частности, спутаны два сына Пирра Эпирского — Александр и Гелен [278, с. 10].

Видимо достаточно популярными в древности были и труды **Дуриса Самосского** [387, II А, с. 136 сл.; II В, с. 115 сл.]. Он родился около 340 г. до н. э., принимал активное участие в политической борьбе, одно время был тираном в своем родном полисе [400]. По своим философским убеждениям был перипатетиком, подобно Деметрию Фалерскому в Афинах, стремился перевести философские идеалы в сферу практической политики и (под эгидой Македонии) утвердить на Самосе политический строй, основанный на «солоновских» принципах ограниченной цензовой демократии. Им были написаны «Македоника» (история Греции и Македонии от битвы при Левктрах до 281 г. до н. э.) и «Жизнь Агафокла». Его произведения уже в древности подвергались резкой критике главным образом за то, что он часто жертвовал истиной в угоду занимательности и красочным драматическим сценам. Не подлежит сомнению, что труды Дуриса широко использовались Плутархом (в биографиях Евмена, Деметрия, Пирра) и Диодором Сицилийским (хотя, возможно, и не непосредственно).

Важной особенностью эллинистической историографии является широкое распространение сочинений типа автобиографий и воспоминаний. Самые известные из них — «Мемуары Пирра» [424], эпирского царя, полностью утраченные, которые могли служить одним из источников для Иеронима из Кардии.

Больше нам известно о другом автобиографическом произведении — «Воспоминаниях» **Арата Сикионского** (не менее чем в 30 книгах) [614]. Арат был одним из известнейших руководителей Ахейского союза, ответственным за многие важнейшие решения, в частности за то, что в процессе борьбы со спартанским царем Клеоменом Ахейский союз резко изменил внешнеполитическую ориентацию и согласился на подчинение Греции Македонии. Политические взгляды Арата несомненно консервативны. Его воспоминания преследовали вполне определенную цель — оправдать свою политическую деятельность, в том числе и такие политические акции, которые вызвали резкую критику многих современников. Таким образом, очень сильная тенденциозность этого произведения не подлежит сомнению. Вместе с тем, конечно, можно только сожалеть, что это произведение, написанное человеком, прекрасно

знавшим все перипетии политической борьбы в Греции III в. до н. э. и принимавшим самое активное участие в них, сейчас утрачено.

Совершенно очевидно сильнейшее влияние концепций (и изложения фактической стороны событий) Арата на Полибия. Последний сам неоднократно указывает на это. Следовательно, тенденциозность Арата находит свое отражение и в труде Полибия. Вместе с тем особенно в тех частях своего произведения, где Полибий описывает события, далекие от эпицентра его интересов, симпатий и антипатий, он соединяет традицию Арата с сообщениями других авторов. Таковы, например, многие из его описаний событий в Эпире, где Полибий, возможно, даже использует столь не любимого им Филарха [278, с. 11]. Использовал «Воспоминания» Арата и Плутарх. Не подлежит сомнению, что его биография Арата почти исключительно построена на базе этого источника. Вместе с тем Плутарх не только резко сократил «Воспоминания», но и сузил географический горизонт описываемых событий, сведя их почти исключительно к Пелопоннесу.

Столь же большой потерей для историографии эллинистической Греции является утрата и сочинения Филарха [378, № 81], в котором представлена концепция событий, полностью противоположная концепции Арата. К сожалению, мы не знаем ни точных дат жизни, ни даже места рождения (Афины или Навкратис) этого историка. Известно, что он жил во второй половине III в. до н. э. и (наряду с другими произведениями) написал «Историю» (в 18 книгах), которая охватывала события от вторжения Пирра в Пелопоннес (272 г. до н. э.) вплоть до смерти спартанского царя-реформатора Клеомена III (219 г. до н. э.) [209]. Филарх, в отличие от Арата (и Полибия), в своей «Истории» дал позитивную оценку деятельности спартанских царей Агиса и Клеомека, особенно последнего. Именно это (а не только разница в теоретических воззрениях на историю) было причиной резкой критики Филарха со стороны Полибия. Некоторые из современных авторов даже считают, что почти полная утрата произведения Филарха является частью следствием этой критики [636, т. II, с. 480]. Критика же Полибия объясняется прямой противоположностью политических воззрений двух авторов, ибо Полибий выступал как защитник дела Ахейского союза вообще и Арата в частности. В литературе все более утверждается мнение, что и замечания Полибия об историческом методе Филарха (страсть к необычному и ужасному, стремление разжалобить читателя и т. п.) являются явным преувеличением.

Бесспорно, что Филарх был основным источником для Плутарха в его жизнеописании Агиса и Клеомена, а также в биографиях Пирра и (отчасти) Арата. Столь же несомненно, что, несмотря на всю суровость своей критики, Полибий широко

пользовался сведениями, сообщаемыми Филархом, особенно для освещения тех событий, о которых Арат умалчивал, например тайных переговоров между Аратом и Антигоном Досоном. Филарх использовался также и Помпеем Трогом (в книгах XXXV—XXXVIII), однако нельзя сказать — прямо или нет. К Филарху же восходят многие исторические анекдоты, сообщаемые Афинеем, далеко не всегда лишённые исторического значения. Видимо, справедливым является мнение, что в древности Филарх был хорошо известен и его произведение было достаточно популярным.

Полибий. Вершиной исторической мысли эллинистической эпохи единодушно считался Полибий [147; 30, с. 226—262; 132, с. 118—150; 615; 494; 536, с. 148—172; 268, с. 169—182]. Родился он, видимо, между 210—205 гг. до н. э. в аркадском городе Мегалополе, входившем тогда в Ахейский союз. Полибий принадлежал к семье крупных земельных собственников, очень влиятельной в союзе. Его отец Ликорт, был верным последователем одного из выдающихся руководителей союза — Филопемена и несколько раз избирался стратегом. Сам Филопемени, видимо, был наставником Полибия в политической и военной деятельности. Образование Полибия носило скорее практический характер, он мало изучал философскую литературу, не совершал путешествий в «космополитические» столицы для того, чтобы слушать лекции известнейших философов и раторов, чем обычно завершали свое образование представители греческой элиты. В 181 г. до н. э. Полибий был избран одним из послов к египетскому царю Птолемею V (несмотря на то, что ему в это время еще не было 30 лет и по конституции Ахейского союза он еще не мог выполнять общественных обязанностей). Во время 3-й Македонской войны он уже был одним из руководителей союза, в частности, в 169 г. до н. э. был избран гилпархом (вторая по значению магистратура в союзе), участвовал в переговорах с римлянами. После завершения этой войны Рим жестоко расправился не только со своими врагами, но и с теми союзниками, которые, с точки зрения римлян, были недостаточно лояльны. Репрессии коснулись и Ахейского союза, 1000 представителей знатных семей союза были отправлены в качестве заложников в Рим. В их числе находился и Полибий. Оценка его политической деятельности того времени в современной литературе весьма различна. Некоторые исследователи полагают, что он «служил национальному делу греков» и за это навлек на себя подозрения римлян [30, с. 228; 615, т. 1, с. 3]. Другие же считают его «блестящим секретным агентом» Рима [455, с. 68]. Основанием служит то обстоятельство, что если все остальные заложники были разосланы по тюрьмам различных городов Италии, то Полибию было дозволено остаться в Риме, где он жил в доме Павла Эмилия — победителя в 3-й Македонской войне.

В Риме Полибий провел более 15 лет, эти годы были чрезвычайно важны для него как историка и политического теоретика. Прежде всего, именно здесь Полибий, видимо, по-настоящему смог ознакомиться с греческой историографией. Павел Эмилий вывез из Македонии замечательную библиотеку царя Персея, которая была предоставлена в полное распоряжение Полибия. Эта библиотека складывалась еще в годы Филиппа II и Александра Македонского, очень многое сделал для ее пополнения Антигон Гонат. Круг чтения Полибия, насколько мы можем судить, был достаточно широк, но несколько односторонен. Он активно изучал труды историков: Филарха, Арата, Птолемея из Мегалополя, Феопомпа, Эфора, Тимея, Каллисфена, Иеронима из Кардии. Более ранних историков — Геродота, Фукидида, Ксенофонта — Полибий знает гораздо хуже. С трудами Платона и Аристотеля он, по всей видимости, знакомился не непосредственно, а через какие-то популярные руководства (возможно, стоической направленности).

Более важным, однако, было другое обстоятельство. В Риме Полибий вошел в среду высшей римской аристократии, в круг подлинных руководителей политики Рима. Он стал наставником, а затем и близким другом одного из сыновей Эмилия Павла, который был усыновлен старшим сыном победителя Ганнибала Сципионом и вошел в историю как Сципион Эмилиан — в будущем завоеватель Карфагена. За годы пребывания в Риме Полибий стал не только искренним и убежденным сторонником Рима, но и приобрел огромный политический опыт. От него не было тайн у влиятельнейших римских государственных деятелей, иногда он сам принимал участие в сложных политических акциях. Так, он был одним из организаторов бегства селевкидского царевича (будущего царя Деметрия I), находившегося в качестве заложника в Риме¹. В 151 г. до н. э. Полибий вместе со Сципионом Эмилианом (который служил легатом под командованием Лукулла) побывал в Испании, тогда же он путешествовал в Африку, где встречался с Масиниссой. На обратном пути он посетил южную Галлию и пересек Альпы.

Через 15 с лишним лет после депортации Полибию вместе с 300 оставшимися в живых заложниками было разрешено отправиться на родину, но почти немедленно он возвращается в Рим и находится вместе со Сципионом Эмилианом в Африке во время 3-й Пунической войны. Получив от Сципиона флот, он исследует Африканское побережье, выходит в Атлантический океан и совершает плавание вдоль берегов Африки и Иберийского полуострова. Полибий присутствует при взятии и разрушении Карфагена.

Затем он спешит в Грецию, где только что завершилась последняя борьба греков с Римом. На него римляне возлагают ответственной миссию — дать устройство греческим горо-

дам, упорядочить их отношения, умиротворить страну. Защищая римские интересы, Полибий в то же время стремится выговорить сколь возможно более мягкие условия для побежденных, чем снискал благодарность многих греческих городов — об этом свидетельствует Павсаний. Во многих местах в его честь воздвигались статуи и колонны с благодарственными надписями. Одна из таких надписей была найдена в Олимпии [308, № 686].

Полибию еще не раз приходилось ездить в Рим: он сопровождал Сципиона в Испанию (во время Нумантинской войны), побывал в Египте (около 136 г. до н. э.), на побережье Понта, в Малой Азии. Умер Полибий в возрасте 82 лет, упав с лошади.

Подобная жизнь необычайно расширила кругозор Полибия. К опыту политического руководителя Ахейского союза он добавил знание самых тайных пружин римской «мировой» политики того времени. Он был лично знаком со многими выдающимися государственными руководителями того времени. Практическое знание греческого военного дела он дополняет глубоким знакомством с военным делом римлян и многих народов Европы, Азии, Африки. К этому необходимо добавить и ознакомление с той географической средой, где разворачивались описываемые им события. В сочетании с его трезвым умом политического деятеля и солдата все это создавало базу для написания очень глубокой по содержанию исторической картины.

Полибий был автором нескольких работ: он описал историю Нумантинской войны, жизнь Филопемена, издал сочинения об обитаемости экваториальных областей и по военной тактике, но основным и единственным дошедшим до нас сочинением является «Всеобщая история» (в 40 книгах).

Целиком сохранились только первые пять книг, от остальных — лишь более или менее полные отрывки. Часть этих выписок была сделана в X в. Константином Багрянородным. Имеются тоже эксерпты, выполненные другим читателем Полибия — из книг с I по XVI и из XVIII книги (лекция извлечений называется *Excerpta antiqua*), высказывалось предположение, что они — дело рук Брута [456, с. 81]. Считается, что до нас дошла 1/3 первоначального содержания труда Полибия.

В греческой литературе Полибий никогда не пользовался популярностью. Как полагал Т. Моммзен, греки чувствовали, что Полибий «не был им лоялен» [457, т. II, с. 451]. Дионисий Галикарнасский называет Полибия среди тех авторов, которых невозможно дочитать до конца (Сопр., 30). В римской литературе эпохи Поздней республики и в I в. н. э. он, напротив, чрезвычайно популярен. Его изучали Катон Старший, Семпроний Азелион, Варрон, Непот, Цицерон, Ливий, Плиний Старший. Хотя в эпоху империи его популярность упала, все же

Полибия продолжали читать на Западе до конца античности (в частности, Юлиан Апостат, св. Иероним, Орозий).

Основное содержание «Всеобщей истории» Полибия начинается с III книги, первые же две являются «Введением». В нем (в краткой форме) описываются события, происшедшие с I-й Пунической войны и Пирра до 220 г. до н. э.² Выбор этой даты как начального периода для изложения хода политических событий определяется двумя соображениями. Во-первых, примерно в это время на политическую арену вступают деятели, с именами которых связаны важнейшие события последующего периода: Птолемей Филопатор в Египте, Антиох III в государстве Селевкидов, Филипп V в Македонии, а карфагенянин Ганнибал начинает готовить вторжение в Италию. Во-вторых, именно в это время, по мнению Полибия, история отдельных народов и государств начинает сливаться в единую, всеобщую историю. Предшествующие события совершались как бы изолированно, история отдельных стран не перекрещивалась с историей других. Начиная же с этого момента история составляет единое целое, итальянские и ливийские события переплетаются с азиатскими и эллинскими, взаимно влияя друг на друга, и все движется к единой цели — установлению римского господства в Средиземноморье. Описанию этого процесса посвящены книги III—XXX. Рубежом служит 168 г. до н. э. Последующие десять книг рассказывают о том, как римляне воспользовались своей победой и упрочили свою власть. Заканчивается «Всеобщая история» разрушением Карфагена и Коринфа в 146 г. до н. э. Считается, что Полибий первоначально планировал описать только события до 168 г., затем же решил продолжить свое сочинение. Некоторая редакционная несогласованность, наблюдающаяся в разных частях этого обширного труда, видимо, является результатом изменения замысла автора.

Труд Полибия представляет собой органическое единство и отражает некоторые важнейшие стороны исторического процесса. Действительно, в рассматриваемый им период происходит неуклонное возрастание мощи Рима, подчиняющего себе все Средиземноморье. Однако Полибий не просто констатирует этот факт, но стремится выяснить причины этого явления, опираясь на собственную политическую теорию. Основой ее, в сущности, являются взгляды Аристотеля, но у Полибия они приобретают законченную (и в то же время несколько огрубленную) форму. Свои теоретические взгляды на проблему политической организации общества Полибий высказывает в нескольких местах, но подробнее всего он развивает эту концепцию в VI книге [124; 268, с. 173]. Полибий считает, что всего существует шесть форм правления: три правильные и три «отклоняющиеся». Правильные формы: царская власть, аристократия и демократия. Им соответствуют три отклоняющиеся формы, происходящие из того же источника, но являющиеся извращением правильных

форм: монархия, олигархия и охлократия³. Первой формой, пришедшей на смену первобытному состоянию, была царская власть, ее (в силу естественной необходимости, так как все в мире подвержено закону разрушения) сменила извращенная форма — монархия. Из монархии, в свою очередь, родилась аристократия и т. д. Конечной фазой этого цикла развития оказывается охлократия, из которой снова рождается царская власть.

В концепции Полибия сочетаются два принципа; цикличности и биологизма, ибо политические формы в своем развитии уподобляются биологическим объектам. Есть единственное средство если не прервать, то в очень сильной форме затормозить этот процесс: создать такую систему политической организации, в которой бы органично сочетались все три правильные политические формы. Полибий стремится подтвердить этот тезис историческими примерами. Он считает, что в известной мере этот принцип был соблюден в конституции Спарты времен Ликурга, но наиболее полно он воплощен в римском государственном устройстве. Именно этим объясняются военное превосходство Рима и в конечном счете постоянные победы римлян и неизменно возрастающее их могущество, отдающее под власть Рима один народ за другим.

Исходя из этого, Полибий видит в ходе исторических событий проявление единого закономерного процесса, определяемое им как проявление судьбы [30, с. 234; 494, с. 336—354]. По его словам, например, судьба склонила почти все события его времени в одну сторону и направила их к одной цели. Именно поэтому он избирает 140-ю олимпиаду в качестве отправного пункта своего изложения хода истории, ибо «тогда как бы сама судьба придала совершенно новый вид обитаемой земле: повсеместно в тот момент произошла перемена правителей, а вместе с тем и в положении дел» (IV, 2). Иногда, правда, судьба приобретает у Полибия и иные черты, превращаясь в силу, действующую вопреки всяким законам, в воплощение слепого случая. Иногда Полибий вообще устраняет судьбу из исторического процесса. Так, он указывает, что Рим достиг господства не с помощью судьбы, а вполне естественным образом — благодаря изощрениям в великих предприятиях (I, 63, 9).

В соответствии с общим принципом закономерности находится и учение Полибия о причинности, излагаемое им неоднократно и под разными углами зрения. Однако в первую очередь оно увязывается с идеей практической пользы истории. Начав с утверждения, что «наиболее необходимые элементы истории — это выяснение следствий событий и обстоятельств, но особенно их причин» (III, 32, 6), Полибий затем подчеркивает, что история ценна тем, что дает политическому деятелю знание того, какие причины приводят к каким следствиям и именно

Поэтому имеет для него практическое значение⁴. Какая польза больному от врача, который не знает причины болезни? Какая польза от государственного деятеля, который не в силах сообразить, каким образом, почему и откуда возникли события? Как врач не назначит надлежащего лечения, если он не знает причины болезни, так и государственный деятель будет бессильен, если не сумеет определить причины событий. Поэтому ничем не следует так дорожить, как знанием причины каждого факта (III, 7, 7).

Полибий четко вычленяет три понятия: причина, повод и начало. Различие между ними он объясняет на примере. Причиной войны Александра Македонского с персами он считает возвращение 10 тыс. наемников во главе с Ксенофонтom и поход Агесилая, показавшие слабость варваров; поводом послужило желание Филиппа прикрыть намечаемый поход стремлением отомстить персам за причиненные некогда обиды, началом же — переход Александра в Азию. Этот пример ярко показывает особенности понимания Полибием причинности в истории. Автор рационалистически расчленяет объективное и субъективное, помещает события в широкую историческую перспективу. Вместе с тем отчетливо видна и ограниченность интерпретаций Полибием причинности, остающаяся только на уровне событийного ряда, не проникающая в сферу глубоких социально-экономических явлений. При анализе «причины» того или иного исторического события Полибий стремится исследовать объективные условия, в которых разворачивается конфликт. Это исследование ведется в двух направлениях: политическом и моральном (при этом особое внимание уделяется характеру государственных руководителей). Исследование «повода» должно объяснить значение и характер тех доводов, которые выставляют противоборствующие стороны для объяснения своих действий (особое значение придается законности или моральности тех или иных действий). Наконец, «начало» — это рассмотрение конкретных первоначальных шагов той из сторон, которая первой начала действия [132, с. 129].

С концепцией причинности теснейшим образом связано выдвигаемое Полибием требование правдивости истории. Правда служит своего рода связующим звеном между двумя основными элементами общен исторической концепции Полибия: пользой и идеей причинности. С точки зрения Полибия, история только тогда может быть полезной, когда она правдиво обрисовывает события и тем самым дает истинное освещение их причин; если же история уклоняется от истины, то она не заслуживает названия истории. Историк должен быть беспристрастен и к друзьям, и к врагам. Неправда в историческом сочинении может быть невольная, по неведению, или преднамеренная. К первой следует относиться снисходительно, а ко второй — с беспощадной строгостью.

По этим соображениям Полибий является противником риторического направления в древнегреческой историографии, в частности, он решительно возражает против частого введения речей (по большей части вымышленных) в исторические сочинения. Полибий лишь кратко пересказывает речи, передавая их общий смысл. Иногда он прямо пользуется официальными записями. У Полибия изредка встречаются не подлинные речи, но они всегда базируются на достаточно точном знании идей, которые воодушевляли того или иного оратора [196, с. 80—82].

Завершая очерк теоретических воззрений Полибия на историю, необходимо указать, что он отводит большое место отдельной личности. Действия политических деятелей часто выступают у него важнейшими факторами исторического процесса. В связи с этим Полибий стремится дать яркие и образные характеристики государственных деятелей, обрисовывая как их положительные, так и отрицательные качества. Своих предшественников Полибий часто критикует за односторонность в описании исторических личностей.

В целом труд Полибия является важнейшим источником по истории всего Средиземноморья (особенно же Греции) от времени Пирра до окончательного покорения Римом Эллады. Полибий писал главным образом о своем времени. Но он, конечно, не мог ограничиваться только личными наблюдениями и свидетельствами. Большое место среди его источников занимают документальные материалы. Полибий пользовался многими официальными документами (договорами, протоколами, отчетами и т. д.) из различных архивов (римского, ахейского, родосского, македонского). В текст своего сочинения он включает (целиком или в сокращенном изложении) договоры, например три договора Рима с Карфагеном (времени до Пунических войн), договор между этими же государствами после 1-й Пунической войны, договор Рима с иллирийской царицей Тевтой, соглашение Ганнибала с Филиппом V, договор Сципиона с Карфагеном, Рима с Этолией, Апамейский договор, договор Фарнака с другими царями Малой Азии. Кроме того, в не дошедшей до нас части труда Полибия содержались договоры Марка Аврелия Левина с этолийцами и соглашение Рима с Набисом. Как правило, все эти документы изучались Полибием лично. Пользуется Полибий в качестве источника и письмами. Он, например, излагает содержание писем Сципиона к Пруссию, царю Вифинии, к Эмилию Региллу и Евмену, которые получил из семейного архива Сципионов.

Довольно часто Полибий пользуется эпиграфическими материалами. Так, он подчеркивает, что изучение перечня отрядов карфагенской армии на медной доске в Лацинии, составленного по приказу самого Ганнибала, позволило ему выявить такие подробности, относительно которых другие историки

могли лишь фантазировать (III, 33, 18). Некоторые эпиграфические документы Полибий, видимо, изучал по рукописным копиям: акт о прекращении междоусобия в Мегалополе, начертанный на столбе у жертвенника Гестии в Гамарии, декрет о принятии Спарты в Ахейский союз, договор ахейцев с Мессеней.

Важнейшей особенностью труда Полибия (с точки зрения использования документальных материалов) являются требования точной ссылки на документ. Критикуя Тимея, Полибий пишет: «Нельзя не удивляться, почему Тимей не называет ни города, в котором был найден документ, ни места, на котором начертанный документ находится, не называет и тех должностных лиц, которые показали ему документ и беседовали с ним; при наличии этих показаний все было бы ясно и в случае сомнений каждый мог бы удостовериться на месте, раз известны местонахождение документа и город» (XI, 10, 5). Достаточно широко пользовался Полибий и трудами историков, особенно для обрисовки событий, происшедших в более раннее время. Для решения вопросов, связанных с историей Ахейского союза, важнейшим источником для него служат «Воспоминания» Арата, одного из выдающихся руководителей союза. Он называет их чрезвычайно правдивыми и ясными (II, 40). Использовал Полибий и сочинения Филарха, но свидетельства последнего он почти всегда критикует, что, впрочем, и естественно, ибо Филарх в своей истории оправдывал действия Клеомена и был враждебно настроен к Арату. Полибию известны труды более ранних историков: Феопомпа, Эфора, Тимея, Каллисфена, возможно Геродота, Фукидида, Ксенофонта. Но эти источники нужны были Полибию только для привлечения «сравнительного материала», ибо главное для него — описание событий конца III — первой половины II в. до н. э.

Все сказанное выше позволяет считать, что Полибий был способен дать широкое и достоверное полотно исторических судеб Эллады в эллинистическую эпоху. Вопрос, следовательно, стоит таким образом: в какой степени Полибий следовал в своей «Всеобщей истории» принципам, которые он сам разработал? Наука XIX в. оценивала Полибия чрезвычайно высоко, особо подчеркивая его беспристрастность. Очень типична в этом отношении оценка В. Г. Васильевского. «Все, что можно заметить, это те легкие оттенки, тот более теплый или менее холодный тон речи, то бессознательное стремление более выставить светлую сторону, короче все то, что обличает человека и писателя неравнодушного и непостороннего предмету» [33, с. 44]. Аналогичную высокую оценку беспристрастности Полибия дал и В. П. Бузескул [30, с. 254].

В современных исследованиях этот вопрос уже не решается столь однозначно. Подчеркивается, что на изложение событий сильно влияли общественно-политические взгляды Поли-

бия, в первую очередь его антидемократизм, приверженность Риму и ахейский патриотизм. Полибий рассматривает всю историю эллинистической Греции сквозь призму деятеля Ахейского союза, в котором он видит воплощение принципов равноправия, свободы, подлинной демократии (II, 38), что, однако, довольно далеко от действительности, ибо союз выступал в Греции того времени как сила консервативная. Полибий вполне искренне защищает политическую линию и конкретные действия союза. Точно так же он, как правило, высоко оценивает и деятельность политических руководителей союза. Арата, например, Полибий считает во всех отношениях совершенным государственным деятелем. В своем изложении историк враждебно описывает деятельность Этолийского союза — врага союза Ахейского. В обрисовке Этолии у него имеется один стереотип: он всемерно подчеркивает «врожденную» нечестность, алчность и жестокость этолян (II, 45). Точно так же, как правило негативно, освещается и история Спарты.

Очень ярко эти недостатки Полибия сказываются, в частности, в описании одного из ключевых моментов истории Греции эллинистического времени: переговоров Арата с Антигоном Досоном, в результате которых Эллада вновь оказалась под контролем Македонии. Современные исследователи подчеркивают, что описание этих событий у Полибия полно ошибок и явно неудовлетворительно. Одна из основных причин заключается в том, что Полибий здесь целиком следует «Воспоминаниям» Арата. Характерно, что он сам прекрасно сознает тенденциозность этого источника, однако безоговорочно следует за ним [303, с. 170].

Очень показательно, что недомолвки Полибия начинаются там, где на сцену выступает социальный вопрос [303, с. 171—172]. Именно угроза радикально-демократических переворотов спартанского образца в городах Греции толкнула Арата и весь Ахейский союз на полное изменение внешней политики, переход от борьбы с Македонией к союзу с ней. Полибий подробно говорит о всех внешних перипетиях этих событий, но ничего не сообщает о реальных социальных основах политики Арата.

Таким же образом описывает Полибий и события Ахейской войны; историк крайне отрицательно характеризует тогдашних руководителей Ахейского союза, указывает на их неопытность, испорченность, считает, что они принесли и «гибельный конец» эллинам. В данном эпизоде ахейский патриотизм Полибия отступает на задний план, поскольку он приходит в противоречие с римской политикой. Полибий не хочет видеть социальных причин недовольства в Греции (в том числе и в Ахейском союзе) римской политикой [337, с. 78—89]. Как подчеркивал А. Момильяно, Полибий принадлежит к числу тех греков, которые, «доведись им выбирать между социальными реформами

и римской властью, не колеблясь выбрали бы Рим» [455, с. 73]. Для Полибия всякое движение против Рима — глупость.

Таким образом, в исторической мысли Полибия можно видеть своего рода «систему приоритетов». Важнейшее место в ней занимает Рим, затем следует Ахейский союз и, наконец, остальные эллины. Все это согласуется с его «социальным инстинктом» крупного собственника и противника радикальной демократии. Его симпатии властно влияют на изображение исторических событий.

Однако ни в коем случае нельзя думать, что Полибий выступает в роли вульгарного фальсификатора истории. Основные факты, как правило, передаются им точно. Так, рассказывая о борьбе Ахейского союза со Спартой, он сообщает не только о неоднократных поражениях союза, но и о том, какой страх охватил ахейцев после этих поражений. Не скрывает Полибий и некоторых негативных сторон в деятельности своего любимого героя Арата. Так, в частности, он говорит о его слабости как военного руководителя в ряде кампаний, признает, что внутренние раздоры в Ахейском союзе были порождены его политикой и т. д.

В целом можно считать, что при всех своих недостатках Полибий остается важнейшим нашим источником по политической и военной истории Греции эллинистического времени. Искажения им исторического процесса редко касаются фактической стороны событий, они, как правило, — в истолковании событий, объяснении намерений сторон, моральной оценке действующих лиц. Наконец, надо иметь в виду «социальную слепоту» Полибия, упорно не желающего видеть реальные основы взрывов недовольства народных масс.

Полибий является также важным источником для экономической истории Греции того времени. Его интерес к географическим условиям носит как военно-топографический характер (выявление особенностей театра военных действий), так и экономико-географический характер. Общий рационалистический подход Полибия к истории выражается и в том, что он большое внимание уделяет экономическому положению государств, вовлеченных в конфликты. Очень показательна в этом отношении его критика Филарха: «В его утверждениях каждый прежде всего поражается непониманию и незнанию общеизвестных предметов — состояния и богатства эллинских государств, а историкам это должно быть известно прежде всего» (II, 62, 2). Полибий сам собирает многочисленные сведения о плодородии почвы, естественных богатствах, относительно стоимости продуктов питания, общего экономического положения отдельных государств, их экономической политики. В теоретическом осмыслении этих вопросов, однако, Полибий ничем не выделяется среди других античных мыслителей: он напрямую связывает государственное устройство отдельных народов с их бо-

гатством и бедностью, страсть к обогащению считает основной причиной гибели народов и отдельных политических деятелей.

Труд Полибия оказал очень сильное влияние на развитие эллинистической историографии. Знаком этого влияния было и стремление ряда историков продолжить его, попытаться, применив метод Полибия, изложить ход исторического процесса, начиная с того момента, на котором остановился Полибий.

Наиболее удачной была попытка, предпринятая Посидонием [387, № 155]. Его «История» (в 52 книгах) должна была продолжить труд Полибия.

Посидоний [478, с. 1 сл.] родился около 135 г. до н. э. в Апамее Сирийской, в дальнейшем жил на Родосе, где и умер около 50 г. до н. э. Ученик известного философа-стоика Панэтия, он сам был выдающимся философом, человеком всесторонне образованным. Трудно сказать, какими событиями завершился труд Посидония, можно предполагать, однако, что он закончил свою «Историю» описанием деятельности Помпея на Востоке. Теоретические основы труда Посидония были весьма отличны от концепций Полибия. Согласно учению стоиков, он рассматривал мир как «живой организм». К сожалению, дошедшие до нас фрагменты «Истории» Посидония очень немногочисленны. Значительное внимание он уделял экономическим вопросам, политическому строю отдельных государств и т. д. Высказывалось предположение, что Тит Ливий широко использовал труд Посидония для описания событий после 146 г. до н. э. В конце жизни Посидоний написал биографию Помпея, которая (через посредство Николая Дамасского) была использована Аппианом.

Николай Дамасский [387, № 90] родился в 64 г. до н. э., выходец из богатой семьи [613]. В период деятельности Антония на Востоке был назначен воспитателем детей Клеопатры VII. Позднее находился на службе у Ирода Великого, выполняя целый ряд его поручений дипломатического, административного и юридического характера. Два раза бывал в Риме, причем второй — уже после смерти Ирода. Находясь в Риме, написал биографию Августа, с которым, видимо, был хорошо знаком. Наиболее важным произведением Николая, однако, была «Всеобщая история» (в 144 книгах), от которой сохранились только фрагменты.

Характер изложения истории эллинистической эпохи в этом произведении, по всей видимости, был таков, что в нем на первый план выдвигалась история Иудеи. Вообще, всемирная история у Николая Дамасского рассматривалась в основном сквозь призму истории евреев. Предполагается, что Николай Дамасский служил посредствующим звеном между Посидонием и Аппианом, особенно в изложении истории митридатовских войн. Кроме того, вероятно, его «Всеобщая история» послужила одним из основных источников для Иосифа Флавия.

Эпиграфическими памятниками эллинистическая эпоха освещена полнее, чем какой-либо другой период истории Греции. Лapidарные надписи в той или иной степени касаются практически всех сторон ее жизни. Исследователь может пользоваться многочисленными изданиями надписей самого различного характера. Среди них прежде всего необходимо упомянуть *Inscriptiones Graecae* [383]; материал здесь расположен по топографическому принципу, и каждой области посвящен отдельный том. В настоящее время выходит второе издание этого монументальнейшего сборника, однако оно, к сожалению, еще далеко от своего завершения. Кроме того, постоянно находят новые надписи, уточняется чтение ранее известных документов. В силу этого часто бывает трудно даже учесть весь имеющийся по той или иной проблеме или по истории того или иного региона эпиграфический материал.

Очень важную роль играют различные издания избранных надписей (В. Диттенбергера, Ш. Мишеля, Ж. Пууи и др.) [308; 451; 509]. Также важны тематические сборники, например сборник юридических надписей [298], тексты договоров различных государств [560], исторические надписи [386] и др. Имеются также публикации, в которых собраны надписи, происходящие из того или иного государства или с той или иной территории. Иногда они носят более ли менее законченный характер (как, например, издание критских надписей) [382; 380; 523; 312], но иногда представляют собой серию продолжающихся изданий надписей, находимых при раскопках⁵.

Для экономической истории Греции эллинистической эпохи наибольшее значение, видимо, имеют отчеты иеропеев храма Аполлона на Делосе, представляющие собой обширную серию документов хозяйственной отчетности от конца IV в. до н. э. примерно до 170 г. до н. э. [подробнее см.: 371; 61, с. 133 сл.]. Хозяйство храма Аполлона было весьма обширно, оно захватывало не только территорию острова, но и Ренею. Эти документы самым детальным образом освещают деятельность храмовой администрации, дают сведения о стоимости различных товаров, об аренде земли, о денежных операциях (займах, вкладах и т. п.); особенно интересны данные о стоимости наемного труда (от чернорабочего до архитектора и художника). Ценность этих документов заключается в том, что они представляют собой почти непрерывную серию, что позволяет исследовать долгосрочные тенденции в развитии экономики Средиземноморья, выявить динамику изменения цен и т. п. [414]. Именно в результате исследования главным образом этих документов был получен вывод о постепенном, но неуклонном

росте цен в Средиземноморье (по сравнению с эпохой классики).

Серию хозяйственных документов храма Аполлона на Делосе дополняют надписи другого характера. Из них особенно важны документы, на основе которых можно говорить о существовании на Делосе целых колоний навклеров и торговцев из разных областей Средиземноморья, — свидетельство широких торговых связей острова [607; с. 106—110; 150, с. 280].

К сожалению, столь обширной коллекции документов чисто экономического содержания больше нет. Но имеется ряд важных документов, происходящих из различных областей Греции и освещающих самые различные стороны экономической жизни того времени. Ограничимся только несколькими примерами. Один из декретов Самоса [308, № 976] представляет собой закон о снабжении зерном полиса. Отмечалось, что на основе этого документа может быть сделан вывод о наличии значительного числа богатых граждан на острове [150, с. 283]. Надписи могут свидетельствовать и о более частных событиях в экономической истории отдельных полисов. Интересны, например, декреты, в которых полисы благодарят своих благодетелей-эвергетов, как сограждан, так и иностранцев (в том числе и царей эллинистических государств), за помощь в трудную минуту. Примером такого рода эпиграфических документов может служить надпись о строительстве гимнасия в городе Лариссе (Фессалия) 182—179 гг. до н. э. Когда полис решил строить гимнасий, его казна была совершенно пуста и для осуществления этого предприятия приглашаются благодетели. Частично сохранился список этих благодетелей. Он включает македонского царя Филиппа V, его сына Персея и ряд других лиц [386, т. II, № 102, с. 76—79]. В афинском декрете [308, № 640] рассказывается о патриотическом поступке одного из афинских купцов (175/4 г. до н. э.). Он закупил 1500 метретов оливкового масла, чтобы отвезти его в Понт, продать там и на вырученные деньги купить хлеб. Но узнав по пути, что в Аттике неурожай на оливки, он отказался от своих планов и распродал свое масло в Аттике. Другой афинский декрет (после 229 г. до н. э.) — в честь Эвриклида — перечисляет его заслуги перед городом, выразившиеся в щедрых пожертвованиях на насущные нужды города: «...а так как земля в течение войн оставалась заброшенной и незаселенной, он добился того, что она стала обрабатываться и засеиваться, доставив средства» [308, № 497]. В афинской надписи 231 г. до н. э. [308, № 491] говорится о сборе средств на спасение и охрану города, причем начальник македонского гарнизона Диоген жертвует 200 драхм, за что афиняне приносят ему свою благодарность.

Широко отражается в надписях и другая сложная проблема греческих полисов того времени — задолженность. Наиболее типичен декрет Краниона (в Фессалии), в котором говорится,

что полис задолжал очень большие суммы из-за войн. Делос восхваляет сидонского царя Филокла, представителя Птолемея в «Союзе несиотов», за то, что он помог храму Аполлона взыскать долги с островитян [308, № 390]. Важны также надписи, связанные с деятельностью античных «банков» — трапедз [254].

Социальная история Греции и Македонии в эллинистическую эпоху неравномерно освещена документальными источниками, и в первую очередь надписями. Некоторые из них чрезвычайно ярко свидетельствуют об изменении в характере земельных отношений в эллинистическую эпоху. Показателен один документ — письмо македонского царя Филиппа V эпистату Архиппу (181 г. до н. э.) [386, т. II, № 110]. В нем представлена ситуация, практически невозможная в классическую эпоху: гражданин одного из македонских полисов является метеком в другом и обладает там земельным участком. Упоминается также и «царская земля». Социальные проблемы в полисах находят слабое отражение в данной категории источников. Так, например, в присяге итанийцев (на о. Крит) граждане дают клятву, что не будут совершать «ни раздела земли, ни домов, ни участков под постройками, ни кассации долгов» [308, № 526]. Надпись (из г. Димы в Ахайе, датируется 139 или 115 г. до н. э.) содержит данные об одном из эпизодов социальной борьбы в Греции уже после установления римского господства [308, № 684]. Надпись представляет собой обращение проконсула Квинта Фабия Максима. Синедры города во главе с Киланионом донесли проконсулу о событиях, которые он охарактеризовал как «худшее восстание и мятеж». Народ во главе с неким Сосом сжег государственный архив и уничтожил документы. Сос издал новые законы. Рассмотрев дело, Фабий казнил Сосу как виновника «ниспровержения данного римлянами государственного строя», кара постигла и других участников восстания [150, с. 283; 636, т. II, с. 335].

Очень важны для суждения о многих проблемах экономической и социальной истории Греции акты об освобождении рабов на волю — манумиссии, засвидетельствованные во многих местах Греции: в Локриде Озольской, Этолии, Фессалии, Акарнании, Эпире, Македонии, Коринфе и других центрах Эллады [280; 255; 374; 279; 21]. Особенно значительна коллекция документов из Дельфы [325; 299; 327; 133; 134; 66]. Раскопки в Дельфах дали огромный материал надписей, основная часть которых представляет собой акты об освобождении рабов на волю. Эти документы уже многократно привлекали внимание исследователей. Особенностью этого типа документов является их стандартность. Манумиссии составлялись по определенной схеме, которая, хотя и изменялась в деталях, в основе своей оставалась одной и той же. Именно это обстоятельство ставит определенные трудности перед учеными, изучающими

дельфийские манумиссии. С одной стороны, при их исследовании необходим статистический подход (ибо к настоящему времени известно примерно 1000 документов из Дельф этого типа), с другой стороны, в результате статистической обработки исчезает специфика отдельно взятого документа.

Дельфийские манумиссии дают многообразные сведения: о средней стоимости рабов и изменении ее в зависимости от их пола, возраста, профессии; об изменении стоимости в различные исторические периоды; о положении вольноотпущенников в дельфийском обществе; о социальном статусе манумиссоров; о демографической ситуации в Дельфах, об этносе рабов. Наконец, на базе этих документов изучался вопрос о значении самого явления освобождения рабов: в частности, может ли он свидетельствовать об упадке рабовладельческого способа производства. Несмотря на многочисленность исследований, основанных на этих источниках, нельзя считать, что решены все проблемы, что указанный источник исчерпал себя. Можно, видимо, утверждать, что изучение дельфийских манумиссий требует особых методических приемов, отличных от тех, которые применяются при изучении отдельных эпиграфических документов или малых серий их. Хотя в трудах ряда ученых (До, Колитц, Никитский, Зельин) разработаны уже некоторые из таких приемов, все же целостная система их еще не создана.

Особенно велико значение эпиграфических документов для исследования политической истории Греции и Македонии эллинистической эпохи. Надписи в той или иной степени освещают многие стороны политической жизни Эллады. Хотя данные эпиграфики, как правило, хорошо согласуются с данными нарративных источников, тем не менее надписи помогают представить картину происшедших событий более ярко и подробно.

Но иногда эпиграфические документы дают сведения о событиях, которые никак не отражены в источниках иного типа. Например, имеются материалы о службе граждан различных греческих полисов у царей эллинистических государств, о тесных связях, которые продолжались по истечению срока службы. Типичной в этом отношении является надпись из Дим (Пелопоннес), представляющая собой посвящение некоего Гагемонида в честь Антиоха IV, его жены Лаодики и сына Антиоха [386, т. I, № 56]. Однако другая надпись — посвящение от полиса Лаодикии Приморской в честь того же самого Гагемонида [386, т. I, № 57] — освещает иное, гораздо менее ярко представленное в нарративных источниках явление, — связь между полисами, находящимися в составе эллинистических государств, и полисами собственно Греции. Другой пример — декрет хиосцев в честь Этолийской конфедерации, датируемый 50-ми годами III в. до н. э. [303, с. 129—132]. В декрете сообщается о заключении договора между Хиосом и Этолийской конфедерацией, содержится запрещение грабить территорию

Хиоса, перечисляются меры по наказанию тех, кто нарушает этот декрет, говорится о почестях этолийцам и, наконец, сообщается о вхождении Хиоса в Дельфийскую амфикионию и об исполитии между двумя государствами. Первая часть этого документа носит обычный характер. Соглашения об «асилии» между этолийцами и греческими полисами, особенно приморскими, были обычны в эллинистическое время (известны, например, договоры Этолии с Тенедосом, Делосом, Смирной и т. д.). Развитие этолийского пиратства породило подобную меру защиты от него. В этом отношении соглашение между Этолией и Хиосом ничем не отличается от других. Но совершенно необъяснимыми остаются две другие важнейшие клаузулы: об исполитии и о вхождении Хиоса в амфикионию. Для объяснения этих явлений выдвигались различные гипотезы, но они остаются абсолютно недоказанными из-за отсутствия каких-либо иных источников.

Иногда эпиграфические материалы важны также потому, что освещают исторические судьбы малых полисов, в то время как античные историки, занятые главным образом судьбой наиболее важных и наиболее могущественных участников политической и военной борьбы, уделяют тем очень мало внимания. Эпиграфические документы из этих полисов освещают судьбу их и тем самым позволяют нам лучше понять общие процессы, происходящие во всей Греции. Так, например, судьба Трезены в 70-е годы III в. до н. э. проясняется только благодаря надписям. Полиен (II, 29, 1) сообщает о подчинении этого города Спарте, но об изгнании лакедемонского гарнизона в 279 г. до н. э. мы узнаем только из эпиграммы Амфиария из Оропа [636, т. II, с. 496; 495, с. 318 сл.].

Очень часто эпиграфические документы расширяют наши сведения о важных событиях, освещаемых другими источниками в самой общей форме. Так, например, известно, что после Хремонидовой войны Антигон Гонат расширил зону своего влияния на островах Эгейского моря. Но только надписи позволили конкретизировать эти сообщения — выявить (более или менее точно) те острова, которые оказались под властью Македонии (в частности, Кос, Аморгос, Кеос, Сирос). Эти же самые надписи показали, что совершенно неправильным является мнение, основанное на неточном понимании нарративных источников, согласно которому почти все острова в Эгее стали македонскими [636, т. I, с. 207].

Только с помощью эпиграфики мы знакомимся с внутренним положением в Афинах после Хремонидовой войны. Нарративные источники сообщают о подчинении Афин Македонии. Но эта информация носит очень общий характер. Гораздо больше сведений дают надписи [508], особенно те, из которых следует, что македонские военачальники занимали посты полисных магистратов. В одной из надписей, например, говорится о неко-

ем Аполлодоре, «назначенном царем и избранном народом».

Надписи позволяют более ясно представить характер событий, слабо освещенных в нарративных источниках. Так, известно, что племянник Антигона Гоната Александр, командовавший македонскими отрядами на Истме и на Эвбее, поднял восстание против своего дяди. Но лишь благодаря эпиграфическим данным стало известно, что у него были далеко идущие планы, свидетельством чего является принятие им царского титула. Кроме того, эпиграфические материалы позволяют представить границы владений Александра [636, т. I, с. 287].

Иногда надписи, посвященные каким-то специфическим вопросам, освещают более широкие проблемы. К примеру, декрет Акарнанского союза об изменении статуса святилища Аполлона в Акции (передача его из юрисдикции полиса Анакториона в ведение общесоюзной администрации) помог выявить многие вопросы самой организации союза в целом [303, с. 437—441; 413]. Кроме того, этот документ разъясняет недавние исторические события. Так, упоминания о тяжелом хозяйственном положении Анакториона хорошо согласуются с данными нарративных источников относительно судьбы Акарнании, которая около 250 г. до н. э. была разделена между Этолией и Эпиром.

Важным историческим источником служат и посвятельные надписи. Они иногда как бы намекают на более важные исторические вопросы, служа своего рода отблеском неизвестных нам событий. Так, в Олимпии было обнаружено посвящение спартанскому царю Арею [308, № 433]. Посвятителем выступает царь Египта Птолемей II. Естественно предположить, что за этим небольшим эпиграфическим документом скрываются важные политические обстоятельства — возможно, союз между Лакедемоном и Египтом [636, т. I, с. 199].

Эпиграфические документы могут характеризовать и общественные настроения. Показательны, например, запросы и ответы оракулов (как правило, выполненные на свинцовых табличках). В настоящее время опубликовано более 130 (и некоторое количество неопубликованных хранится в различных музеях) таких документов, происходящих из святилища Зевса в Додоне [281, т. I, с. 69—83; 506, с. 305—360]. Сотни этих документов (хотя и плохо датированных) могут рассказать о повседневной жизни населения Греции, его интересах, заботах и опасениях.

Таким образом, эпиграфические материалы представляют собой важнейшую категорию источников по истории Греции эллинистического периода. Основное значение их заключается в том, что они, как правило, более или менее современны зафиксированным в них событиям, документальны и в силу этого в значительной мере объективны; кроме того, широкое распространение в различных городах лишает их такого специфиче-

ского недостатка нарративных источников, как сконцентрированность на событиях в важнейших центрах. Наконец, сама формализация этих документов, т. е. то обстоятельство, что они, как правило, выполняются в соответствии с достаточно твердо установленными правилами, несет в себе определенную долю информативности. Изменение традиционной схемы оформления, например почетных декретов, уже является свидетельством определенных изменений в административном устройстве, а то и политическом строе.

Эпиграфические документы нельзя противопоставлять другим категориям источников. Надписи обладают своей спецификой, отличающей их от нарративных источников. Они, как правило, очень конкретны и дают мало информации за сравнительно узкими пределами того конкретного сюжета, которому они посвящены. Поэтому данные нарративных источников часто нужны для того, чтобы сообщения, полученные при анализе конкретного эпиграфического документа, вставить в более широкий исторический контекст. В этом плане интересен известный афинский «декрет Хремониды», датируемый, возможно, 267 г. до н. э. [308, № 434—435; 560, № 476; 303, с. 115 сл.]. В документе говорится о том, что афиняне и их союзники, лакедемоняне и их союзники решили объединить свои силы для борьбы за свободу греков. Затем сообщается, что царь Птолемей также поддерживает эту политику. В силу этого заключается общий союз для борьбы с врагами свободы греков. Важность декрета в том, что здесь подробно перечисляются все полисы, входящие в новый союз, точно фиксируются условия, предусматривается процедура ратификации. В заключительной части отмечается, что входящие в союз полисы сохраняют «отеческие законы», указывается, что военная помощь становится обязательной только в том случае, если враги вторгаются на территорию афинян (и их союзников) и лакедемонян (и их союзников).

Нет необходимости подробно говорить о значении этого документа, чрезвычайно важного для понимания характера событий в начале Хремонидовой войны. Он перечисляет силы союза, указывает на поддержку действий союза со стороны Египта, дает определенную информацию о расстановке сил накануне войны, наконец, благодаря упоминанию различных полисов позволяет судить о характере их государственного устройства, свидетельствует о практике межполисных отношений в раннеэллинистический период.

Вместе с тем этот эпиграфический документ как исторический источник обладает рядом недостатков и понять его можно только в сопоставлении с данными нарративных источников — сопоставление взаимно дополняет свидетельства этих категорий источников. Во-первых, в самом документе нигде конкретно не называются враги, против которых направлен союз. Только благодаря письменным источникам мы узнаем, что создание

союза было первым шагом к открытию военных действий против Македонии. Точно так же из этого документа никак нельзя видеть, что ему предшествовала огромная подготовительная дипломатическая работа Птолемея. Роль царя Египта в создании союза закамуфлирована. Только нарративные источники позволяют понять, что действительным инициатором союза эллинических полисов являлся Египет. Наконец, в документе нет объяснения, почему был создан союз, какие события привели к его возникновению. Это также становится известным только благодаря нарративным источникам.

Нарративные источники помогают избежать ошибок, связанных с прямолинейным использованием данных эпиграфики. В Афинах, например, была найдена база статуи, на которой имеется надпись: «Царь сидонян Филокл, сын Аполлодора» [386, т. I, с. 36—37]. Эта надпись, однако, не столько указывает на связь Афин с Сидоном, сколько на связь с Египтом, ибо из других источников известно, что Филокл, сын Аполлодора, был стратегом царя Птолемея и получил титул царя Сидона за заслуги перед птолемеевским домом. Постановка статуи Филокла афинянами выражала их чувства не столько по отношению к данному конкретному лицу, сколько по отношению к его владыке.

Необходимо отметить еще один недостаток эпиграфических документов. За редкими исключениями, они доходят до нас в поврежденном состоянии. Легче всего восстанавливаются надписи стандартного содержания, зафиксированные в большом числе экземпляров: декреты о проксении, надгробные надписи, списки эфэбов или победителей состязаний и т. д. Хуже обстоит дело в том случае, если поврежден текст уникального содержания. Примером сложности, с которыми сталкиваются исследователи, пытающиеся анализировать такого рода документы, является афинский декрет в честь Аристомаха Аргосского. Повреждения текста настолько велики, что понимание его чрезвычайно трудно. Ключом к восстановлению текста была фраза, в которой говорится об «общей войне Афин и Аргоса» против Александра. Первые издатели надписи полагали, что Александр, упомянутый здесь, — это Александр Македонский. Только тщательный анализ позволил Ф. Ф. Соколову выявить, что в этой надписи упоминается Александр, сын Кратера, мятежный племянник Антигона Гоната [162, с. 190—241].

Иногда разрушение только датировочной формулы создает исследователям совершенно непреодолимые препятствия. Так, отсутствие даты на одной из надписей не позволяет точно датировать битву у о. Кос, а в результате уже на протяжении более 100 лет ученые не могут договориться относительно не только последовательности, но и самого характера событий в 50-х годах III в. до н. э. в Эгейском море.

В надписях встречаются просто ошибки. В одном из почет-

ных декретов, найденных в Дельфах [308, № 430], спартанский царь Арей назван «сыном царя Акротата и царицы Хилониды», тогда как в действительности он являлся внуком этого царя. Э. Вилль считает, что ошибка — результат того, что Арей в своей деятельности следовал линии Акротата и поэтому общественное мнение Греции сделало его сыном последнего [636, т. I, с. 199].

Таким образом, можно утверждать, что эпиграфические памятники являются одним из важнейших видов источников, совершенно незаменимых при изучении истории Греции и Македонии эллинистической эпохи. Но они не могут иметь самодовлеющего значения; настоящую глубину и подлинное звучание они приобретают только в сопоставлении с другими, в первую очередь нарративными источниками.

§ 3. НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Нумизматические материалы — еще один вид источников по истории и экономике Греции и Македонии эллинистической эпохи. Они позволяют выявить очень многие явления, трудно уловимые при использовании иных свидетельств. Нумизматические материалы возрастают с каждым годом, что расширяет базу исследований. Кроме того, массовость монет позволяет использовать статистические методы.

Особое значение приобретают исследования монетных кладов. Первая по-настоящему научная сводка кладов древнегреческих монет была издана в 1937 г. [480]. Сравнительно недавно появилась новая сводка, в которой были обобщены результаты последних находок [385]. На основании изучения со-

Рис. 1. Монета Александра Македонского. На лицевой стороне изображение Александра. На голове шлем в виде скальпа слона

става, хронологического и территориального распределения кладов можно представить в самых общих чертах монетное обращение на территории Греции и Македонии в эллинистическую эпоху. Поскольку количество кладов велико (для эллинистической эпохи их известно 287), то выводы, видимо, достаточно обоснованы.

В истории монетного обращения Греции и Македонии в эллинистическую эпоху довольно четко выделяются два периода, граница между которыми приходится на время около 200 г. до н. э. В более ранний период сохраняются многие черты, характерные для монетного обращения эпохи классики. Монеты, чеканенные на монетных дворах Беотии, Эвбеи, Локриды и Фокиды, часто встречаются в кладах Пелопоннеса, а монеты более южных монетных дворов (особенно Сижкиона и Элиды) постепенно проникают на север. Афинские монеты первоначально почти не выходят за пределы Аттики, но начиная с III в. до н. э. распространяются в значительных количествах и в Пелопоннесе, а на севере — вплоть до Фессалии. Монеты Коринфа встречаются почти исключительно в западной части Греции, от Кефаллонии до Эпира, хотя изредка попадаются и на Крите. В период от 330 до 200 г. до н. э. в качестве основного средства денежного обращения в Греции используются серебряная монета (прижизненные, а также и посмертные выпуски) Филиппа II и Александра Македонского, причем монеты последнего — как чеканенные на македонских монетных дворах, так и на монетных дворах восточной части его государства. Основную часть золотых монет составляют монеты Филиппа и Александра. Монеты эллинистических правителей III в. до н. э. относительно редки. Встречаются также монеты Деметрия Полиоркета, Антигона Гоната (чаще всего в кладах из Фессалии); тетрадрахмы Лисимаха — обычно в Фессалии и Беотии. Редки монеты эллинистических правителей (Атталидов, Селевкидов, Птолемеев). Полагают, что в большинстве случаев появление этих монет в Греции связано с военно-политическими событиями (например, деятельностью наемников), а не с торговыми связями. Монеты с запада в Балканскую Грецию практически не поступали. Известно только несколько кладов исключительно на западном побережье Греции, где в очень небольшом числе имеются монеты сицилийских и южноиталийских полисов.

После 200 г. до н. э. происходят значительные изменения: в кладах гораздо чаще встречаются мелкие фракции серебряных монет и бронзовые монеты. Триболы Ахейского и Этолийского союзов свободно обращаются на всей территории Греции. Монеты же Фессалийской лиги за пределы ее территории встречаются очень редко. Серебряные монеты крупного номинала в Греции этого времени чеканят только Афины. Они встречаются на Эвбее, в Фессалии и на Крите. Очень много этих монет

(вместе с афинскими бронзовыми монетами) найдено на Делесе — обнаружено 28 кладов, а в самой Аттике только 17. Монеты эллинистических царей теперь очень редки, их распространение и появление в кладах, видимо, связано с политическими событиями, а не порождается торговыми связями. Большое число кладов монет Персеев, найденных в Фессалии и Эпире, объясняется событиями 3-й Македонской войны. Интересно, что встречается очень мало серебра и совершенно нет золота Митридата VI времени его борьбы с римлянами. Денарий, несмотря на все растущее вмешательство Рима в греческие дела, никакой роли в экономике Греции не играют. Только в пяти кладах встречаются римские монеты, причем лишь в одном (Гиералитна на Крите) — в значительном количестве.

Конечно, эта картина носит эскизный характер, и обрисовывает самые общие черты денежного обращения в Греции и Македонии эллинистического времени. Ряд явлений здесь лишь намечен, многое остается совершенно еще не объясненным.

Важную роль в определении характера денежного обращения играет изучение так называемых «афинских монет нового стиля». Отметим, кстати, что датировка многих кладов производится на основе именно присутствующих в них афинских монет. Однако даже после появления классической (по определению многих нумизматов) работы М. Томпсон [599], в которой датировка этих монет была разработана самым детальным образом, споры о начале чеканки монет этого типа и распределении во времени отдельных выпусков не только не прекратились, но и вспыхнули с новой силой [462].

Другой, еще более показательный, пример — это новые исследования монетного дела Филиппа II. Ж. Ле Ридер [420] доказывает, что значительная часть серебряных и золотых монет, чеканенных от имени Филиппа II, в действительности представляет собой посмертные выпуски. Они чеканились на двух монетных дворах Македонии: в Пелле и Амфиполе. В Пелле золотые и серебряные монеты «филипповских» типов выпускались параллельно с монетами Александра вплоть до 329/8 г. до н. э. и затем, после смерти Александра в 323 г. до н. э. до 310 г. до н. э. В Амфиполе же серебряные статеры с именем Филиппа чеканились до 294 г. до н. э. Ж. Ле Ридер указывает, что эти исследования заставляют пересмотреть многие вопросы истории экономики Македонии в эпоху Александра и его первых преемников. Кроме того, они дают новый материал для решения двух старых дискуссионных проблем: отношение Александра к его отцу и популярность Филиппа и Александра среди македонян.

Также далеко не всегда могут считаться окончательно решенными вопросы относительно места чеканки тех или иных монет. Пересматривается, например, проблема чеканки неко-

торых групп монет Пирра: если ранее считалось, что они производились в Локрах, то теперь (и не без основания) местом их чеканки называют Амбракию [220, с. 53 сл.].

Однако, при всех сложностях и нерешенных проблемах нумизматики эллинистической эпохи в Греции и Македонии, нумизматические материалы могут служить важным источником для решения большого круга вопросов экономической и политической истории. Особенно обоснованные выводы могут быть получены в тех случаях, когда одну и ту же проблему освещают различные типы источников. Пример тому — свидетельства о деятельности царя Македонии Филиппа V после поражения во 2-й Македонской войне. Тит Ливий достаточно подробно рассказывает о деятельности Филиппа по восстановлению экономического положения Македонии (Liv., XXXIX, 24, 1—4). Нумизматические материалы не только подтверждают эти сведения, но и уточняют их: они сообщают, что в конце своего царствования Филипп V проводит «более либеральную» монетную политику, что право чеканить бронзовую монету было предоставлено ряду городов (Пелле, Амфиполю, Фессалоникам) и периферийным, подчиненным Македонии, племенам (боттиям и пеониям) [340; 438; 440].

Иногда нумизматические материалы помогают лучше понять события, описываемые в письменных источниках, открывая те стороны, которые не нашли в них отражения. Так, письменные источники сообщают о тяжелом положении Этолийского союза в конце 1-й Македонской войны. Однако установленный нумизматами факт, что союз был вынужден тогда прекратить чеканку своей монеты, никак не отражен в других категориях источников, а между тем он дает нам важную дополнительную информацию о внутреннем состоянии Этолии [553, с. 50 сл.]. Другой пример — чеканка монет самостоятельными областями, на которые была разделена рямлянами Македония после разгрома царя Персея [340, с. 3 сл.; 636, т. II, с. 238].

Преобладающей тенденцией в работах современных нумизматов [462, с. 72] является стремление сопоставить специальные выпуски монет, отличающиеся от обычной чеканки государств, со специфическими событиями в их истории. Одной из наиболее типичных в этом отношении работ является исследование Де Лэ относительно серебряного монетного чекана Этолийского союза [301].

Иногда в истории монетного дела тех или иных государств происходят столь резкие изменения, которые не оставляют сомнения, что причиной их явились какие-то крупные трансформации в политическом строе. Задача исследователя — выявить эти трансформации. Так, при изучении монетного дела Эпира было обнаружено такое резкое изменение. П. Франке считал, что оно приходится на период 330—325 гг. до н. э. и

отражает превращение «койнона молоссов» в «симмахию эпиротов» [329]. Хотя против этого тезиса были выдвинуты возражения [425], все же новые эпиграфические документы подтвердили этот вывод П. Франке [287].

Очень важны нумизматические материалы для изучения экономической истории. Топография монетных находок может указывать направление торговых связей того или иного полиса. Показательны проведенные во Франции и Испании исследования относительно распространения в эллинистическую эпоху монет Массалии. На основании картографирования монетных находок был сделан вывод о широких торговых связях этого греческого центра в (III—II вв. до н. э.). Этот вывод подтверждается и тем, что находки монет были сделаны главным образом по берегам рек, которые служили основными путями экономических связей и в предшествующее время [289, с. 43].

Для истории экономики важны наблюдения над изменениями весовых систем. Давно замечено, что в Македонии в период царствования Персея происходит уменьшение веса его серебряных монет примерно на $1/12$. А. Мамрот, впервые отметивший это явление, считал его одной из мер в подготовке Персея к войне с Римом. Он предполагал, что монеты с уменьшенным весом предназначались для военных трат и, по мысли Персея, эти монеты должны были быть изъяты из обращения сразу после победы [439]. Однако, последующие исследования показали, что уменьшение веса было более значительным — до $1/11$. Это наблюдение позволило выдвинуть другую гипотезу. Согласно мнению П. Франке, обращению монет, принадлежащих эвбейско-аттической весовой системе (а именно такова была весовая система, использовавшаяся в Македонии), угрожало распространение монет более легких весовых систем, в частности родосских драхм и римских викториатов. Поэтому некоторое уменьшение веса македонских монет имело своей целью защитить их позиции на денежном рынке Эгеиды, а не являлось мерой подготовки в войне [330].

Большую помощь в изучении нумизматических проблем оказывают документальные материалы (в первую очередь эпиграфические документы), прямо связанные с монетным делом тех или иных государств, например дельфийский закон относительно обмена золота и серебра [541]. К сожалению, такого рода документы чрезвычайно редки.

Таким образом, нумизматические материалы — важнейший источник для исследования многих вопросов экономической и политической истории эллинистической Греции и Македонии. Нумизматические материалы имеют и самостоятельную ценность, но особенно возрастает их значение тогда, когда их можно сопоставить с данными других категорий источников.

Керамическая эпиграфика. Специфическим видом документальных материалов по истории эллинистической Греции и Малой Азии являются памятники керамической эпиграфики. Известно, что в некоторых центрах античного мира на керамических сосудах (чаще всего амфорах) и на керамических строительных материалах (например, черепицах) ставились клейма. Они могли быть с надписями (указание имени хозяина мастерской, в которой произведен предмет; городского магистрата, контролировавшего точность объема сосуда; мастера, создавшего данный предмет и т. д.) или с изображениями. Иногда вместе соседствуют и надпись, и изображение. Исследование керамических клейм началось еще в XIX в. [311], в XX в. особенно большой вклад в их изучение внесли советский ученый Б. Н. Граков и американская исследовательница В. Грэйс [43; 349; 350; 351; 352; 353].

Наиболее активно клеймилась в эллинистическое время керамическая продукция Родоса, Фасоса, Книда, Синопы. Исследование керамических клейм помогает выявить направление торговых путей, характер и объем торговых связей в различные периоды эллинистической эпохи. Поскольку некоторые типы керамических клейм хорошо датированы, они позволяют определять твердые даты для ряда археологических комплексов. Другие группы клейм вызывают дискуссию среди исследователей, и их даты перемещаются не только из десятилетия в десятилетие, но даже из столетия в столетие [28, 29].

Керамические клейма служат также одним из источников для исследования организации производства в эллинистическом мире, для просопографических изысканий.

Археологические материалы — один из основных типов источников, без которых затруднено понимание многих сторон жизни эллинистической Греции и Македонии. Особенности этого типа источников является, во-первых, постоянно растущее количество материалов, и, во-вторых, трудность в интерпретации. Наконец, надо отметить еще одно обстоятельство: археологические материалы, как правило, предстают перед исследователем в крайне разрозненном виде. Нет практически ни одного полностью раскопанного города или хотя бы сельского поселения. Поэтому суждения, основанные на частичных материалах, всегда могут быть опровергнуты последующими раскопками.

Все это заставляет относиться к выводам, построенным на базе археологических материалов, с большой осторожностью. Археологические комплексы и памятники, прямо связанные с известными историческими событиями, имеют особую ценность для археолога. К примеру, в комплексе святилища в Додоне

отчетливо фиксируются те разрушения, которые явились результатом нашествия этолийцев в 219 г. до н. э., и примитивные восстановительные работы. Сам характер ремонтных работ заставляет думать об упадке святилища и тех областей Греции, для которых он был религиозным центром [278, с. 3]. Другим примером археологического комплекса, очень хорошо связанного с известными по письменным источникам событиями, является птолемеевский военный лагерь на территории Аттики. Археологические раскопки показали, что в ходе Хремонидовой войны птолемеевский флот, крейсировавший по Эгейскому морю, высаживал десант в Аттике с целью деблокировать Афины, осажденные македонской армией. Археологи обнаружили и исследовали лагерь египетских войск [605; 526, № 168—169; 636, т. I, с. 202].

Но таких археологических памятников и комплексов немного. Основную часть археологических источников представляют материалы, полученные из раскопок многослойных памятников, датировка материалов из них не столь точна, историческая интерпретация затруднена. Но и в этих условиях археологические материалы могут дать очень многое для понимания исторических процессов. Важные выводы могут быть сделаны на основании наблюдений над ростом или уменьшением территории отдельных городов [22]. В частности, археологические исследования, проведенные в столице македонских царей Пелле, показали, что, начиная с Филиппа II и на протяжении всего раннеэллинистического времени, город постоянно разрастался. Первоначально он занимал верхнюю часть двойного холма. Во время Филиппа II стали осваиваться равнинные территории вокруг него и расширение города шло непрерывно вплоть до разгрома его римлянами [500].

Интересны также наблюдения над изменениями системы городской планировки или застройки отдельных частей города. Проведенные на афинской агоре археологические работы [641] показали, что агора Афин, планировка и застройка которой к началу эллинистической эпохи отражала уровень градостроительства материковой Греции в классическую эпоху, подверглась серьезной перестройке в эллинистическую эпоху. Неправильный четырехугольник плана приобретает более регулярные черты. На двух сторонах площади строятся огромные стои. С третьей перед старыми почитаемыми зданиями, которые не решались сносить, строятся портики, и в целом они предстают как единая стоя. Археологические материалы показывают здесь влияние эллинистических принципов планировки на старые давно уже сложившиеся городские центры. Но гораздо важнее другое обстоятельство. Археологические и эпиграфические материалы свидетельствуют о том, что наиболее важные новые сооружения (особенно так называемая «Стоя Аттала») воздвигаются целиком за счет эллинистических правителей.

Это свидетельство не только финансового упадка Афин, но и значительной зависимости полиса от новых мощных государственных образований.

Интересны также наблюдения над системой расселения целых областей Греции. Любопытные выводы сделаны о системе расселения в Аттике и на Крите в эллинистическое время [492]. Например, на о. Крит в начале эллинистического времени наблюдается массовое «передвижение» полисов из глубины острова к побережью. Исследователи связывают это явление с развитием критского пиратства [273]. Материалы археологических исследований позволили установить, что изменения в системе фортификации эллинистической Греции порождены не только новым характером и уровнем вооруженных сил, но и определенными изменениями в социальных отношениях [343].

Археологические материалы помогают изучать развитие экономики, в частности техники производства. В последние годы многое сделано для изучения горного дела и металлургии [370], керамического производства в Греции эллинистической эпохи. Можно отметить много отдельных частных наблюдений и более широких выводов, которые базируются на археологических материалах. Однако совершенно несомненно, что археологические материалы как исторический источник используются еще недостаточно, слабо разработаны методы «социологической интерпретации» археологических материалов [378].

§ 5. ПОЗДНЯЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

До наших дней не сохранился целиком ни один исторический труд эллинистической эпохи, который бы освещал ее полностью. Даже основной источник — Полибий, в сущности, отражает только сравнительно короткий период. Поэтому особое значение для изучения истории Греции и Македонии эллинистического периода имеет историческая традиция римского времени, часто основанная на утерянных для науки источниках. Из греческих авторов римского времени наибольший интерес для исследования истории эллинистической Греции имеют труды Плутарха, особенно материалы биографий из его знаменитой серии «Параллельные жизнеописания» [146]. В греческой части серии это биографии одного из диадочов Евмена, эпирского царя Пирра, сына Антигона Одноглазого — Деметрия, спартанских царей-реформаторов Агиса и Клеомена, одного из выдающихся деятелей Ахейского союза — Филопемена. Не меньшее значение имеют и биографии римских политических и военных руководителей, деятельность которых затрагивала Элладу: Тита Фламинина и Эмилия Павла. Заключительный этап эллинистической истории освещается в биографиях Суллы,

Лукулла, Помпея, Красса, Цезаря. Кроме того, из отдельных биографий, не входящих в серию «Параллельных жизнеописаний», важна биография Арата. Немало отдельных свидетельств и замечаний разбросано по остальным многочисленным сочинениям Плутарха.

Плутарх [1; 30; 644; 595; 324] родился в 40-е годы I в. до н. э. (обычно считается, что около 45 г.), умер в возрасте около 80 лет. Родом из маленького беотийского города Херонея, Плутарх принадлежал к состоятельной и культурной семье, пользовавшейся влиянием и уважением. Он получил прекрасное образование, в юности несколько лет провел в Афинах, где сначала занимался риторикой, а затем учился у философа Аммония. Подобно большинству людей его общественного положения, в молодости Плутарх много путешествовал, извездил почти всю материковую Грецию, посетил Малую Азию и Александрию, неоднократно бывал в Риме и Италии, но родным домом для него всегда оставалось его «беотийское захолустье». Плутарх провел большую часть жизни в Херонее, где создал нечто вроде филиала афинской Академии. Он с гордостью сообщает и о тех общественных обязанностях, которые ему пришлось выполнять в родном городе. Он избирается, в частности, архонтом-эпонимом Херонее, но не чурался и совсем незначительных магистратур (так, ему приходилось следить за чистотой улиц города). Активно участвовал Плутарх и в общественной жизни Беотии в целом, он избирался одним из беотархов. Важными считал Плутарх свои обязанности в Дельфах, где он был одним из пожизненных жрецов. Дельфы в то время переживали последний период своего процветания, чему, видимо, много способствовал Плутарх. Избирался он и агонифетом Пифийских игр и эпимелетом Амфиктионии.

Плутарх получил и афинское и римское гражданство, но всегда оставался чуждым атмосфере «космополитических» столиц. В умонастроениях Плутарха соединялись общеэллинский, беотийский и херонейский патриотизм. Он извездил всю Грецию, изучая памятники ее прошлого, гордился тем, что принадлежит к «чистым беспримесным» эллинам, написал сочинение «О славе Афин». Но он же сочинил трактат «О злоконности Геродота», в котором обрушился на «отца истории» за то, что тот якобы исказил историю Беотии. А в Рим Плутарх ездил не в связи со своими литературными занятиями и не в поисках придворной карьеры, а по поручению своих херонейских сограждан хлопотать по делам родной общины.

Довольно многочисленные общественные обязанности, однако, не отнимали особенно много времени, а устойчивое материальное положение позволяло ему не стремиться ни к «литературному заработку», ни к императорской службе. Он мог посвящать свою жизнь почти исключительно литературным занятиям и интересовавшим его проблемам. Плутарх сам считал себя

последователем Платона, к которому относился с огромным уважением, но, в сущности, был эклектиком, воспринявшим многие идеи Аристотеля и даже стоиков. Плутарх не был оригинальным мыслителем, а его теоретические интересы ограничивались в основном областью практической морали.

Литературная деятельность Плутарха развертывалась в чрезвычайно благоприятной обстановке. Его греческий патриотизм, любованье великим прошлым Эллады не входили ни в какое противоречие со столь же искренней его убежденностью, что Греция отныне может существовать только под эгидой Рима, лишь в составе Римской империи. Во времена Плутарха в политике империи усиливались филэллинские тенденции, достигшие своего апогея при Адриане. Покровительство эллинокой муниципальной аристократии стало одним из важных принципов политики императорского правительства уже со времени Августа, поскольку оно отвечало насущной задаче — расширению социальной базы власти [99, с. 229 сл.]. При Антонинах эта социальная политика дополняется официальной культурной политикой «филэллинства» и «панэллинизма». Согласно античной традиции Плутарх сыграл очень важную роль в этом «эллинском возрождении». В Риме у него были друзья среди самых высокопоставленных представителей администрации, в частности Л. Местрий Флор, друг Веспасиана (благодаря которому он получил римское гражданство), и К. Сосий Сенецион, друг Траяна. С их помощью Плутарх мог способствовать усилению филэллинских тенденций в римской политике. Как отмечается в современной литературе, нет никаких оснований сомневаться в свидетельствах источников о том, что Траян даровал ему звание консуляра [363, с. XVI]. Однако его участие в политической жизни всегда было очень ограниченным. Плутарх оставался в рамках «провинциальной» политики, не интересуясь глобальными вопросами политики Римской империи.

Единство внутренних душевных устремлений Плутарха, одного из ярких представителей муниципальной эллинской аристократии и официальной политики и идеологии имперской власти того времени, служили основой оптимизма, который пронизывает все его творчество. Возрождение эллинства и его культуры, возрастание их роли в рамках Римской империи были жизненной целью Плутарха.

Писатель Плутарх полагал, что он может способствовать этому путем моральной проповеди, но выполненной в художественной форме посредством ярких образов людей, достойных всяческому подражанию. Именно этими идеями вдохновляются «Параллельные жизнеописания». Писатель и не скрывает свою цель. В биографии Эмилия Павла он пишет следующее: «Изучая историю и занимаясь таким сочинением, мы приучаем себя постоянно сохранять в душе память о лучших и достолавнейших людях, а если общение с окружающими по необходимости

принесет нам что-нибудь мерзкое, порочное, низкое — отбрасывать и отталкивать, сосредоточивая радостное и умиротворенное размышление на достойнейших образах» (1). Но не все биографии выдержаны в этом панегирическом ключе. Для контраста Плутарх выводит и отрицательных героев. Таковыми он считает Деметрия Полиоркета и Антония, о чем прямо говорит во введении к биографии первого из них: «Эта книга содержит жизнеописание Деметрия Полиоркета и императора Антония, мужей в наивысшей степени оправдавших мнение Платона, по которому великие натуры порождают не только великие добродетели, но также и великие пороки» (1).

Поэтому Плутарх не стремился дать подлинное жизнеописание своего героя, его задача иная — показать великого человека, обрисовать его характер (этос). Этос же, как отмечает сам Плутарх в биографии Александра Македонского, может ярче проявиться в одной фразе, чем в нескольких выигранных сражениях. Но в этом вопросе он стоит на позициях перипатетической школы, считавшей, что этос человека выявляется в его деятельности [363, с. XXXVIII; 636, т. II, с. 481]. Поэтому его биографии представляют собой более или менее подробное жизнеописание политического деятеля от рождения до смерти с рассказом о важнейших событиях в его жизни. Как справедливо отмечал К. Теандер, Плутарх «стал историком почти против своей воли» [595, с. 78].

Очень важен вопрос об источниках в биографиях Плутарха. Исследование его творчества показывает, что Плутарх широко пользовался предшествующей исторической литературой. В «Параллельных жизнеописаниях» он цитирует не менее 150 историков, в том числе 40 латинских. Плутарх недостаточно хорошо знал латинский язык и даже биографии римских деятелей писал главным образом на основе греческих литературных источников [636, т. II, с. 481]. Проблема источников Плутарха и их использования имеет обширную литературу. Ранее были распространены следующие взгляды: Плутарх редко пользовался первичными источниками. В основе его жизнеописания чаще всего какой-либо посредствующий источник вроде сборника биографий Гермиппа, которые Плутарх несколько переделывал в соответствии со своими целями. Обратной стороной этого утверждения были взгляды, построенные на базе Einquelltheorie, согласно которой Плутарх в написании той или иной биографии использовал только один источник, практически не привлекая других данных [449, с. 65—69]. Обе концепции, принижавшие значение работ Плутарха как исторического источника, в настоящее время имеют мало сторонников. Современные исследования показывают, что Плутарх хорошо знал произведения тех авторов, на которых ссылается [595, с. 42; 363, с. XVIII], хотя не исключено использование и «вторичных» источников. Плутарх, в общем, старался привлекать близких

по времени и наиболее информированных авторов. Так, в частности, для раннеэллинистических биографий одним из важнейших источников был Иероним из Кардии [363, с. XLVII], для жизнеописания Арата — «Воспоминания» самого Арата [636, т. I, с. 301; 482, с. 251]. Биография же Клеомена базировалась в основном на «Истории» Филарха, жившего во второй половине III в. до н. э., т. е. современника описываемых событий [209; 482, с. 213; 636, т. II, с. 450—451].

Точно так же не выдерживают критики концепции, построенные на принципах Einiquelltheorie. Дело заключается не только в том, что Плутарх иногда прямо указывает на многие источники и свои принципы согласования данных, полученных из разных источников. В частности, упомянув «Воспоминания» Арата и сочинение Полибия (в качестве своих источников), он добавляет: «Одинаково рассказывает об этом и Филарх, которому, впрочем, особо доверять не следует — если только сообщения его не подтверждены Полибием, ибо, едва лишь речь заходит о Клеомене и Арате, он из расположения к царю спартанцев увлекается сверх всякой меры и словно не историю пишет, а говорит на суде, одного неизменно обвиняет, а другого столь же неизменно оправдывает» (Arat., XXXVIII).

Более наглядным в этом отношении является само жизнеописание Арата. Зависимость от его «Воспоминаний» достаточно отчетливо ощущается на протяжении большей части произведения. Однако, когда Плутарх переходит к описанию тайных переговоров о передаче Македонии Акрокоринфа, последствий этого акта для Эллады и всеобщего недовольства этим, явно прослеживается уже другой источник, резко враждебный Арату.

Важно, что в основе той или иной биографии у Плутарха всегда есть главный источник, зависимость историка от которого совершенно очевидна. Особенно разительно выявляется эта зависимость при сравнении биографии Клеомена и Арата. В основе биографии Клеомена лежало произведение Филарха, положительно оценивавшего деятельность спартанского царя, большая же часть биографии Арата основана на его собственных «Воспоминаниях». В реальной исторической ситуации Арат и Клеомен были злейшими противниками. Как же отразилось это в творчестве Плутарха? Историк не стремился согласовать две различные версии в жизнеописаниях Клеомена и Арата, сильно противоречащие друг другу [482, с. 251; 636, т. I, с. 338, 339, 344]: деятельность Арата в биографии описывается в положительном свете, а Клеомен предстает в целом как отрицательная личность. В жизнеописании же Клеомена все наоборот.

Чтобы заставить читателя воспринять ту моральную проповедь, которую Плутарх вкладывал в свои произведения, нужно было, чтобы они были написаны ярко и образно. Отсюда обилие в биографиях драматических подробностей, живописующих пе-

рипетии жизни героя, причем иногда эта драматическая заостренность и живописные подробности затемняют и даже искажают подлинную картину происшедших событий. Показателем, к примеру, рассказ Плутарха (в биографии Деметрия Полиоркета), очень живописный, с массой интригующих подробностей, о принятии Антигоном Одноглазым (а вслед за ними остальными диадохами) царского титула (Plut. Demetr., XVII—XVIII). Из него следует, что этот ответственный шаг был предпринят почти исключительно благодаря действиям одного из придворных льстецов. Несомненно, более точным является сообщение Аппиана (Sug., 54), который рассказывает об этом же событии, сухо подчеркивая, что Антигона царем провозгласило войско после победоносного сражения у Саламина. В этом акте можно видеть две стороны: 1) сохранение в период диадохов старых македонских традиций важной роли собраний армии в утверждении царя; 2) рождение новой эллинистической монархической идеологии, согласно которой царь — это, прежде всего, вождь победоносной армии [303, с. 66—67; 263, с. 303—310].

Ошибочны и описания Плутархом последствий этого акта: «Тогда Египет поднес царский титул Птолемею — чтобы никто не подумал, будто побежденные лишились мужества и впали в отчаяние, а дух соперничества заставил последовать этому примеру и остальных преемников Александра. Стал носить диадему Лисимах, надевал ее теперь при встречах с греками Селевк, который, ведя дело с варварами, и прежде именовал себя царским титулом. И лишь Кассандр, хотя все прочие и в письмах и в беседах величали его царем, сам писал свои письма точно так же, как и прежде» (Demetr., XVIII). В этом рассказе несколько неточностей. Прежде всего, Плутарх ради эффектного вывода пренебрегает хронологической точностью. Птолемей принял царский титул более чем год спустя, и (что чрезвычайно важно) не после поражения при Саламине, а после победы при Родосе, как этого требовала рождающаяся тогда новая монархическая идеология. Об этой связи прямо свидетельствует «Паросская хроника» [636, т. I, с. 65]. Во-вторых, Плутарх не прав и в отношении Кассандра, который по свидетельству эпиграфических документов тоже стал именоваться царем [303, с. 67]. Наконец, в сообщении Плутарха совершенно смазаны нюансы в политике различных диадохов. У Антигона Одноглазого провозглашение его царем порождено надеждами на завоевание всех территорий, входивших ранее в состав державы Александра Македонского, было выражением его претензий на роль его преемника. У всех остальных диадохов этот акт выражал идею их полного суверенитета над теми территориями, которыми они уже в данный момент владели, и тем самым был признанием факта, что идея «универсальной» монархии Александра уже умерла.

Точно так же неудовлетворительна нарисованная Плутархом картина событий, приведших к утрате Деметрием власти над Македонией. Стремление рассказать об этом красочно и драматически заставляет Плутарха упрощать картину: Плутарх ярко живописует рейд Пирра на территорию Македонии, забывая при этом сообщить, что главное не этот рейд, а постоянные военные столкновения на эпирско-македонской границе; Плутарх говорит о создании Деметрием в тот момент огромных сил для внешних завоеваний, забывая, что Деметрий всегда имел значительные вооруженные силы, а Македонию рассматривал как базу для воссоздания империи своего отца; наконец, Плутарх ничего не сообщает о сложной дипломатической игре Птолемея, стремившегося втянуть Лисимаха и Пирра в борьбу против Деметрия [303, с. 106—107]. Таким образом, для достижения большего драматического эффекта и большей красочности событий Плутарх опускает сложные и, видимо, уже мало-понятные читателю его времени детали дипломатической борьбы; тем самым происходит как бы «стягивание» и «укрупнение» событий, сведение их в более монументальные блоки.

Современные исследователи часто указывают, что анализ Плутархом причин и следствий тех или иных событий часто поверхностен. За причины он принимает нередко самые незначительные, случайные события [363, с. XLVIII].

Но с другой стороны, есть одна область исторической действительности, где Плутарх предстает как точный и даже глубокий исследователь: его сочинения являются важнейшим источником для выявления социальных основ той борьбы, которая развертывалась в Греции эллинистического времени. Иногда удивляет глубина его анализа. Так, описывая переход Ахейского союза на сторону Македонии и резко критикуя Арата за этот шаг, Плутарх объясняет причины его: «В страхе перед ячменной лепешкой, потертым плащом, а самое главное, перед уничтожением богатства и облегчением мук бедности (это было основное, в чем обвинял Клеомена Арат) подчинил ахейцев и самого себя диадеме, багряннице, и приказам македонских сатрапов» (Plut. Cleom., XXXVII—XVI).

Точны сведения Плутарха о внутреннем социальном положении в Спарте накануне реформ Агиса (да и о самих реформах Агиса и Клеомена) [303, с. 158—161; 482, с. 212—213; 338, с. 246—249], о концентрации земельной собственности, задолженности, резком уменьшении числа полноправных граждан. Эти наблюдения чрезвычайно важны. Благодаря им мы можем представить истинные причины социальной борьбы, развертывавшейся в Спарте и в целом в Пелопоннесе. Особенно важно, что ситуация, обрисованная Плутархом, в значительной мере расходится с сообщениями Полибия, нашего основного источника по истории эллинистической Греции, и не только в частности, но и в общей оценке всех событий. Для Полибия, напри-

мер, Клеомен — прежде всего, тиран, а Антигон «освобождает» Грецию. Причины расхождений, видимо, не только в разных источниках наших историков, но и в «дистанции времени». И Полибий, и Плутарх, в общем, принадлежали к одному и тому же социальному слою, оба были убеждены в необходимости римского господства в Греции, но социальную борьбу в Спарте оценивали по-разному — вероятно, потому, что для Полибия все эти события были делом недавнего прошлого и теснейшим образом связаны с существующими во времена Полибия социальными и политическими отношениями. Для Плутарха, живущего в условиях «римского мира», они были просто одним из воспоминаний о славном прошлом Эллады, и поэтому его отношение к ним более нейтрально, более объективно, лишено личной заинтересованности.

В «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского [306] история эллинистической эпохи представлена в XVIII—XL книгах. Однако начиная с XXI книги — это не более чем скудные отрывки, сохранившиеся благодаря «Библиотеке» Фотия, *Excerpta Constantiniانا* (выдержки из различных авторов, сделанные по приказу византийского императора Константина Порфирогенита), цитатам в поздних сочинениях (главным образом лексикографов и хронографов) или благодаря рукописи, опубликованной в XVII в., но позднее утерянной (*Eclogae Hoescheliana*). В общем, целостное изложение дают только XVIII—XX книги.

Диодор не был крупным историком, ценность его сообщений зависела от тех источников, на которые он опирался. Для рассматриваемой эпохи, как показали недавние исследования, Диодор использует очень серьезные источники: Иеронима из Кардии, Дуриса Самосского, Тимея из Тавромения (хотя этого автора, возможно, не прямо, а через посредство Агафархида Книдского) [582, с. 370 сл.; 485, с. 216 сл.; 636, т. II, с. 472—473]. Что касается фрагментов последующих книг, то здесь проблема источников является практически неразрешимой, хотя, видимо, нельзя сомневаться в использовании Полибия и Посидония [567, кол. 689 сл.]. В книгах XVIII—XX основным источником для Диодора служит Иероним (за исключением описания событий в Сицилии). Это отражается в общей трактовке основных действующих лиц развертывающихся событий. Хотя Антигон описывается с симпатией, но настоящими героями выступают Евмен и Деметрий. В описании неудачной кампании Пердикки против Египта появляется еще один источник, благожелательный по отношению к Птолемею. Путаное изложение этого похода, по-видимому есть результат не очень тщательного соединения версий двух различных источников. Сицилийские события (с этим согласны практически все исследователи) Диодор излагает, опираясь главным образом на «Историю Агафокла» Дуриса Самосского: сходное описание

некоторых событий и общая благожелательная оценка деятельности Агафокла, характерная для труда Дуриса. И напротив, негативная оценка Агафокла — вероятнее всего результат влияния труда Тимея. Относительно источника Диодора в описании римских событий уверенно сказать ничего нельзя, хотя существует предположение, что использовался один из ранних римских анналистов, возможно Фабий Пиктор.

Важность сведений, сообщаемых Диодором о раннеэллинистической эпохе, определяется еще тем, что иногда в повествовании, помимо чисто политических аспектов истории, появляются и экономические. К примеру, рассказывая о событиях, предшествующих осаде Родоса Деметрием Полиоркетом, Диодор дает краткое, но яркое описание процветания острова и экономических основ его политики (стремление к нейтралитету, при большей расположенности к союзу с Египтом) [303, с. 62—64]. Диодору свойствен и определенный интерес к социальной проблематике. В частности, он отмечает (XXXI, 40а; XXXII, 9а—в; 15), что Андриск осуществлял проскрипции богатых македонян. Благодаря этому свидетельству (в сочетании с некоторыми другими, в частности эпиграфическими) становится ясно, что движение Андриска было не только «национальным» восстанием, борьбой за восстановление независимости Македонии от Рима, но и проявлением социальных антагонизмов. Понятным становятся и причины сопротивления, которое первоначально было оказано Андриску в Македонии, и последующей массовой поддержки его населением. Это сообщение Диодора особенно показательное в сравнении с освещением этих событий у Полибия, который не может понять, как могли македоняне подняться против Рима [494, с. 336 сл.; 636, т. II, с. 328].

Определенные сложности вызывает хронология Диодора. Он пытается совместить в единую систему датировку по олимпиадам и их годам, по архонтам-эпонимам Афин и по римским консулам, т. е. хронологические определения, которые он встречает в своих источниках. Однако это совмещение не всегда удачно. Нередко Диодор помещает под одним годом те события, которые длились несколько лет. Кроме того, начала годов по олимпиадам, архонствам и консульствам не совпадают между собой, в силу чего события, происшедшие в один год, иногда относятся к разным годам [583, с. 283 сл.].

Аппиан [212; 155]. Истории эллинистической Греции и Македонии Аппиан касается в книгах: IX («Македонская и Иллирийская»), X («Греческая и Ионийская»), XI («Сирийская»), («Митридатова»). Наиболее важны книги IX и X, однако последняя утрачена почти полностью, а IX книга сохранилась только во фрагментах. В литературе уже отмечалось, что ценность труда Аппиана — в строго фактическом изложении событий, трезвости и рациональности его суждений. Вопрос об

источниках Аппиана чрезвычайно сложен, особенно по отношению к IX книге, описывающей историю Македонии и Иллирии и завоевание этих стран Римом, поскольку приходится оперировать только фрагментами. Сложность усугубляется тем, что труд Полибия, который явно был одним из основных источников Аппиана, сохранился (для этого периода) также только отрывочно. Некоторые противоречия с Полибием указывают на использование других источников; помимо полибиевой традиции, имеются свидетельства использования еще по меньшей мере двух источников: римской анналистики (однако не известно — кого именно) и какого-то греческого автора императорской эпохи [636, т. II, с. 470]. Аппиан часто ошибался при согласовании различных версий.

Свидетельства Аппиана иногда очень ценны, так как более точно отражают события. Пример тому — описание Аппианом переговоров о мире между македонским царем Филиппом V и Римом в 197/196 г. до н. э. (App. Mak., 9,1 — 3). Как показали современные исследования, версия Аппиана здесь более точна, чем версия Полибия, Тита Ливия и Юстиниана [636, т. II, с. 470]. Иногда, однако, мы встречаем в труде Аппиана и явные искажения, например в рассказе о заключении договора между Филиппом V и Ганнибалом в 215 г. до н. э. (App. Mak., 1). Аппиан (как и Тит Ливий) преувеличивает значение этого договора и опасность для Рима вследствие заключения союза между двумя его врагами. Исследования показали, что Полибий сообщает версию, аутентичную тексту договора (об этом, в частности, говорят и наблюдения над языком — наличие определенных «пунизмов», следов перевода его с финикийского на греческий) [288; 246]. Бесспорно, что в изложении Аппиана здесь проявляется «римская версия» событий с ее стремлением усугубить трудности положения Рима и агрессивность его врагов. Иногда ошибки у Аппиана проистекают из-за неправильной датировки событий. Рассказывая о ходе 2-й Македонской войны, Аппиан (App. Mak., 4,2) сообщает о прибытии в Рим осенью 201 г. до н. э. посольств с Родоса, из Пергамского царства и Афин с просьбой о помощи против Филиппа V. В действительности же афинское посольство побывало в Риме позднее и без всякой связи с родосцами и пергамцами [636, т. II, с. 111]. В ряде случаев невозможно выяснить источники Аппиана не позволяя понять очень важные проблемы истории. Например, в описании причин и начала 1-й Иллирийской войны Аппиан развивает версию, весьма отличную от версии Полибия. Проблема источников Аппиана здесь остается нерешенной несмотря на ряд выдвинутых исследователями гипотез. Из-за этого до сих пор неясны цели римской политики на западном побережье Адриатики в то время [278, с. 22—23].

Можно полагать, что, в общем, сочинения Аппиана представляют собой ценный источник по истории Греции и Македо-

нии эллинистической эпохи, однако его сообщения требуют постоянной проверки и сопоставления с другими версиями событий. Необходимо учитывать и проримские настроения Аппиана.

Сочинение Помпея Трога (в сокращении Юстина) представляет собой единственный общий очерк истории эллинистической Греции и Македонии. По некоторым важным историческим событиям Помпей Трог — единственный источник. Только у него, например, мы находим сообщения о вторжении в Македонию царя Эпира Александра II, его победе над Антигоном Гонатом и поражении от Деметрия II (XXXVI, 2, 9—12). Иногда новые эпиграфические документы доказывают точность Помпея Трога в описании тех событий, которые вызывали сильные сомнения у историков: в частности, его рассказ (XXVIII, 1, 1—4; 3, 1—9) о браке Александра II с Олимпиадой, о преждевременной смерти царя, регентстве Олимпиады и браке между Деметрием и дочерью Олимпиады Фтией [278, с. 20]. Во многих случаях, когда одни и те же события по-разному передаются в различных источниках, очень часто версии Помпея Трога оказываются более точными [365, с. 592].

Вместе с тем не следует и преувеличивать ценность труда Помпея Трога. Основные недостатки его порождены общим взглядом автора на историю: особое внимание он уделяет внезапным поворотам в ходе развития политических и военных событий, актам жестокой борьбы внутри правящих династий и т. п. Помпей Трог не только лишает об этом слишком много (часто в ущерб изложению более важных событий); события рассматриваются им сквозь призму «морализаторства»: реальные причины заменяются внезапным поворотом судьбы, наказывающей человека и т. д. Примером подобного подхода к изложению исторических событий служит его повествование о последнем походе Пирра (XXV, 3—5). Само предприятие эпирского царя у него выглядит как авантюра, заранее обреченная на неудачу, победы и поражения в ходе военных действий объясняются поворотом судьбы, которая наказывает Пирра, «вознесенного на такую вершину власти», которую «ему было предназначено достичь по предначертанию судьбы», но который этим не довольствуется. В рассказе о защите Спарты упор делается на романтические подробности, такие, как большее мужество женщин, чем мужчин и т. д. [303, с. 109].

Описание борьбы между двумя сыновьями македонского царя Филиппа V Персеем и Деметрием дается у Помпея Трога как борьба добра и зла. Черня Персея и доброжелательно рисуя Деметрия, Помпей Трог совершенно упускает из виду реальную политическую борьбу при македонском дворе. В частности, он не упоминает о том, что Деметрий был проримским претендентом на престол, проводником римской политики. Не замечает он и сложной политической игры Филиппа V.

Вопрос об источниках Помпея Трога чрезвычайно сложен. Сейчас отброшена старая гипотеза, согласно которой труд Помпея Трога — лишь сокращенное изложение сочинения Тимагена Александрийского. Не подлежит сомнению использование для описания истории диadoхов работы Иеронима из Кардии. Источники для более поздних периодов — объект острых дискуссий.

Тит Ливий. История Греции и Македонии эллинистической эпохи рассматривается Ливием в XXI—XLI книгах его произведения «Римская история». Основным источником для описания взаимоотношений Рима с миром эллинистических государств у Тита Ливия является Полибий. Сравнение труда Тита Ливия и сохранившихся фрагментов Полибия показывает, что римский автор при всей верности концепции и рассказу своего греческого предшественника несколько модифицирует изложение: он убирает описание некоторых событий, рисующих римлян в неприглядном свете, и, наоборот, добавляет благоприятные для Рима факты, которые он черпает из римской анналистики. Хотя эти изменения «полибиевой основы» диктуются отнюдь не научными соображениями или поисками истины, современные исследователи уже не склонны отбрасывать все факты, сообщаемые Титом Ливием и отсутствующие у Полибия как апологетическое изобретение римской анналистики [617; 636, с. 491—493]. Но даже в тех случаях, когда Полибий и Ливий представляют одну версию событий, нельзя автоматически считать, что она правильно отражает исторические события. Выше мы уже отмечали, что трактовка договора между Филиппом V и Ганнибалом, как она отражена у Полибия и Тита Ливия, содержит многие неточности.

В целом Тит Ливий представляет собой очень ценный источник для изучения истории эллинистического мира, однако нельзя забывать, что стремление показать Рим в благоприятном свете иногда приводит автора к искажению исторических событий.

§ 6. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ И ДРУГАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Общественно-политическая литература. Эллинистическая эпоха привела к крупным изменениям в общественном сознании. Одним из признаков было появление новых философских систем, из которых особое значение имели стоицизм и эпикурейство. Одновременно происходили большие изменения и в традиционных школах — Академии и Перипатосе. Для них характерен постепенный отход от общественно-политической пробле-

матики. Если ранее в трудах Платона и Аристотеля огромное место занимали вопросы, связанные с природой человека, его местом в обществе, исследовались существующие политические системы, разрабатывались проекты наилучшего государственного устройства, то теперь в школах их учеников и преемников эта проблематика постепенно исчезает. Старые философские школы в своем истолковании общественно-политических отношений целиком исходили из исторической реальности классической Греции, где основной формой организации общества была гражданская община — полис. В условиях упадка полиса и господства эллинистических монархий школы Платона и Аристотеля не смогли найти адекватных форм отражения исторической реальности и в результате постепенно отходят от общественно-политической проблематики. Сами эти изменения являются показателем структурной перестройки общества.

Роль выразителей новых общественных настроений взяли на себя две возникшие в эллинистическую эпоху философские школы: *стоическая* и *эпикурейская*. Самыми ценными для историка являются этические учения этих школ, ибо в них ярче всего (хотя и в очень абстрактной форме) отражаются общественные отношения.

Поиски места человека в изменившемся мире, оправдание его бытия и проблема его цели занимают основное место в трудах стоиков. Стоики выработали новый общественный идеал — идеал мудреца, в сущности прямо противоположный общественному идеалу классической Греции — идеалу активного гражданина полиса, ибо мудрец — бесстрастен, его интересы сосредоточены в нем самом, в усовершенствовании его души. Этика стоиков была, таким образом, глубоко индивидуалистична и тем самым прямо противоположна коллективистской полисной этике классической эпохи.

По Эпикуру, цель жизни — достигнуть счастья, счастье же наступает тогда, когда человек приходит в состояние атараксии (безмятежности), т. е. в состоянии свободы от страха перед грозными стихиями и смертью. Одним из путей достижения этого состояния является уклонение от политики. Общественный идеал Эпикура — это идеал человека, живущего в чуждом, враждебном мире. В исследованиях последних лет проводится мысль о том, что эпикурейство — это философское учение, отражающее общественные настроения мелких собственников эллинистической эпохи [468].

Философские произведения того времени могут служить источником для понимания общественных настроений эпохи и через них общественных отношений. Особенно важно то, как философия решает проблему места человека в обществе. Идеалом человека теперь становится мудрец, не участвующий в общественной жизни. Этот идеал прямо противоположен идеалу

классической эпохи с его упором на активную деятельность в рамках общества. Такое изменение естественно. В условиях полиса гражданин чувствовал себя соучастником политической жизни, принимавшим участие в обсуждении и решении важнейших дел полиса, и тем самым, в известной мере, создателем своей судьбы. В условиях эллинистического мира, среди постоянных конфликтов, где решения, задевавшие судьбы сотен тысяч людей, принимались за тысячи километров, во дворцах эллинистических правителей, а логика этих решений часто была непонятна тем людям, которые вовлекались в события, человек чувствовал себя песчинкой, влекомой неведомыми силами. Естественной реакцией на это было появление таких философских учений, которые делали упор на внутреннюю жизнь человека, на его духовную независимость от внешних сил, что мы и видим в этике стоиков и эпикурейцев. Это один из примеров того, насколько философская литература может служить историческим источником. Возможны и иные подходы. В частности, можно проанализировать учение стоиков о мире как полисе также с точки зрения отражения в нем общественных отношений. Философские произведения в целом обладают большой ценностью как исторические источники. Однако в них напрасно было бы искать прямое, непосредственное отражение конкретных исторических событий. Они отражают лишь общие тенденции общественного сознания, которые, в свою очередь, служат зеркалом общественных отношений. Вместе с тем не следует забывать, что это отражение не механическое, а прошедшее через сознание людей, и поэтому здесь возможны также и поиски настроений конкретных социальных групп с их особыми интересами и особым положением в обществе.

К сожалению, философская литература эпохи эллинизма дошла до нас почти исключительно в виде фрагментов [213; 113, с. 519—662], изложений мнений в трудах более поздних философов, в критических рассуждениях их противников и т. д. Поэтому исследование философской традиции эллинистической эпохи затруднено. Важную роль для понимания философии эллинизма играют сборники жизнеописаний философов, изложения их мнений. Наибольшее значение среди литературы этого типа имеет произведение *Диогена Лаэртского* (III в. н. э.) [49].

Особое место среди источников, освещающих духовную жизнь эллинистического мира, занимают утопические произведения. Правда, не сохранилось ни одного сочинения этого типа. Две наиболее известные утопии эллинистической эпохи дошли до нас благодаря пересказу Диодора: изложение сочинения *Евгемера* о счастливом острове Панхайа (V, 41—56) и сочинения *Ямбула* о его жизни на Солнечном острове (II, 55—60). Конечно, сокращенный пересказ Диодора дает лишь самое общее представление об этих произведениях, но тем не менее и в

такой крайне сокращенной форме они являются важными свидетельствами эпохи, представляя собой своеобразное «негативное» отражение действительности, указывая на самые «болевые точки» эпохи и отражая представления о справедливом устройстве общества [179; 321; 323].

Совершенно не дошла до нас историко-культурная литература эллинизма. Видимо, наиболее ярким образцом произведений такого рода было сочинение перипатетика *Дикеарха* (IV—III в. до н. э.) «Жизнь Эллады», в котором содержалось описание различных городов Греции, указывалось на природные условия их, систему градостроительства, основные художественные памятники. Немногие сохранившиеся фрагменты этого произведения показывают, сколь важным источником мы лишились.

Раннеэллинистическая эпоха дала еще одно произведение общественно-политической направленности, важное для понимания общественных настроений. Это «Характеры» *Феофраста* [184; 185]. Хотя описанные в этом произведении человеческие типы определяются как литературные маски, нам представляется, что в духе перипатетической страсти к классификации Феофраст создал галерею действительно существовавших человеческих типов. Начало этого рода наблюдений встречается уже у Аристотеля, который в «Политике» и в «Никомаховой этике» делал выводы о различных формах поведения людей в зависимости от их социального статуса, образа жизни и источников благосостояния. Развитием (и одновременно некоторым упрощением) этих идей являются «Характеры» Феофраста. Это произведение можно считать одним из первых опытов социально-психологической характеристики различных типов гражданства греческого полиса. Специфическим явлением эллинистического мира было рождение новых крупных государств с монархической формой правления. Монархия и раньше была известна греческому миру. Однако принципиально новым является установление прямой зависимости от власти царей значительной части греческого мира. Этим объясняется пристальное внимание греческих теоретиков к проблемам царской власти, монархической формы правления. Уже Аристотель в конце жизни написал особое сочинение — «О царской власти». По названиям нам известно большое число такого рода произведений философов различных школ, однако до нас они не дошли. Единственным исключением являются небольшие трактаты пифагорийцев конца эллинистической эпохи, частично сохранившиеся у позднего автора *Стобея* [302].

Экономические сочинения. От эллинистической эпохи до нас дошло два произведения, специально посвященных экономике. Одно из них сохранилось среди сочинений Аристотеля. Однако сейчас никто не сомневается в том, что оно не принадлежит Стагириту. Его обычно определяют как «Экономика» псевдо-

Аристотеля [58; 9]. Это произведение состоит из трех книг, причем третья известна только в поздних латинских переводах. Вероятно, авторами всех трех книг являются различные лица. *Филодем* (I в. до н. э.) считал автором первой книги *Феофраста* — ученика Аристотеля и его преемника по руководству школой.

Эта книга имеет большую ценность, представляя собой изложение (основанное в значительной мере на идеях Аристотеля) теоретических представлений о хозяйстве отдельно взятого ойкоса и полиса. Здесь, пожалуй, в наиболее концентрированном виде изложены основы античных воззрений на экономику. К сожалению, в советской науке это сочинение еще почти не исследовалось.

Вторая книга — это сборник примеров о различных финансовых затруднениях, которые испытывали полисы и отдельные лица, а также о способах их преодоления. Ряд эпизодов книги относится к раннеэллинистическому времени.

Третья книга посвящена обязанностям мужа и жены (главным образом в ведении хозяйства).

К I в. до н. э. относится произведение философа-эпикурейца *Филодема* «Об экономике» [186]. Сочинение *Филодема* сохранилось только в геркуланских папирусах, поэтому и в нем много лакун (не считая того, что оно сохранилось только на 1/4), очень много неясных мест и т. д. Тратат представляет значительную ценность как источник для понимания экономических воззрений эпикурейской школы.

Географическая литература. Эллинистическая эпоха была временем расширения географического кругозора, временем подъема географической мысли, когда творили выдающиеся ученые-географы, в частности *Эратосфен* [51]. Однако от трудов самого *Эратосфена* и многих других географов эллинистической эпохи до нас дошли лишь отдельные фрагменты. Важнейшим сохранившимся географическим сочинением, которое может служить источником для изучения эллинистической Греции и Македонии, является «География» *Страбона* [170; 12; 50; 160; 217; 171], жившего в эпоху *Августа*. *Страбон* писал свой труд, руководствуясь практическими соображениями. Это не теоретическая география, а рассчитанное на римских администраторов практическое описание различных стран, с акцентом на рассказы о местоположении, климате, природных ресурсах, особенностях хозяйственной жизни, политическом устройстве, достопримечательностях, с некоторыми элементами истории (как политической, так и художественной). Значение труда *Страбона* определяется прежде всего большим числом источников, использованных им (при этом он часто называет их), нередко он ссылается на собственные наблюдения.

Однако для изучения эллинистической эпохи на территории собственно Греции и Македонии *Страбон* дает меньше мате-

риала, чем для других областей Средиземноморья. Это объясняется несколькими причинами. Во-первых, он мало бывал в Элладе, высказывалось даже предположение, что кроме Коринфа он не посетил ни одного крупного города Балканской Греции. Во-вторых, Греция для него — это, прежде всего, арена деятельности героев древности, в первую очередь гомеровских. Бесконечно преклоняясь перед Гомером, Страбон посвящает много внимания именно географии гомеровской эпохи, и вообще географии древнейших периодов в ущерб крупнейшим греческим городам. Современные исследователи считают произведение Страбона исторической географией, но в «греческих книгах» автор сообщает очень мало сведений об истории эллинистического периода или лишь сведения, почерпнутые у Полибия и Посидония.

Естественнонаучная литература. Обширная естественнонаучная литература эпохи эллинизма дошла до нашего времени, в сущности, в виде мелких отрывков. Наиболее активно естественнонаучные исследования велись в школе перипатетиков (в начале эллинистического времени). И не случайно, что важнейшие сохранившиеся произведения этого типа принадлежат преемнику Аристотеля по руководству школой — Теофрасту. Очень важна, в частности, его работа «О растениях» [183]. Это не только свод ботанических знаний раннеэллинистической эпохи; в ней сообщаются интересные сведения, позволяющие представить характер и уровень сельского хозяйства Греции той эпохи. Не менее интересно другое сочинение Теофраста — «О камнях» [596]; здесь обобщаются минералогические знания греков времени раннего эллинизма, приводится масса сведений относительно горного дела, способов извлечения и применения различных минералов в технике и искусстве [93]. Техника горного дела описывалась и в сочинении географа *Агафархида* (конец III — начало II в. до н. э.). В «Исторической библиотеке» Диодора (III, 12—14) сохранился его рассказ о золотых рудниках в Нубии с подробностями технического порядка и касающихся организаций работ [200, с. 18—21]. Свидетельства авторов эллинистической эпохи *Мосхиона* (Athen., 206d—209b) и *Калликсена* (Athen., 203e—204d) о кораблестроении дошли до нас в передаче *Афиния* [200, с. 340—343]. Для представления об уровне развития научных знаний того времени важны сочинения *Архимеда* [13], *Евклида* [56].

Трактаты по архитектуре и градостроительству. К сожалению, практически полностью утрачена обширная литература эллинистической эпохи, посвященная проблемам архитектуры и градостроительства. Известно, например, что *Филон* (один из строителей пирейского арсенала, автор проекта и руководитель работ по перестройке Телестернона в Элевсине, современник Деметрия Фалерского) написал книгу «О соразмерности священных храмов». *Гермоген из Алабанды* (II в. до н. э.) описал

в специальном сочинении свои постройки. Имелись также сочинения, в которых рассматривались вопросы практического строительства. Это — «Свод механики» *Филона Византийского*, жившего, видимо, при первых Птолемах. Из его произведения сохранились только книга IV «О построении метательных машин», имеющая большое значение для суждения о военном деле эпохи эллинизма, и книга V «Пневматика» (в арабском переводе) — руководство по строительной механике. Книги VII «Военное снаряжение» и VIII «О фортификации и осаде городов» известны только по извлечениям.

В последнее время была сделана попытка (кажущаяся очень обоснованной) выявить характер греческих (в первую очередь эллинистических) концепций архитектуры и градостроительства [122]. Сущность этой идеи заключается в том, что произведение *Витрувия* «Об архитектуре» [36] представляет собой обобщение представлений греческих авторов, являясь своего рода «компендиумом» достижений эллинистической архитектуры и градостроительства.

Павсаний. Среди авторов римской эпохи, дающих значительный материал для изучения истории Греции эллинистической эпохи, важное место принадлежит Павсанию [30, с. 293—296], автору «Описания Эллады» [138]. Биография его практически неизвестна. Полагают, что он жил в эпоху Антонинов. Современные исследователи пытались отождествить автора «Описания Эллады» и с известным софистом Павсанием, и другим Павсанием — автором истории Антиохии Сирийской. Однако вряд ли это можно принимать всерьез.

За Павсанием укрепилась слава «Бедекера древности», что в известной мере справедливо, ибо его интересуют и он описывает памятники прошлого Греции: храмы, картины, статуи, надписи, приношения в святилища, руины старых построек и т. д. Именно этим объясняется и то обстоятельство, что Павсаний дал описание отнюдь не всего греческого мира, а только наиболее богатых памятниками истории и культуры областей Греции. «Описание Эллады» состоит из 10 книг: книга I — «Атика», II — «Коринфия» (а также Аргос, Микены, Тиринф, Эпидавр), III — «Лакония», IV — «Мессения», V—VI — «Элида», VII — «Ахайя», VIII — «Аркадия», IX — «Беотия», X — «Фокида».

В центре внимания Павсания именно древние памятники. Было сделано наблюдение, что наиболее подробно (даже в мелочах) он описывает памятники, принадлежавшие эпохе ранее 150 г. до н. э., и систематически пропускает более поздние [30, с. 294]. Объясняют эту особенность двойко: 1) его интересы действительно лежат главным образом в древности; 2) особенности метода работы Павсания: хотя он посетил все места, о которых пишет и делал заметки о памятниках «на месте», но свою работу он писал уже после завершения путешествия и в

основу ее были положены труды предшественников. Традиции перигесы в то время (время любования прошлым Эллады) были чрезвычайно сильны, и литературных источников, очень разнообразных, у него было достаточно. Это и авторы III—II вв. до н. э., составлявшие практические описания Эллады, такие, как *Дикеарх* или *Гераклид Коитский* и путешественники более позднего, римского, времени, когда Эллада стала огромным музеем. Кроме того, Павсаний активно использовал и местную (как правило, не дошедшую до нас) историческую традицию. В частности, для «Мессении» он пользовался *Мироном Приенским*, написавшим историю Мессенских войн, и *Рианом*. Возможно, для «Лаконии» он использовал *Сосибия*.

Наиболее ценно произведение Павсания для археологов, историков искусства, вообще для историков греческой культуры. В его произведении детально описываются тысячи памятников, в большинстве утраченных, сообщаются сотни местных преданий и мифов, о которых мы узнаем только из этого сочинения. Точность сведений Павсания неоднократно была засвидетельствована археологическими раскопками, в частности раскопками афинской агоры.

Вместе с тем труд Павсания важен и как источник по истории Греции (в частности, истории Греции эллинистической эпохи). В своем «Описании Эллады» он не только описывает памятники, но и часто сообщает исторические обстоятельства появления их, дает биографии тех политических деятелей, о скульптурных или живописных изображениях которых он рассказывает. Естественно, что его «исторические справки», как правило, получены «из вторых рук», почти никогда не являются результатом самостоятельных исследований и поэтому обычно достаточно кратки, часто обрывочны, иногда не очень хорошо согласованы. Тем не менее пренебрегать этим источником нельзя, особенно учитывая скудость сведений других источников о Греции эллинистической эпохи. Не лишен Павсаний и определенного критического чутья. В этом отношении характерно его замечание относительно историка Иеронима из Кардии: «Ведь человеку, жившему при царе, поневоле приходится писать все в угоду ему».

Метод изложения у Павсания интересно проследить на примере Пирра. Начав с описания статуи Пирра, стоящей в Афинах (I, II, 1), Павсаний рассказывает о его роде, а затем и деяниях самого эпирского царя, в частности о войнах Пирра с Кассандром, с Антигоном, Лисимахом, римлянами и т. д. При этом для некоторых эпизодов он указывает и источники. Иногда исторические события освещаются в другой перспективе. Так, например, свой рассказ о памятниках Спарты Павсаний предваряет кратким очерком истории ее царей, в том числе и эллинистической эпохи. В этом рассказе особое место принадлежит Хремонидовой войне.

Такие сообщения, часто весьма ценные, встречаются в различных частях книги Павсания. Ценность их определяется характером источников, использованных автором. Вместе с тем объяснения исторических событий у Павсания часто весьма наивны. Например, позицию фиванцев в период войны между Римом и царем Понта Митридатом VI он объясняет следующим образом: «Когда Митридат поднялся против римлян, то фиване, как мне кажется, исключительно только из расположения к афинскому народу примкнули к этой войне» (X, VII, 4).

§ 7. ЭЛЛИНИСТИЧЕСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Особым видом источников для изучения эллинистического общества является художественная литература. Конечно, в литературе эллинистической эпохи мы не найдем прямых указаний на конкретные политические события, их оценки, не выражена позиция автора по самым животрепещущим внутри- или внешнеполитическим событиям, как, например, в комедиях Аристофана. Тем не менее художественная литература является чрезвычайно важным источником для понимания общественных настроений того времени.

Особое место здесь принадлежит новой аттической комедии и особенно самому прославленному из ее авторов — *Менандру* [121; 204; 205; 137; 177]. Новые папирологические открытия 50—60-х годов нашего века позволяют более или менее полно представить характер творчества афинского комедиографа раннеэллинистической эпохи. Важнейшей особенностью новой аттической комедии (в частности, комедий Менандра), в отличие от более ранних, является обращение ее к быту. Герои комедии — рядовые афинские жители, а не политические деятели и проблемы, волнующие их, — это чисто личные проблемы. Уже одно это указывает на изменение общественных настроений в Афинах, на постепенный упадок гражданского чувства. Интерес к индивидуальному миру рядового человека — результат того, что мир политики становится чуждым основной массе населения.

Хотя в комедиях Менандра основную роль играют традиционные герои — гетеры, воины, богатые молодые люди, угрюмые старики, рабы, паразиты, сюжеты комедий — стереотипны, развязки — благополучны, все же через весь этот общепринятый набор пробивается жизненная достоверность. В его комедиях масса мелких деталей, красочно и правдиво отображающих афинский быт конца IV—III вв. до н. э.

Внимание к быту и бытовым подробностям, обыденной жизни заурядных людей характерно и для «Мимиаμβов» *Герода* (автора III в. до н. э.).

ГЛАВА IV. ГОСУДАРСТВО СЕЛЕВКИДОВ И ПЕРГАМСКОЕ ЦАРСТВО

ЦАРСТВО СЕЛЕВКИДОВ

Одно из крупнейших государств эллинистического мира, царство Селевкидов, простиралось в период своего расцвета на огромных пространствах, от западного побережья Малой Азии до Индии.

Его населяли многочисленные народы, с различными уровнями социально-экономического развития, сложной политической историей и своеобразной культурой. Поэтому при изучении даже локально и хронологически ограниченных проблем истории государства Селевкидов исследователь должен использовать весь разнообразный арсенал источников: от официальных писем царей, юридических документов, археологических находок и т. д. до иудейских или персидских пророчеств.

События истории государства Селевкидов подробно освещаются *Полибием* с начала царствования Антиоха III [Ролув., V, 31], хотя некоторые события, происходящие в Малой Азии, где управлял Ахей, упоминаются уже и в IV книге. В V книге дается подробный очерк начальных лет царствования Антиоха III (войны с Египтом, восстание Молона и его подавление, ряд придворных событий, деятельность Ахея и начало борьбы с ним). В соответствии со своими общими принципами Полибий уделяет значительное внимание и историко-географическим вопросам, в том числе описаниям тех условий, в которых развертываются военные действия.

К сожалению, V книга — последняя, дошедшая до нас целиком. От всех последующих книг сохранились только отрывки, в которых, однако, имеется описание эпизодов войны Антиоха III с Ахеем, рассказ о его войне с парфянами, переговорах с Евтидемом во время осады Бактр, а также соображения Полибия об итогах восточного похода. В мелких отрывках говорится о войне с Египтом, о захвате птолемеевских владений в Малой Азии, о войне с римлянами, приводятся различные эпизоды из царствования Антиоха IV; война в Египте, посольство Попилия, торжество в Дафне, смерть Антиоха IV, побег Деметрия из Рима и т. п.

Обращает внимание, что Полибий, трезвый и рационалистичный автор, стремится выявить истинные причины тех или иных поступков государственных деятелей, в этом ему помогал большой опыт государственного и военного деятеля. Он был лично знаком с Деметрием I в бытность того заложником в Риме, принимал активное участие в организации его побега, как об этом он сам сообщает. По мнению современных исследователей, описание военных действий против Молона столь достоверно, что предполагает использование Полибием здесь какого-то сочинения, написанного непосредственным участником событий [270, 124 сл.; 636, т. II, с. 20; 494, с. 144]. Археологические исследования в Сузах подтвердили рассказ Полибия о событиях в этом городе во время восстания Молона — весь город был захвачен войсками Молона, верным Антиоху оставался только гарнизон на акрополе. Археологи обнаружили остатки вала, который осаждающие возвели вокруг акрополя [345, с. 67].

Однако в замечательном труде Полибия имеются недостатки, порожденные как характером его источников, так и его авторской позицией. Например, для описания битвы при Рафии и событий, последовавших за ней, он привлек какой-то источник, благожелательный по отношению к Селевкидам. В результате события до Рафии — развивавшиеся благоприятно для последних — описываются подробно, а птолемеевское контрнаступление после Рафии лишь в самых общих чертах [636, т. II, с. 32].

Собственная позиция Полибия особенно отчетливо проявляется в его резко отрицательном изображении артиримского «агитатора» Исократ (XXXII, 6—7). Однако проримские симпатии Полибия, его искренняя убежденность, что всему миру предопределено быть под властью Рима, не мешают ему трезво оценивать римскую политику в отношении Селевкидов. Он подчеркивает, что Рим руководствовался не какими-то моральными соображениями, а только «собственной выгодой» (XXXI, 19); Полибий сообщает об инструкциях Сената римским послам в Селевкидском царстве, предписывающих «всеми силами расстраивать силы царства» (XXXI, 11).

Современные исследования подтверждают высокую степень достоверности сообщений Полибия. Любопытно, к примеру, его свидетельство относительно захвата птолемеевских владений в Малой Азии (в союзе с Филиппом V). Ранее утверждалось, что этот союз (и договор) был придуман родосцами и царем Пергама Атталом для того, чтобы побудить Рим вмешаться в малоазийские дела в 201 г. до н. э., а Полибий некритически воспринял родосскую традицию [434]. Однако недавние исследования доказали, что сообщения Полибия в основе верны, хотя он несколько упрощает ход событий [521].

Историю государства Селевкидов (*Συρίακή*) *Аппиан* создал в полном согласии с общим замыслом — написать историю образования Римской империи по историко-географическому принципу, т. е. историю вхождения различных народов в ее состав. Концепция автора определяет и композицию произведения: поскольку Аппиан стоит на точке зрения лояльного функционера государственного аппарата Римской империи [501], важнейшее место он отводит столкновению государства Селевкидов с Римом. «Сириака» начинается с войны Антиоха III с Римом, как с события, которое определяет всю дальнейшую его историю. Этот период описывается самым подробным образом. Затем в значительно более краткой форме передается история царства вплоть до превращения его в римскую провинцию и даже некоторые эпизоды истории провинции Сирии в начале римского владычества. Чтобы дать какое-то представление читателю о царстве, которое сами римляне считали своим важнейшим противником на Востоке, Аппиан коротко излагает историю царства от момента его возникновения вплоть до правления Антиоха III и позднее, вновь затрагивая тот период, который он уже описал раньше.

Таким образом, это единственный в античной литературе связный, хотя и краткий, очерк истории государства Селевкидов. Источники Аппиана весьма различны по характеру и степени достоверности. Для раннего периода — борьбы диадохов и создания государства Селевкидов — он использовал Иеронима из Кардии (источник серьезный, хотя далеко не беспристрастный); для более поздних периодов это, видимо, Тимаген

(написавший историю эллинистических царств, материал в которой был расположен по отдельным династиям, внутри — по царям) [339], наконец Полибий, в сочетании с римской анналистикой (но без связи с Титом Ливием и его традицией) [636, т. II, с. 470].

Сочинение Аппиана отмечает трезвость суждений автора, стремление (как отмечал К. Марк относительно «Гражданских войн») «докопаться до материальной подкладки»¹. Аппиан, хотя он и приводит некоторые легенды и свидетельства о чудесах, с насмешкой говорит о том, что Антиох «собственные ошибки приписывал злему року» (29). Вместе с тем в труде Аппиана ясно чувствуются его проримские симпатии, особенно заметные при характеристике и описании действий Антиоха III, который у Аппиана предстает как «человек пустой и с быстро меняющимся настроением» (28). Причины поражения этого правителя историк видит не только в превосходстве римского оружия; это и «необдуманная поспешность и отсутствие ясного плана» (37). Вместе с тем Аппиан откровенно пишет и о характере политики Рима: рассказывая о прибытии послов из Египта в Рим с жалобами на Антиоха, Аппиан комментирует дальнейшие события: «Римляне охотно ухватились за этот предлог, случившийся для них очень кстати, и отправили послов к Антиоху, которые на словах имели намерение примирить Птолемея с Антиохом, на деле же внимательно разглядеть планы Антиоха и помешать ему, сколько они смогут» (2).

Труд Аппиана ценен свидетельствами о политике царей Селевкидской династии, которые почти не отражены в иных источниках. Ценны его свидетельства о градостроительстве Селевкидов [88], о назначении сына Антиоха соправителем на Востоке, о селевкидской армии (особенно о составе ее в битве при Магнесии) [232], о внутренней борьбе в царстве Селевкидов в позднюю эпоху, в некоторых отношениях согласующиеся со свидетельствами Юстина, но в некоторых — расходящиеся.

Помпей Трог (Юстин). Эпитома сочинения Помпея Трога «*Historiae Philippicae*» по неизвестным нам причинам подверглась сокращению в разделе ранней истории Селевкидов в значительно большей степени, чем, например, в истории Птолемея. Многие события и целые периоды в жизни государства Селевкидов вообще исчезли из текста, хотя в оригинале Помпей Трога они присутствовали. Об этом свидетельствуют так называемые «Прологи», т. е. оглавления всех книг Помпея Трога, составленные каким-то неизвестным автором. Правда, некоторые события, опущенные при изложении собственно истории Селевкидов, позднее появляются в связи с изложением истории других народов. Так, Юстин кратко упоминает походы Селевкда II и Антиоха III на восток, описывая историю парфянов.

Поздняя история Селевкидов освещена Юстином гораздо полнее и ценность его сообщения велика, поскольку только

Юстин дает общий, но очень краткий (а иногда и искаженный) очерк истории этого государства начиная примерно с 60-х годов II в. до н. э. Достоверность сообщаемых им сведений необходимо каждый раз проверять. XXXV и XXXVI книги Юстина были исследованы учеными, которые пришли к заключению, что для истории Селевкидов Помпей Трог использовал в качестве основного источника Полибия, дополняя его сведениями, исчерпнутыми из Диодора, Аппиана, Диона Кассия, Иосифа Флавия и I-й «Книги Маккавеев». Сокращения производились в соответствии с основными концепциями Юстина. То, что в труде Помпея Трога соответствовало им, передавалось достаточно полно, что расходилось — сильно сокращалось или вообще выбрасывалось. В XXXV книге основное внимание Юстина сосредоточено на героической гибели Деметрия I и на превратностях судьбы Александра Баласа, которая интересна Юстину, как пример заслуженного наказания за моральную «деградацию» — естественный результат власти. Поэтому Юстин полностью отбрасывает все факты, не имеющие прямого отношения к этим событиям: не упоминаются, например, эпизоды борьбы двоюродных братьев Деметрия I Ариарата и Ороферна за каппадокийский престол, ничего не говорится о восстании Диодота Трифона против Деметрия II, закончившемся временным переходом власти к узурпатору и убийством Антиоха VI и т. д. [543].

Достоверность сообщений Юстина по ряду других вопросов, явившаяся результатом использования Помпеем Трогом доброкачественных источников, также подтверждается современными исследованиями [427].

В соответствии со своими общими концепциями Юстин осуждает стремление к власти, считая его основным источником зла в мире. Властолюбие и сама власть для него — главный источник пороков, морального упадка личности и общества. В соответствии с этими идеями в его произведении часто, например, история поздних царей династии Селевкидов строится по следующей схеме: 1) стремление к власти, не останавливающееся перед преступлениями (особенно подробно Юстин рассказывает о братоубийственных конфликтах); 2) захват власти; 3) как естественный результат этого — множество пороков; 4) заслуженная гибель вследствие поворота судьбы. В соответствии с этой схемой описывается царствование Селевка II, Деметрия I, Александра Баласа, Деметрия II, Александра II Забыны и т. д.

Стремление драматизировать историю, показать, как рок властно вмешивается в судьбы, иногда приводит к явным искажениям фактов. Например, в описании событий, происшедших после смерти Селевка I (XVII, 2, 10), Юстин называет в качестве соперников Птолема Керавна, Антигона Гоната, Антиоха I и Пирра. В действительности же Антиох был в это время в Азии, а Пирр уже был призван тарентинцами. Чтобы подчеркнуть, что Селевк II «был словно рожден для того, чтобы

быть игралищем судьбы» (XXVII, 2, 5), Юстин сообщает несколько эпизодов, которые отвергаются современной историографией как недостоверные, — в частности, относительно огромного флота для борьбы с Птолемеем, якобы погибшего по воле богов [636, т. I, с. 268].

Важны некоторые легендарные сведения, приводимые Юстином, в частности, его рассказы о чудесном рождении Селевка I, о тех предзнаменованиях, которые предвещали ему царскую власть. Современные исследователи рассматривают их как свидетельства пропаганды сторонников Селевка в период борьбы диадохов [360].

Тит Ливий [107]. История государства Селевкидов для Тита Ливия не имеет самостоятельного значения. Поэтому автор описывает только те эпизоды, в которых история Селевкидов сопоставляется с римской. Произведение Тита Ливия «Римская история» сохранилось не полностью, изложение событий на Востоке в дошедших до нас книгах доведено до 167 г. до н. э., т. е. до победы Эмилия Павла над Македонией. Об остальных частях работы мы имеем представление только благодаря составленным еще в древности «кратким обзорам» («периохи») книг Ливия.

Поскольку основная задача автора — дать апологетическую картину развития римских завоеваний, то, естественно, главным источником для Тита Ливия послужил труд Полибия. Не проводивший исследований, не привлекавший документов, Тит Ливий заимствовал основную фактическую канву, а в большинстве случаев и оценки событий у Полибия. Именно поэтому велико значение труда римского историка для тех периодов истории эллинистического Востока, которые описывались в недошедших до нас книгах Полибия. Освоение текста Полибия происходит следующим образом: Тит Ливий убирает из него то, что ему кажется частным, не интересным для римского читателя, а также те факты, которые, с его точки зрения, могут бросить тень на римлян, и, напротив, развертывает эпизоды апологетические или патетические [636, т. II, с. 492].

Второй источник для Тита Ливия — данные римской анналистики. Сочетание этих двух источников часто проводится механически, допускаются серьезные хронологические ошибки [636, т. II, с. 157]. Нередко заведомо факты искажаются: так, согласно Титу Ливию, Антиох III после прибытия Ганнибала к нему твердо решил вести войну с Римом. Цель подобного искажения ясна — подчеркнуть коварство селевкидского царя, опасность, нависшую над Римом. Иногда же Тит Ливий в своем тексте прямо приводит две версии событий: одну, исходящую от Полибия, другую, почерпнутую из анналистики, никак не пытаясь их согласовать или высказать свое отношение к ним (например, относительно тех частей Агамейского договора, которые касались судьбы греческих полисов Малой Азии) [247].

Кроме этих важнейших нарративных источников по истории государства Селевкидов значительный материал содержится и в других произведениях. Первым среди них должна быть названа «География» *Страбона* — энциклопедическое произведение, содержащее сведения не только по географии отдельных областей, входивших в состав Селевкидского государства, но и собственно исторических и историко-культурных. По обилию сведений как исторического, так и географического характера близок Страбону *Плиний*. Его «Естественная история» — важный источник по истории Селевкидов. Более узко географический характер имеет труд *Птолемея*. При использовании его необходимо иметь в виду два обстоятельства: 1) чем дальше на востоке расположена страна, о которой он пишет, тем менее точными становятся его сведения; 2) он некритически накладывает на единую схему свои источники, в результате чего в тексте и на картах его зачастую происходит удвоение одних и тех же географических объектов и населенных пунктов.

Интересные сведения о политике Селевка I в Малой Азии сообщает *Мемнон из Гераклеи*. Некоторые, хотя и ограниченные, свидетельства могут быть почерпнуты у *Плутарха* (биографии Евмена, Деметрия Полиоркета, Павла Эмилия, Суллы, Лукулла и Помпея). *Диодор* для истории государства Селевкидов имеет ограниченную ценность, поскольку связный текст его кончается на эпохе борьбы диадохов.

Некоторые материалы содержат сохранившиеся фрагменты «Всеобщей истории» *Николая Дамасского*, правда, автор организовал материал таким образом, чтобы поставить в центр исторического процесса историю евреев.

В сочинении *Полиена* «Стратегемы» приведены некоторые эпизоды из селевкидской истории. Наибольшее значение исследователи придают двум военным эпизодам, свидетельствующим о борьбе греко-македонян (военных колонистов) с местным населением в Персиде. Однако проблема датировки описанных Полненом событий не решена.

В труде *Евсевия Кесарийского* (IV в. н. э.) «Хронология» сделана попытка синхронизировать события, происходившие у различных народов, в том числе населявших территорию эллинистических государств. Греческий текст, однако, утрачен. Первая часть сохранилась в армянском переводе, вторая — в латинском Бл. Иеронима. Однако между текстом Евсевия и текстом Иеронима находился какой-то сокращенный вариант оригинала, что сильно снижает ценность латинской версии.

Некоторые этапы истории государства Селевкидов получили отражение в древнееврейских источниках, причем одна из групп современно описываемым событиям.

Центром внимания авторов являются события в Иудее, глав-

ным образом борьба Селевкидов с восстанием (II в. до н. э.). Перипетии этой борьбы описываются чрезвычайно подробно, что иногда заставляет исследователей преувеличивать значение этих событий, в принципе, достаточно ординарных, если рассматривать их с точки зрения общей истории Селевкидского царства.

Наиболее древним источником, современным начавшейся борьбе между Иудеей и селевкидским царем Антиохом IV, являются «Книга Даниила» (закончена до зимы 164/163 г. г. до н. э.). Дата установлена на основании того, что автор ее не упоминает ни о смерти Антиоха IV, ни об освящении иерусалимского храма. Источник труден для понимания, поскольку он представляет соединение древних пророчеств, приспособленных к «зlobe дня», и намеков на происходящие события. Уже в древности появились комментарии к нему. Наиболее старые из них содержатся в книге Порфирия «Против христиан», частично известной нам благодаря св. Иерониму, который приводил их для того, чтобы опровергнуть (In Daniele, главным образом книга XI) [387, № 260, F2—3, 35—38].

Иной характер носят так называемые «Книги Маккавеев» [206]. Для нашей темы важны две первые из них. Они одновременно с описываемыми событиями и независимы одна от другой. Автор первой книги неизвестен. Он — откровенный сторонник Хасмонейской династии, что очень отчетливо проявляется в содержании книги, пронизанной ненавистью к Селевкидам и особенно к эллинизованным евреям. I книга Маккавеев (охватывает период от 175 до 135 г. до н. э.) подвергалась определенной редакции, вероятнее всего в первой половине I в. до н. э. Основана она на официальных документах и на некоторых иных источниках, видимо, анналистического характера. Оригинал книги был написан на древнееврейском языке, он утрачен, сохранилась только греческая версия, к которой восходят также латинская, сирийская, армянская и арабская.

II книга Маккавеев представляет собой сокращение труда Язона, эллинизованного иудея из Кирены. В ней описываются события от смерти Селевка IV до 160 г. до н. э. Можно думать, что Язон и его эпитоматор закончили свой труд раньше, чем автор I книги, еще в третьей четверти II в. до н. э. Это произведение более теологическое, чем историческое. Исторические факты привлекаются, прежде всего, для того, чтобы доказать, что евреи действительно являются «избранным народом».

Сам характер этих двух произведений неизбежно приводит к определенным искажениям в описании тех событий, о которых в них сообщается. Для большей драматизации событий указывается, например, что Антиох IV лично организовывал гонения на иудеев, что совершенно не верно [636, т. II, с. 286]. Точно так же, чтобы создать законченную картину раскаявшегося гонителя, Язон (II Макк., 9, 19 сл.) сочиняет подложное

письмо Антиоха IV (хотя и составленное в соответствии с нормами, принятыми царской канцелярией), в котором тот называет евреев своими вернейшими подданными. В книгах Маккавеев, что и естественно для такого рода произведений, обычно преувеличивается число селевкидских воинов и преуменьшается — еврейских [232]. Заметна хронологическая путаница, особенно при сопоставлении событий, описанных в I и II книгах. Поэтому по книгам Маккавеев трудно сказать, сколько было походов Антиоха IV в Иудею [636, т. 2, с. 285]. Иногда эти трудности — результат сознательного искажения хронологии ради достижения особого литературного эффекта. Например, Язон специально ставит письмо Антиоха V ранее письма Антиоха IV [636, т. II, с. 288].

Определенную ценность для изучения эллинистической эпохи представляет произведение *Иосифа Флавия* «Иудейские древности» (книги XII—XIV), поскольку там собраны многие факты позднего периода истории государства Селевкидов, которые не сообщают другие источники.

В нем приводятся и официальные документы, которые многими исследователями считаются подлинными². Иосиф Флавий зачастую механически соединяет различные, часто противоречащие друг другу версии событий, заимствованные из разных источников. Основной объединяющий стержень его работы — апологетика иудейской истории и культуры и дидактический характер.

Персидские источники. В персидской литературе нет известий о каких-то конкретных событиях селевкидской истории: сохранились свидетельства отношения персов к Александру Македонскому и его преемникам по власти над Востоком — Селевкидами. Все они содержатся в апокалиптическо-эсхатологических произведениях, часто оформленных в виде пророчеств, в которых совмещаются два плана — реально-исторический и космический. Захват Александром и Селевкидами Ирана описывается как катастрофа космического порядка, уничтожение власти иранских царей воспринимается не только как предвещание гибели «истинной религии» (маздайсны), но и как один из этапов в борьбе мирового добра и мирового зла.

Древнейшим источником такого рода являются «Пророчества Сивиллы» (III, 388—395), так называемая персидская Сивилла, о которой писал еще племянник Аристотеля Никанор, участвовавший в восточном походе. В дальнейшем эти враждебные грекам и македонянам идеи были восприняты еврейской религиозной пропагандой и были включены (в переработанном виде) в так называемое «Пророчество Даниила». На персидской почве эта антимакедонская и антиселевкидская традиция сохранилась в более поздних религиозных сочинениях, приспособивших старые тексты к новым обстоятельствам: в «Арда Вираф Намак», в «Денкарде» и пехлевийском «Бахман Яште».

В оппозиционную Риму грекоязычную литературу эти идеи также проникли, свидетельством чего является «Пророчество Гистаспа», возникшее около 200 г. до н. э. и переработанное в римское время (в тексте греки были заменены римлянами) [313].

Все эти произведения важны для исследователя истории Селевкидского государства как свидетельства той идеологической борьбы, которая шла на эллинистическом Востоке, т. е. тех сторон истории царства Селевкидов, о которых греческие и латинские авторы мало сообщают.

Некоторые сведения об истории Селевкидов содержатся в географических персидских сочинениях. Наиболее важные из них — «Шахристаниха-и Иран» («Города Ирана»). В нем описываются города Ирана с указанием, какой царь построил какой город. Города, построенные в эллинистическую эпоху, упоминаются как результат деятельности злого демона Аджи-Дахака, который выступает как мифологический эквивалент реальной Селевкидской династии [282].

§ 2. ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Эпиграфика. Число эпиграфических документов по истории рассматриваемого региона невелико, но их значение трудно переоценить: они содержат сведения о событиях военно-политического характера, государственном устройстве, социальной и идеологической политике династии и т. д., что позволяет исследователям представить характер социально-экономической структуры государства³. Своеобразие этой категории источников в том, что каждая из надписей содержит в себе информацию по целому ряду вопросов. Например, письма Антиоха III о введении государственного культа его жены, царицы Лаодики, одновременно дают определенные сведения и об административной структуре государства⁴, а манумиссии из Суз (Селевкии на Эвлее) [589, № 1—34]⁵ помимо свидетельств о практике отпуска рабов на волю обрисовывает также характер городского строя поляса и дают обширнейший просопографический материал, позволяющий заключить, что подавляющая часть граждан являлась потомками первых поселенцев-греков и македонян, а местное население в составе граждан было малочисленно [421].

Для изучения многих периодов и проблем в истории государства Селевкидов эпиграфические документы — в сущности единственный источник, поскольку нарративные материалы либо совершенно не освещают многие события, либо освещают очень кратко. Так, они сообщают об уступке Селевком I основателю династии Маурьев Чандрагупте целого ряда восточных сатрапий, однако эти сведения не позволяют судить о масшта-

бах территориальных потерь государства Селевкидов. А между тем на основании этих свидетельств некоторые исследователи делали выводы, что в уступленных сатрапиях греческое население было «сметено». Открытие двух греческих надписей в Кандагаре (одна из них — греко-арамейская билингва) [559; 603; 239; 557], являвшихся по своему содержанию эдиктами царя Ашоки, позволило уточнить размеры территориальных уступок Селевка. Анализ надписей заставил пересмотреть выводы относительно судьбы греческого населения в этих областях. Он показал, что греки Востока поддерживали тесные связи с западом эллинистического мира, что их культурное развитие шло в рамках, общих для всего эллинистического мира, что в состав греческих поселенцев на далекой окраине «ойкумены» входили не только солдаты, земледельцы, ремесленники, но и интеллектуальная элита, способная понять моральную проповедь Ашоки и сопоставить ее с учениями греческих философов. Сделанные несколько позднее находки греческих надписей на городище Ай-Ханум /северо-восточный Афганистан/ — самый восточный пункт обнаружения греческих надписей — полностью подтвердили выводы и о составе греческих колонистов, и о тесных связях с метрополией [527].

Эпиграфические данные позволяют уточнить даты важных событий, упомянутых в нарративных источниках. В частности, греческая посвятельная надпись из Мидии устанавливает время такого серьезного события, как потеря Селевкидами Мидии [531]. Надписи помогают проверить правильность сообщений нарративных источников. Например, известно, что Селевк I назначил своего сына Антиоха соправителем еще при жизни и отдал ему в жены собственную супругу. Последняя часть сообщения заставляла многих исследователей сомневаться в справедливости и первой ее части. Однако эпиграфические данные с бесспорностью свидетельствуют о факте назначения Антиоха соправителем Селевка [625, № 5]. В то же время нельзя автоматически отдавать предпочтение данным эпиграфических документов перед нарративными источниками. Сам официальный характер надписей предполагает, что в некоторых случаях они проводят «официальную», приукрашенную версию событий.

Историк, не связанный с официальной точкой зрения, может опасть те же факты более объективно. К примеру, в декрете города Илиона (входившего в состав государства Селевкидов) сообщается, что до похода в Малую Азию Антиох I, подавив восстание в Сирии, восстановил в городах мир [307, № 219]. Мемнон из Гераклеи [387, 434, F9, 1], случайно касаясь этих событий, пишет, однако, что восстание привело и к внешним войнам, и к территориальным потерям. Современные исследователи, сопоставив все данные, отдают предпочтение данным нарративного источника по сравнению с надписью [636, т. 1, с. 121].

Среди эпиграфических документов Селевкидского царства самую значительную по объему группу составляют такие специфические документы, как царские письма. Основная масса их была собрана, издана, переведена и прокомментирована Ч. Б. Уэллесом еще в 1934 г. [625]. С того времени число их увеличилось незначительно. Письма царей династии Селевкидов освещают различные стороны истории государства, но наиболее важны они для исследования проблемы взаимоотношения со старыми греческими полисами Малой Азии. Малая Азия, особенно ее побережье, были объектом постоянной борьбы между Селевкидами, Птолемеями, Атталидами, царями Македонии, постоянно переходила из рук в руки. Поэтому значение эпиграфики особенно велико: нарративные источники часто обрисовывают перипетии борьбы слишком общо, не касаясь позиции и судьбы отдельных городов; эпиграфические же документы позволяют более детально выявить ход политических событий, судьбу отдельных городов. Для правильного понимания этих событий, конечно, необходимо обращаться не только к письмам селевкидских правителей, но и к переписке царей иных династий и документам, изданным самими городами.

Так, в частности, хорошие взаимоотношения между Селевкидами и Милетом в начале III в. до н. э. засвидетельствованы не только письмом Селевка и Антиоха к городу [625, № 5], в котором сообщается об их богатейших дарах храму Аполлона в Дидимах, но и списком стефанефоров Милета [308, № 322], согласно которому Антиох был избран на эту почетную эпонимную должность в полисе на 280/79 г. до н. э. Однако надпись, датируемая уже следующим годом, показывает, что Милет стал к этому времени союзником Птолемея.

Взаимоотношения царства Селевкидов с Эритреей в этот же период освещают два документа: письмо Антиоха I к городу, в котором сообщается о предоставляемых городу привилегиях [625, № 15], и документ самого полиса, указывающий, в частности, что граждане продолжают праздновать «Селевкеи» [308, № 412], учрежденные в честь Селевка I. На портике агоры Магнесии на Меандре воспроизведены письма четырех лиц: Антиоха III, его сына Антиоха, Птолемея IV и Аттала I, в которых сообщается, что все они признают в качестве панэллинских игры, учрежденные в честь Артемиды [625, № 10—13].

Эпиграфические материалы представляют свидетельства о социальных отношениях в Селевкидском государстве. Важнейшие источники по этому вопросу: серия надписей, найденная еще Шлиманом при раскопках Трои, связанных с предоставлением участка царской земли некоему Аристодикиду (три письма Антиоха I сатрапу Геллеспонтской сатрапии Мелеагру и письмо Мелеагра городу Илиону) [625, № 18—20]; группа надписей относительно продажи царской земли разведенной жене царя Антиоха II — Лаодике.

Дополнением к ним служит и надпись Мнесимаха из Сард [275, 463]. В этот же комплекс документов входит и переписка (шесть писем) Антиоха III и его сына Антиоха со стратегом Келесирии и Финикии Птолемеем. Надписи были найдены на территории античного Скифополя [410]. Однако характер надписей позволяет различно толковать сообщения о положении основной категории эксплуатируемого населения — лаой и, следовательно, могут привести к ошибочному пониманию социальных отношений в государстве Селевкидов. Хотя советские [149; 42] и прогрессивные зарубежные [264] исследователи доказали, что на базе этих надписей нельзя определять социальные отношения государства как феодальные, все же этот вопрос еще остается объектом дискуссий.

Особое значение имеют греческие надписи, найденные в восточной части государства Селевкидов, поскольку происходившие здесь политические события, хозяйственная жизнь менее всего отражены в других источниках. Кроме уже упомянутых манумиссий, из Суз происходит и ряд других надписей, на основании которых можно установить детали городского строя, особенности культурной жизни полиса, характер взаимоотношений с царской властью. В этой связи интересны и надписи из Селевкии Приморской. В одной из них, в частности, сообщается, что по просьбе царя Селевка IV один из приближенных его отца, ушедший в отставку, получает права гражданства в данном полисе [625, № 45]: по-видимому, даже для высших государственных деятелей гражданские права в полисе были весьма желательны. Группа надписей происходит из Вавилона [369]. Хотя значительная часть их относится к более позднему — парфянскому — времени, тем не менее они помогают выяснить судьбы города в селевкидское время. В частности, надписи подтверждают сообщения нарративных источников о политике «эллинизации», проводимой Антиохом IV, — при нем в Вавилоне создается греческий полис. Надписи позволяют представить и характер контроля центральной администрации над полисом (упоминается царский эпистат; существование этой должности засвидетельствовано и в других полисах). Надписи сообщают о наличии здесь греческого театра, археологические раскопки подтвердили этот факт.

К парфянскому времени относится и основная масса надписей, обнаруженных при раскопках Дура-Европос, но некоторые из них принадлежат периоду Селевкидов [396]. Интересна фрагментированная надпись с о. Файлака, освещающая политику Селевкидов на морских путях в Персидском заливе [391].

Клинописные документы. Известно, что в селевкидское время в Вавилонии продолжали использовать клинопись. Создавались астрономические трактаты, переписывались древние религиозные тексты: все это — свидетельство определенного возрождения вавилонской культуры [175, с. 132]. Но для исследо-

вания политической и социальной истории Селевкидского государства гораздо важнее клинописные документы гражданского характера (контракты и т. п.). Они сообщают историкам некоторые даты (чего так недостает селевкидской истории); кроме того, в них упоминаются иногда помимо самого царя его соправители (чаще всего его сыновья), о которых молчат нарративные греческие и латинские источники. На основании появления и исчезновения из документов этих имен можно сделать выводы о каких-то династических конфликтах [483; 218; 540].

Но еще большее значение эти документы имеют для изучения социальных отношений в Селевкидской Вавилонии. Анализ позволил выявить такой своеобразный социальный организм, как вавилонская гражданско-храмовая община [539; 219; 544; 156; 157; 158], в некоторых отношениях чрезвычайно близкая эллинистическому полису, но и отличающаяся от него. Эти документы позволили также осветить многие вопросы, связанные с проблемой эллинизации местного населения в селевкидский период: зависимость от общей политики правительства, зависимость степени эллинизации от социального положения и т. д. К сожалению, до сего времени нет полного «Корпуса» этих чрезвычайно важных документов.

Папирусы и пергамены. Единственной значительной коллекцией папирусов и пергаменов, относящихся к Селевкидскому государству, является коллекция этих документов, найденная при раскопках Дура-Европос [627], — небольшого города, построенного в начале эллинистической эпохи на среднем Евфрате. В этом собрании почти нет фрагментов литературных произведений, подавляющее большинство находок — документы, относящиеся к более поздним периодам жизни города, — парфянскому и римскому. Лишь некоторые из документов отражают отношения, сложившиеся еще в селевкидское время.

Типы документов разнообразны: долговые расписки; контракты, в том числе брачные; договоры об аренде и т. д. Значение их трудно переоценить — они вводят в деловую жизнь обычного рядового греческого города, т. е. освещают ту сторону истории селевкидской эпохи, которая почти не затронута иными источниками. На основании этих документов могут быть сделаны определенные выводы относительно городского строя, состава гражданского коллектива и его изменения с течением времени, положения различных этнических групп среди жителей города, имущественных отношений, типов сделок, социальной структуры. Некоторые документы, найденные при раскопках Дура-Европос, имеют значение, выходящее далеко за рамки исследования истории одного города: изучение так называемого «закона о наследовании» (в сопоставлении с документами из других центров) позволило выдвинуть предположение о характере взаимоотношений, как социальных, так и юридических,

между Селевкидской династией и основанными ею греческими городами на Востоке [86].

Нумизматические источники. Недостаток нарративных и эпиграфических источников по истории государства Селевкидов вынуждает исследователей шире использовать нумизматические данные. Правда, они пока полностью не изучены. Два монументальных тома исследования Ньюэлла [473; 474], посвященных чекану различных монетных дворов государства, во-первых, уже несколько устарели, во-вторых, изложение материала в них доведено только до конца царствования Антиоха III. Наконец, само расположение материалов таково (по отдельным центрам, а внутри — по отдельным царствованиям), что оно более ориентировано на изучение локальной истории, чем общих процессов, происходящих в Селевкидском государстве в целом. Исследования Ньюэлла дополняются публикациями по истории отдельных монетных дворов, частично построенных на базе археологических раскопок Селевкии на Тигре, Суз, Антиохии на Оронте, Дура-Европос, Арада, Аскалона, монетных дворов Киликии [430; 421; 611; 237; 577; 262; 463] и т. д. Монетные данные позволяют выявить целый ряд явлений, которые трудно установить с помощью иных категорий источников. В частности, они помогают установить точную границу между владениями Селевкидов и Птолемеев в Южной Сирии [576], существование союза между рядом полисов Сирии в эпоху поздних Селевкидов (что является свидетельством ослабления центральной власти) [476]. Благодаря им зафиксирован финансовый кризис в государстве — результат выплаты Риму огромной контрибуции после поражения Антиоха III [578] — выявлены экономические последствия восточного похода Антиоха III (усиление торговых связей между различными восточными полисами [421]) и т. д.

Рис. 2. Монета Антиоха IV. На лицевой стороне идеализированное изображение царя. На оборотной — фигура Зевса, опирающегося на скипетр

Особенно важны нумизматические материалы для изучения поздней истории государства, очень запутанной и плохо освещенной нарративными источниками. О. Моркхолм, в частности, выявляет целый ряд аспектов политики Антиоха IV [464], работа Э. Беллинджера дает основные отправные точки для восстановления политической истории конца государства Селевкидов [235].

Монеты дают исследователям богатейший материал для понимания процессов становления местной государственности на территориях, утраченных Селевкидами: Греко-Бактрии [409], Парфии [574], Харакене [479], Персиде. Однако многие вопросы монетного чекана этих государств еще не ясны. Так, до сего времени продолжаются дискуссии о времени начала чеканки парфянами собственной монеты [92]. Еще сложнее эта проблема в Персиде, где не только не определена хронология, но даже продолжаются споры относительно чтения титула тех лиц, которые чеканили монеты (фратадара или фратарака) [112, с. 113 сл.].

Археологические источники рассказали исследователям о широких масштабах как градостроительства в Селевкидском государстве, так и греко-македонской колонизации [602; 89]. Анализ археологических данных привел историков к выводу о том, что колонизация направлялась определенной политической и градостроительной программой [87]. Среди комплексов отдельных городов наибольшее значение имеют раскопки городища Ай-Ханум [326; 243] и Дура-Европос [534; 497]. Материалы из этих городов позволяют отчетливо выявить градостроительную структуру, типы общественных сооружений, характер рядовой застройки, укрепления, общий облик материальной (и отчасти духовной) культуры населения городов [88].

Наиболее интересные археологические материалы дают раскопки Селевкии на Тигре [619; 620; 430; 431; 432; 606]⁵. Антиохия на Оронте, Селевкия в Пиерии и Апамея раскопаны хуже. Найденные там памятники относятся главным образом к римскому времени.

Важное значение имеют раскопки Вавилона [401; 405; 629]. Они позволяют установить, что Селевкиды поддерживали отношения с местным жречеством (ремонт местных святилищ по инициативе царских властей, что подтверждается клинописными документами); кроме того, вавилонские раскопки дали ряд типично греческих сооружений (театр и палестра), что согласуется с данными нарративных и эпиграфических источников о создании здесь Антиохом IV греческого полиса.

Характер рядового вавилонского полиса в селевкидскую эпоху позволяют понять материалы раскопок Урука-Варки [320; 395]. Меньше известны сельские поселения государства Селевкидов. Лучшие других исследованы поселения эллинистической

эпохи на месте древнего Нимруда [437] и на острове Файлака, видимо, представлявшие собой военные поселения — катойкии [391]. Имеются материалы по катойкиям и Малой Азии. Для выявления общих закономерностей развития сельских территорий в селевкидскую эпоху важнейшее значение имеют сплошные археологические исследования в долине реки Диала [429] и на Сузианской равнине [628], так как при этом учитываются данные для памятников всех эпох по следующим параметрам: общее количество поселений, существовавшее в каждую из эпох, размеры освоенной территории, количество поселений каждого типа (тип выделяется на основании размеров площади городища). Благодаря этому установлено, что селевкидская эпоха в обоих районах была временем экономического подъема. Аналогичные работы проводились, хотя и в меньших масштабах, в окрестностях Антиохии на Оронте [581].

Чрезвычайно интересные материалы дали раскопки двух религиозных комплексов в Элимаиде: Бард-е Нешанде и Масджид-и Сулейман [345]. Оба они возникли в VIII—VII вв. до н. э. и просуществовали до эпохи Сасанидов. Показательно сравнение их архитектуры, найденной там скульптуры, произведений прикладного искусства, датируемых селевкидским временем: дело в том, что рядом с одним из комплексов возникла македонская военная колония, а второй не был затронут греко-македонскими влияниями.

Определенное значение имеют и произведения искусства (часто — случайные находки), обнаруженные в различных центрах Селевкидского государства [555].

Источники египетского происхождения. Благодаря территориальной близости и постоянным контактам (то мирным, то враждебным) двух важнейших эллинистических государств — царства Птолемеев и царства Селевкидов — в источниках египетского происхождения отразились проблемы их взаимоотношений. Среди этой категории материалов наибольшее значение имеет так называемый «Папирус Гуроб» [387, с. 160; 163]. Современные исследователи [636, т. I, с. 224] считают его произведением египетского царя Птолемея II, в котором он рассказывает о своих успехах в период 3-й Сирийской войны (или «Войны Лаодики»); о действиях в Киликии, взятии Селевкии в Пиерии и Антиохии на Оронте. Естественно, что в такого рода «коммюнике» всячески преувеличиваются успехи царя, степень расположения к нему населения и властей городов царства Селевкидов. С этими же событиями связана и «Надпись из Адудлиса» [307, № 54], в которой перечисляются границы владений Птолемеев вне Египта (на востоке — «до границ Бактрианы»).

Еще один документ египетского происхождения — «Стела Пифома» — большая трехязычная надпись (греческая, иероглифическая и демотическая версии). В ней Птолемей IV сообщает о победе над войсками Селевкидов при Рафии и дальней-

ших успехах египетского оружия. Важно, что в этой надписи более подробно, чем у Полибия, сообщается об обратном завоевании Келесирии египтянами [486]. К сожалению, сохранившаяся лучше других демотическая версия представляет наибольшие лингвистические трудности.

ПЕРГАМСКОЕ ЦАРСТВО

Расположенное в северо-западной части Малой Азии Пергамское царство, несмотря на свои небольшие размеры, сыграло значительную роль в истории эллинистического мира. Умело маневрируя, используя противоречия между крупными эллинистическими державами, цари из династии Атталидов сначала укрепили свою власть над небольшим районом, а затем, опираясь на поддержку Рима, смогли поставить под свой контроль значительную часть Малой Азии. Прекратило свое существование Пергамское царство в 133 г. до н. э., когда последний из царей династии завещал его Риму, что вызвало мощное движение народных масс эллинистической эпохи, известное как восстание Аристоника.

Письменные источники, освещающие историю этого государства, ограничены [368]. Пергам был важным центром эллинистической культуры и здесь существовала собственная историография: *Лисимах*, воспитатель Аттала I, рассказал о юности своего ученика; *Неанф из Кизика* описал царствование основателя династии. О пергамской истории писали и известные гре-

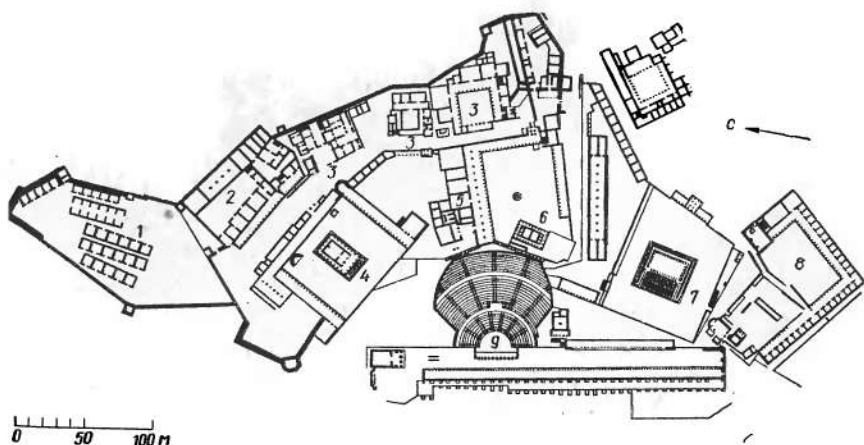

Рис. 3. Пергам. План акрополя (1 — арсенал, 2 — казармы, 3 — дворцы царей, 4 — постройка римского времени, 5 — библиотека, 6 — святилище Афины, 7 — алтарь Зевса, 8 — рынок, 9 — театр)

ческие историки: афинянин *Филарх* создал специальное произведение, посвященное войнам первых пергамских царей. Видимо, эти источники послужили основой для «Истории Пергамского царства» грамматика *Телефа* (жил во времена Адриана). К сожалению, от всех этих произведений не осталось почти ничего.

Среди **нарративных источников** по изучаемой теме важное место занимает *Страбон*, давший краткий, но связный очерк истории Пергамского царства (XIII, 4, 1—2). Интересны свидетельства *Полибия*. В его «Истории» описаны последние 23 года царствования Аттала I и царствование его сыновей. Однако фрагментарное состояние труда Полибия приводит к тому, что в распоряжении исследователя имеется цепочка изолированных, хотя и детально описанных событий (например, битва при Хиосе — XVI, 1—9 и пребывания Аттала в Афинах — XVI, 25—26), а не единое изложение истории государства или хотя бы одного периода. Помогает заполнить лакуны *Тит Ливий*, для которого одним из основных источников был Полибий. Однако, в изложении Тита Ливия, помимо обычной его чрезмерной пристрастности, есть и другие недостатки. Так, рассказывая о судьбе греческих полисов Малой Азии (согласно Апамейскому договору), он приводит две недостаточно согласованные версии: одна из них собственно ливиевская, восходящая к римским источникам, вторая — заимствование из Полибия [636, т. II, с. 190].

Помимо этих авторов, для истории Пергама важны также свидетельства *Помпея Трога* (как сокращение Юстина, так и «Прологи», сохранившиеся от Помпея Трога). Отдельные упоминания различных фактов пергамской истории содержатся у Диодора, Павсания, Аппиана, Диогена Лаэртского, Афиней, Евсевия.

Эпиграфические памятники. Первые надписи из города Пергама были введены в научный оборот еще в XV в. после путешествия Кириака Анконского [642, с. 445—446]. Значительное число надписей было открыто при археологических работах [331]. Пергамские надписи различны по характеру и содержанию. Значительную часть среди них занимают письма царей династии Атталидов, обращенные к отдельным греческим городам, армии, клерухам и т. д. [625]. В них имеются, помимо царских указаний по отдельным вопросам, также информация об общих законоположениях, городском строе, некоторые сведения о финансовой политике, социальных отношениях и т. д. Особую ценность представляют те документы, в которых содержится полное изложение обстоятельств дела, например, письмо царя Евмена, обращенное к городу Пергаму, относительно награды нескольким магистратам [625, № 23] и ответ города на это письмо [307, № 267, 11]. Точно также очень важны те эпиграфические документы, которые освещают события, известные по

нарративным источникам, что позволяет получить более полную и более отчетливую картину. Такова, например, ситуация с разделом селевкидских владений в Малой Азии после разгрома Антиоха III римлянами. Письменные источники (Pol., XXI, 45; Tit. Liv., XXXVIII, 39—41; App. Syr., 43) дают, в общем, суммарную картину раздела селевкидских владений. Уточнить ее, в частности, выяснить, какие из городов переходят под власть Пергама, помогают эпиграфические памятники [636, т. II, с. 192]. Чрезвычайно важным эпиграфическим документом является «Завещание» Аттала III [307, № 338], в котором обрисовываются различные социальные категории населения Пергама, что позволяет не только выяснить эту проблему, но и понять характер и движущие силы восстания Аристоника [21, с. 191 сл.]. Интерес представляют также надписи, найденные за пределами Малой Азии. Например, недавно найденные на Крите надписи являются текстами договоров, которые пергамские цари заключали с различными критскими полисами [310]. В одном из них строго оговариваются условия содержания пергамского вспомогательного отряда, если такой понадобится союзному полису.

Нумизматика [379]. Монеты позволяют уточнить процесс формирования независимого Пергамского государства, они демонстрируют зигзаги политики Филитера в этот сложный для Пергама период: первоначально пергамский монетный двор чеканит монеты «александровских» типов с именем Лисимаха. После его гибели в битве при Куропедионе немедленно начинается чеканка монет с именем Селевка. После убийства Селевка Птолемеем Керанном Филетер приказывает вновь изменить характер монет — теперь они повторяют монеты Александра Македонского, однако вскоре тип монет меняется еще раз — на монетах вновь появляется имя Селевка [475]. Очень важные выводы были получены при анализе монетной реформы, проведенной в Пергамском царстве после Апамейского мирного договора [579]. Были изменены тип монет и весовая система, на которой они основывались. Отныне исчезли все династийные эмблемы и в монетных легендах указываются только начальные буквы городов, выпускавших эти монеты. Это придало им (по выражению некоторых исследователей) «квазифедеральный характер», что было связано с вхождением в состав Пергама большого количества греческих городов. Еще важнее, что новые монеты («кристофоры») чеканились отныне не по традиционной аттической системе, а по новой системе, при которой их было легче уравнивать с римским динарием. Это бесспорно является свидетельством того, что правительство Пергама осознавало важность усиления римской экономической экспансии на Востоке и было готово пойти навстречу римлянам.

Важны и археологические материалы, полученные при раскопках Пергама и других городов, входивших в состав этого

царства. Руины Пергама уже давно привлекали внимание. Видимо, древнейшим является описание, сделанное византийским императором Феодором II Ласкаридом в письме к историку Георгию Акрополиту (1250 г.). Позднее эти руины осматривали многие путешественники. Систематические археологические раскопки здесь начались в 1878 г., ими руководили К. Хуман, Р. Бон и А. Конце (до 1886 г.), в 1900—1912 гг. проводили работы А. Конце и В. Дёрпфельд. В межвоенный период раскопки осуществлял Т. Виганд, а с 1957 г. Э. Бёрингер. Археологические исследования дали огромный материал для суждения о многих сторонах жизни города [211]. Интересны, в частности, данные о системе городской планировки: город расположен на высоком холме, самую вершину которого занимают царские дворцы и арсенал, а храм ниже их на одной из террас (см. рис. 3). С другой стороны, важно изучение архитектуры царских дворцов, которые отличаются от обычных жилых домов горожан только размерами.

Полезны обращения и к **памятникам искусства**. Знаменитый пергамский алтарь Зевса, построенный в 180—160 гг. до н. э. в ознаменование победы над галатами [18; 367, с. 32], является не только замечательным памятником искусства, самым ярким воплощением «пергамской школы» скульптуры, но и блестящим свидетельством характера официальной идеологии и пропаган-

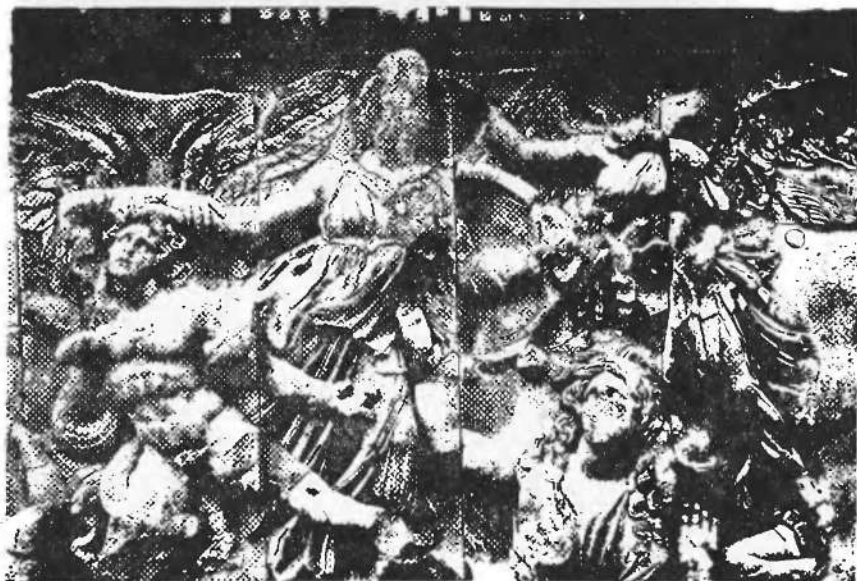

Рис. 4. Алтарь Зевса (деталь)

ды пергамских царей, уподоблявших себя и своих греческих подданных олимпийским богам, а своих врагов — мрачным исчадиям подземного мира.

Важны также наблюдения, сделанные при раскопках во многих местах Греции. Они показали, что Атталиды во многих местах Греции на свои средства строили общественные здания (например, Стою Аттала в Афинах), приносили огромные дары храмам (особенно имевшим всеэллинское значение, например, Дельфийскому храму Аполлона) и т. д. Все это были элементы сознательной политики Атталидов, пользовавшихся огромной популярностью в Греции. Подтверждают это и эпиграфические документы [368].

ГЛАВА V. ПАРФЯНСКОЕ ЦАРСТВО И ГРЕКО-БАКТРИЙСКОЕ ЦАРСТВО

ПАРФИЯ

Парфянское государство, возникшее в середине III в. до н. э. в результате ослабления власти Селевкидов в их восточных сатрапиях и вторжения в Парфию сакского кочевого племени парнов (дахов), довольно долго, вплоть до 20-х годов III в. н. э., определяло судьбы огромных территорий, входивших ранее в состав державы Александра Македонского и его преемников. В период своего расцвета (середина I в. н. э.) Парфянское царство подчинило своей власти и политическому влиянию обширные территории от Месопотамии до границ Индии, охватывая области современного Ирана, Ирака, части Афганистана, Пакистана, Туркменской ССР. Наряду с Римской державой, Кушанским царством и Ханьским

Китаем Парфянское государство являлось на рубеже новой эры одной из ведущих держав древности. Античные авторы отдавали должное могуществу Парфянского государства. Так, по сообщениям Страбона и Юстина, к началу новой эры весь мир был разделен между двумя великими империями — Римской и Парфянской (Strabo., XI, 9, 2; Just., XII, 1).

Как и для большинства эллинистических государств, для истории Парфянского царства характерны определенное разнообразие типов источников, сложность их истолкования, а для письменных свидетельств — предельная краткость и фрагментарность. Разумеется, трудности, стоящие перед исследователями истории Парфии, требуют внимания, осторожности, а также необходимости комплексного подхода к использованию всех типов источников для верной реконструкции различных моментов истории Парфянского государства.

§ 1. СВЕДЕНИЯ АНТИЧНЫХ АВТОРОВ

Источники нарративного характера несут богатейшую информацию по истории Парфянского государства. К сожалению, до нас не дошло ни одного специального труда греко-римских авторов, посвященного этому сюжету. Известно, что Страбон написал специальную работу по истории Парфии. О ней также писал Аполлодор из Артемиды, Арриан, Посидоний. Ныне эти произведения утрачены. Дошедший же до нас отрывочный материал, который касается некоторых сторон парфянской истории, содержится у ряда античных авторов: историков, географов, естествоиспытателей, поэтов, писателей. Следует, однако, учитывать тот факт, что как правило, парфянские дела упоминаются у этих авторов лишь в связи с сюжетами, касающимися римско-парфянских взаимоотношений, из-за чего они не совсем объективно описывают некоторые моменты истории Парфии.

В отрывках из «Истории» Полибия содержатся важные свидетельства по ранней истории Парфянского государства. Так, до нас дошли описания некоторых эпизодов войны Антиоха III с парфянами и другие очень важные факты. Уроженец сирийского города Апамен философ и историк *Посидоний* в своей «Истории» дал обзор исторических событий начиная с середины 140-х годов до н. э. вплоть до 70-х годов I в. до н. э. Его работа была как бы продолжением упомянутого труда Полибия и если бы дошла до нас полностью, исследователи смогли бы ответить на многие вопросы раннепарфянской истории, остающиеся пока не выясненными. К сожалению, сохранились лишь ее отдельные фрагменты в произведениях античных историков и географа Страбона [465].

Диодор Сицилийский использовал в своем сочинении «Историческая библиотека» некоторые факты из Посидония. Поскольку события, содержащиеся в этом произведении Диодора, доведены до 60-х годов I в. до н. э., можно предположить, что Диодор также касался некоторых сюжетов парфянской истории. Диодор, например, ярко описывает события, посвященные неудачному походу в 130—129 гг. до н. э. в Месопотамию и Иран Антиоха VII Сидета, одного из последних представителей Селевкидской монархии. При анализе интересующих нас событий приходится иметь дело лишь с незначительными фрагментами из Диодора, так как не все его книги дошли до нас полностью.

Некоторые вопросы истории Парфянской державы затронуты в труде *Страбона* «География», в котором дано подробное описание всех известных в то время римлянам и грекам территорий.

Сочинение *Помпея Трога* в изложении *Юстина* тоже немаловажный источник по истории Парфянской державы. Наиболее важна XLI книга Юстина, в которой дается краткий очерк возникновения Парфянского государства, некоторые события парфянской истории, а также описываются характер, быт, обычаи и нравы парфян.

Исидор Харакский, автор произведения «Парфянские стоянки» [466], дал описание двух главных «царских дорог», связывавших различные районы Парфии. Есть мнение, что эта работа написана специально для одного из полководцев Римской империи при подготовке римлян к очередной войне с парфянами. Исидор отмечает расстояния между крупнейшими населенными пунктами, сообщает о наиболее значительных городах и деревнях, иногда указывает и местные достопримечательности. Упоминаются основные области Парфянского государства, дается краткое их описание.

«Естественная история» *Плиния* весьма обильна сведениями как исторического, так и географического характера. При географическом описании Месопотамии, Мидии, Сирии Плиний делает ряд исторических экскурсов, в том числе и в парфянскую историю. Важны его данные «о шелковом пути», о городе Нисе, родовой усыпальнице Аршакидов.

Иосиф Флавий в «Иудейских древностях» часто упоминает факты военной и дипломатической истории парфян. Поскольку изучение парфянской истории не являлось главной задачей этого автора, он рассматривает лишь ее отдельные эпизоды.

Отдельных событий парфянской истории касается и *Тацит*: описывая сюжеты римско-парфянских взаимоотношений, историк обрисовал ситуацию на восточных границах Римской империи.

Ряд сведений из биографий *Плутарха* «Красс», «Антоний» позволяет уточнить вопрос о социальных отношениях в Пар-

фянской державе, например о положении высшей парфянской знати. Интересны детали в биографии Марка Антония, где дается изложение событий, посвященных вторжению парфян в азиатские провинции в 40—38-х годах до н. э., и сведения о походе Антония в Парфию в 36 г. Следует, однако, отметить явную тенденциозность Плутарха, который всячески подчеркивает вероломство и коварство парфян и оправдывает римлян в их экспансии на Восток.

Немногие факты из военной истории парфян можно почерпнуть из произведения *Луция Аннея Флора*. Он сообщает о походе и гибели армии Красса, о борьбе с парфянами легата Антония Вентидия и самого Антония. Несмотря на краткость и поверхностность этих данных, их все же можно в комплексе с другими источниками использовать для реконструкции соответствующих событий парфянской истории.

Определенное значение для историка имеют краткие упоминания о Парфии, сделанные *Саллюстием* и *Аррианом*. Если бы не утрата труда Арриана, специально посвященного Парфии — *Парфики*, который описывал события римско-парфянской войны при Траяне, то круг наших знаний об этих сюжетах был бы более широк.

Аппиан, творивший во II в. н. э. в Александрии, намеревался написать специальную работу по истории Парфии, но это ему по каким-то причинам не удалось. Поэтому из его «Римской истории» о Парфии исследователь может почерпнуть немного: от описания войн знаменитых римских полководцев Красса и Антония с парфянами сохранились лишь небольшие фрагменты.

Важный материал по истории парфян содержится в книгах *Диона Кассия* «Римская история». Так, этот автор описывает историю экспедиции Красса против Парфии, вторжение парфян в восточные провинции римской державы и оккупацию ими почти всего восточносредиземноморского побережья, битву при Гиндаре, закончившуюся поражением парфян, историю похода Антония в Мидию Атропатену.

Другой римский писатель, *Геродиан*, в своей «Истории» касается некоторых аспектов поздних периодов парфянской истории лишь в связи с взаимоотношениями Рима и Парфии, но его сведения в какой-то мере дополняют свидетельства других античных авторов, в частности Диона Кассия.

Единичные сведения по парфянской истории содержатся у более поздних авторов, например у *Юлия Африкана* (его сведениями воспользовался *Евсевий Памфил*), *Евтропия*, *Орозия*. Определенное значение по данной проблеме имеют известия, содержащиеся в художественной литературе того времени. В произведениях *Горация*, *Лукана*, *Ювенала*, *Плиния Младшего*, *Лукиана* исследователь находит упоминания о событиях, связанных с парфянскими делами. Несмотря на предельную

краткость и отрывочность, их все же можно привлечь к исследованию.

Давая в целом оценку трудов античных авторов, писавших о Парфии, следует сказать, что значение их работ велико. Этот вид исторических источников наряду с другими материалами дает сравнительно четкую и логическую схему событий парфянской истории.

Источники из сопредельных стран. Важное место в кругу нарративных источников по истории Парфии занимают произведения древнеармянских писателей.

Моисей Хоренский в своей «Истории Армении» [127] рассмотрел генеалогию парфянской знати и дал отдельные сведения из внешнеполитической истории Парфии. *Себеос* описал события, приведшие к отпадению Парфии от державы Селевкидов и т. д. Однако древнеармянские авторы не всегда объективны и иногда просто искажают ход политических событий того времени. К тому же достаточно сложна хронологическая привязка событий. Это снижает научную ценность их произведений, но они все же могут быть использованы, хотя и с предельной осторожностью, для изучения западных областей Парфянской монархии в начале новой эры.

Обзор источников по истории Парфии будет не полон, если не упомянуть сведения древнекитайских историков и путешественников, которые с той или иной степенью полноты характеризуют условия социального, экономического и политического развития азиатских государственных образований, а также положение на северо-восточных границах Парфянской монархии (Аньси, как ее называли китайцы). Эти сведения содержатся в переводах китайских летописных сводов и произведений китайских историков и путешественников, осуществленных Н. Я. Бичуриным (Иакинфом) [20]. Ими освещается большой хронологический период — от II в. до н. э. вплоть до VI в. н. э.

Естественно, при их изучении следует учитывать специфику китайских источников, особенно сложность истолкования, идентификации и локализации многих географических и этнических названий. Тем не менее, ценность сведений китайских авторов очевидна.

Религиозная литература. Отдельный вид нарративных источников представляют собой памятники религиозной литературы. Это — «Книги Маккавеев» Ветхого завета, произведение древнехристианской литературы «Деяния апостолов», где упоминаются различные народности Парфянской державы (2, 9—11), некоторые данные Апокалипсиса (16, 12).

Для истории социальных отношений в западных частях Парфянской державы важны также некоторые сведения различных трактатов иудейского религиозного сборника — Талмуда [167; 168].

Сведения эпиграфики. Число эпиграфических документов, освещающих некоторые стороны истории Парфянской державы, сравнительно невелико. Большинство из них происходит из греческих полисов, сохранивших и при парфянах определенное значение. Однако, несмотря на их малое число, надписи несут богатую информацию о государственном устройстве, об отношении центральной власти к греческим полисам, доставшимся парфянам в наследство от Селевкидов; в них отражены различные сведения социально-экономического характера, идеологической политики, культурной жизни как собственно коренного населения государства, так и пришельцев-завоевателей.

Иногда эпиграфические документы позволяют решить, какая из нескольких версий событий, упоминаемых в разных источниках, более правильна. Как известно, в античной традиции существовали две версии отпадения Парфии от Селевкидского государства. По Юстину, следует, что в тяжелый для Селевкидов период отложился правитель Парфии Андрагор. Позднее он был убит вторгшимися в эту область парнами во главе с Аршаком. Арриан, Синкел, Зосим трактуют эти события иначе. Они не считают Аршака кочевником, Андрагор не отлагался от царя и имя селевкидского наместника было другое. Находка в Гиркании надписи, в которой упоминается Андрагор [529], вероятно, сатрап или даже наместник верхних сатрапий, скорее всего решит вопрос в пользу автора первой версии событий. Благодаря этому выясняются и причины появления двух версий.

Иногда в надписях содержится материал, подтверждающий сведения античной традиции. Так, по сообщениям Юстина и Диона Кассия, в 30-х годах I в. до н. э. у парфянского царя Фраата IV появляется претендент на престол, Тиридат II, бывший стратег Сузианы, ставленник римлян. Борьба между ними за престол шла с переменным успехом, однако после 26 г. до н. э. о Тиридате упоминаний уже нет, что позволяет думать, что победу одержал Фраат. Некоторые сведения, позволяющие подтвердить это предположение, содержатся в двух стихотворных почетных декретах из Суз. В первом из них, написанном от имени царя, Фраат упоминает Тиридата в качестве «изгнанника» [589, № 12], во втором же, более позднем, но описывающем тот же сюжет, имя Тиридата вовсе не упоминается [589, № 13].

Эпиграфический материал важен для установления хронологической последовательности событий, которую практически невозможно восстановить по данным других типов источников. Например, благодаря наличию датировочной формулы в одной

из Бисутунских надписей (Мидия) [531, с. 76] можно определить точную дату завоевания Мидии парфянами.

В корпусе надписей из Суз-Селевкии на Эвлее некоторые документы позволяют проследить картину начавшегося процесса ограничения автономии греческого полиса при парфянах. Так, следуя письму Артабана II к Сузам (21 г. н. э.) [589, № 1], можно заметить, что внешне этот полис еще сохраняет автономию. Упоминается народное собрание, продолжает действовать полисная конституция, имеет место докимасия баллотирующихся на должности. Парфянский царь обращается к полису непосредственно, минуя промежуточные инстанции. Однако наличие в городе царских контролеров, могущих оказать серьезное влияние на внутреннюю жизнь полиса, сам стиль послания, в котором царь идет на нарушение полисной конституции и буквально диктует свою волю горожанам, называя на ответственный пост своего ставленника, говорят о том, что самоуправление полиса потеряло свое реальное содержание, его автономия клонилась к упадку и город постепенно оказывается под контролем царской власти.

Некоторые Бисутунские надписи [375] позволяют зафиксировать наличие определенного числа македонских поселенцев в Мидии, что важно для характеристики этнического состава населения в этом районе Парфянского царства. Аналогичный материал более позднего времени из Урука-Варки [535] и Вавилона [589, № 37—39] несет данные о продолжавшемся процессе эллинизации в среде гражданского коллектива полисов при парфянах, выражавшемся в том, что местные жители принимают вторые, греческие имена.

Как и во времена Селевкидов, при парфянах в греческих полисах имела место практика отпуска рабов на волю. Ряд грекоязычных надписей из Суз, представляющих собой манумиссии [589, № 15—26; 96, с. 41—54], мало чем отличаются от аналогичных документов сселевкидского времени. Все они составлены по единому образцу, со строгим соблюдением норм греческого права. Эти документы позволяют охарактеризовать некоторые аспекты социально-экономических отношений в Парфянском государстве, скудно освещенные в источниках иного рода.

Надписи помогают понять многие важные аспекты внутренней политики Аршакидской династии, например забота царской администрации о сохранении и развитии ирригационной системы в государстве [589, № 12—14].

При оценке административного устройства Парфянского царства и, в частности, роли царских чиновников в полисах, нельзя обойти молчанием ряд надписей из Дура-Европос [295]. Некоторые из них дают сведения для решения такого сложного вопроса, как объединение в одних руках должности стратега — высшего государственного магистрата и эпистата, назначаемого

царем для наблюдения за полисами. Сопоставление дуранских документов разного времени дает возможность отметить, что до II в. н. э. разделение этих должностей между двумя разными лицами было правилом, соединение же их фиксируется редко. Для позднего времени характерно противоположное явление. Это подтверждается и анализом вавилонских надписей.

Эпиграфический материал парфянского времени отражает некоторые детали и особенности культурной жизни населения греческих полисов при новых властителях. В таких полисах, как Вавилон, Селевкия на Эвлее, продолжали справляться гимнастические и гимнические игры. Стихотворные посвящения и декреты [589, № 11—14], написанные на хорошем греческом языке, поражают тонкостью стиха и полным соблюдением норм греческого стихосложения. В Вавилоне при парфянах продолжала существовать палестра во главе с гимнасархом, чей авторитет высоко ценился среди горожан. Достаточно сказать, что в одной из вавилонских надписей он упомянут в качестве эпонима города [589, № 39]. При вавилонском гимнасии существовала организация эфебов и неотов. Есть сведения о наличии гимнасии и в Сузах-Селевкии на Эвлее [589, № 3].

Греческий театр (типично полисный атрибут) сохраняет свое значение и при парфянах. Вавилонская надпись II в. н. э. упоминает театр [629, с. 49], а археологические материалы полностью подтверждают эти сведения.

Надпись из Урука-Варки [446, с. 104—114] свидетельствует о том, что даже в III в. н. э. греческий язык употреблялся парфянской администрацией для составления официальных документов, причем декреты записывались в стандартной для всего грекоязычного мира форме. Документ того же времени из Ниневии [589, № 37] говорит о такой стойкой традиции, как использование для определения месяцев года македонского календаря.

Грекоязычные надписи из Мидии, сопровождающие рельефы парфянских царей Митридата II и Готарза [375, с. 35], также сообщают интересный материал о сохранении традиций использования греческого языка в качестве языка официальных документов. Сочетание наскального рельефа, типичного для иранского официального искусства, с надписями на греческом языке, имеет важное значение для понимания некоторых аспектов политического и идеологического характера. К тому же это свидетельствует о том, что греческий язык был понятен и долго бытовал среди местного населения.

Как известно, проблема религиозного синкретизма в период эллинизма является одной из наиболее сложных. В связи с этим эпиграфический материал в некоторых случаях дает возможность ответить на ряд вопросов, связанных с местом греческих божеств и их местных двойников в религиозной

жизни населения парфянского государства. Например, некоторые надписи сузского корпуса [589, № 14, 24] позволяют выявить синкретический характер культа, включающий греческую Артемиду и восточную Нанайю, а также, возможно, греческого Аполлона и восточного Митру. В Сузах обнаружена и посвященная надпись сирийской богине Ма [589, № 10].

Итак, эпиграфический материал в большинстве случаев раскрывает картину политического, экономического и социального развития Парфии, а привлечение источников другого рода (в большей мере нумизматических) позволяет эту картину обрисовать еще более полно.

Пергамены и папирусы. Ранее подчеркивалось, что единственной значительной коллекцией пергаментов и папирусов, происходящей из пределов Парфянского царства, является коллекция этих документов, собранная при археологических работах в Дура-Европос [318]. Датируются они по-разному — от времени Селевкидов вплоть до римского времени, но определенная часть этих документов относится к периоду господства в этой пограничной крепости на Среднем Евфрате парфян.

Типы документов этого корпуса весьма разнообразны: это различного рода брачные контракты, акты передачи имущества, документы о разделе дома и т. п., договоры об аренде, долговые расписки. Сведения, которые содержатся в них, несут важную информацию о различных сторонах жизни населения этого рядового городка Парфянской державы. К примеру, очень важны свидетельства о займах нескольких типов — ипотеке [318, № 22], антихрезах как «персонального» или «личного» характера [318, № 20, 21], так и обычных [318, № 23], анализ которых в комплексе с данными нарративного характера позволяет судить о социальной структуре парфянского общества, верхушку которой занимали иранцы-функционеры центральной власти и граждане полиса греко-македонского происхождения. Ниже шли граждане полиса местного арамейского происхождения, но связанные уже кровными узами с потомками первых греко-македонских переселенцев, неграждане — метеки, носящие греческие имена, наконец, простые жители округи арамейского происхождения. Упомянуты в пергаменах и рабы, занимавшие самое низкое социальное положение.

Упомянутые займы-антихрезы «персонального» или «личного» характера [318, № 20, 21] представляют большой интерес в свете характеристики такого явления в Парфянской державе (первых веков новой эры), как долговое рабство. Должник, принимающий условия такой антихрезы, попадая в личную зависимость от своего кредитора, был обязан последнему вместо денежной или натуральной уплаты процентов за свой заем отработать эти проценты личным трудом. Таким образом, должник попадал в так называемую зависимость «рабского» типа, поскольку в контракте оговаривалось, что он выполняет

в доме своего хозяина «рабские работы». Некоторые исследователи склонны видеть в этом проявление явных черт феодальных отношений в Парфии начала новой эры и называют таких кабальных должников «крепостными». Однако более тщательное изучение приведенных документов не подтверждает эту мысль. Можно говорить лишь о тенденциях зарождения отношений новой формации в недрах рабовладельческой формации.

Представляет большой интерес просопографический анализ этого типа источников. Даже в последние периоды существования Парфянского царства очевидно привилегированное положение греко-македонских фамилий, в число которых, впрочем, проникают и лица местного, арамейского происхождения, носящие уже греко-арамейские имена. Иранские имена встречаются не часто, но, судя по всему, их обладатели пользовались наряду с греками и македонянами, потомками первых колонистов, такими же большими привилегиями.

Весьма важно, что все подобные контракты составлены по строгим греческим образцам: это свидетельствует о стойком сохранении эллинистической юридической практики в восточноэллинистических полисах и при парфиянах. Некоторые аналогичные юридические установления находят свои параллели и в более поздних кодексах, например в Сасаанидском судебнике.

Анализ этой категории источников будет не полон, если не упомянуть Авроманские пергамены, найденные в начале XX в. в Иранском Курдистане. Опубликованы три таких документа [453; 57], написанные на пергамене, причем два из них содержат тексты на греческом языке, один — на пахлави (парфянском). Несмотря на нерешенную до сих пор проблему точной датировки этих документов, можно с уверенностью считать, что все они относятся ко времени существования Парфянского государства.

Авроманские пергамены являют собой контракты о продаже виноградников, и, как считается большинством исследователей, указанные сделки совершаются внутри земледельческой общины. На основании анализа этих сделок можно сказать, что обработка земли общинниками носила принудительный характер и рассматривалась как государственная повинность. Крестьянин-общинник оказывается как бы прикрепленным к земле, и его право на данный земельный участок связано с выплатой определенного налога, что свидетельствует о новых тенденциях в экономической жизни Парфянского государства последних периодов. Важно также отметить, что при анализе Авроманских пергаменов выявляются некоторые сведения, проясняющие картину проникновения денежных отношений и земельных сделок в общины, располагающиеся в одном из глубинных районов Парфии.

Из папирусов для выяснения интересующих нас вопросов можно привлечь сведения такого важного источника, как «Па-

пирус Гуроб», содержащий материалы, иллюстрирующие поход Птолемея III Евергета в Северную Сирию и Месопотамию в 246 г. до н. э., т. е. некоторое время спустя после отпадения Парфии от Селевкидского государства.

Острака. Значение этого вида документальных источников по истории Парфянской державы неизмеримо возросло в результате работ советских археологов на городищах Нисы (царской резиденции Аршакидов), где был обнаружен хозяйственный архив, состоящий из более 2700 документов, написанных на обломках сосудов [54; 55]. Эти документы составлены на парфянском языке с использованием арамейской графики с большим количеством арамейских идеограмм. Большинство острака представляют собой учетные документы, происходящие из царских складов. Все они несут важнейшую информацию о деятельности царского хозяйства и являются важнейшим источником для изучения парфянской государственно-административной, земельной и налоговой системы, политической истории, генеалогии Аршакидской династии, топонимике, ономастике, календарю.

Помимо острака из Нисы важно упомянуть ряд острака из Дура-Европос, несколько надписей на сосудах из Куня-калы (пригород Ашхабада), из поселения Коша-депе близ Бабадурмаза (Туркменская ССР), а также из крепости Игиды, расположенной на Узбое (Туркменская ССР). В большинстве своем это хозяйственные записи, однако некоторые из них, например острака из Коша-депе, можно отнести и к памятникам эпистолярного жанра.

Клинописные документы. Как при Селевкидах, так и в начале парфянского владычества в некоторых городских центрах, например в Вавилоне и в Селевкии на Тигре, продолжала использоваться клинопись. Хотя для парфянского периода этот вид документов не столь характерен, как для предыдущего, селевкидского, однако и он дает довольно интересную и ценную информацию по истории раннего периода существования Парфянского царства [158]. Так, несмотря на то, что в самом начале парфянского владычества контракты, записанные клинописью, практически исчезают (в частности, в Вавилоне), использование этого вида письма еще продолжается около полувека. В связи с этим было высказано следующее предположение: исчезновение подобных контрактов в парфянском Вавилоне связано с тем, что ранее, при Селевкидах, члены гражданско-храмовых общин обладали определенными привилегиями в виде освобождения от пошлин за сделки и от налогов. Парфяне же, пришедшие на смену прежних правителей, отменили эти важные привилегии, что, естественно, привело к постепенному исчезновению такого вида документов. Эти факты подтверждаются другими источниками, которые также отмечают общую тенденцию парфянских властей к постепенному

уничтожению автономии и независимости городских центров Парфянской державы.

Нумизматический материал. Данные, полученные с помощью изучения монет, позволяют выяснить ряд фактов, которые не удается установить по данным иных типов источников. Однако парфянская нумизматика разработана еще недостаточно. До сих пор нет сводных работ¹, рассматривающих денежное обращение на всей территории Парфянского царства. В распоряжении исследователя имеются лишь публикации, посвященные истории отдельных монетных дворов: Селевкии на Тигре [430], Дура-Европос [237], Суз [573, 421], Экбатан [390, с. 324—343], Нисы, Митридатокерта. Этот материал очень важен для выяснения процессов, приведших к отпадению Парфии от государства Селевкидов, для анализа становления здесь местной государственности. Монеты в комплексе с другими видами исторических источников могут ответить на некоторые еще не решенные проблемы парфянской истории [91].

Археологический материал. Археологические изыскания были проведены на территории Месопотамии и Западного Ирана, а также на территориях северо-восточной Парфии. Раскопки г. Сузы, одного из наиболее крупных парфянских центров, были начаты еще в XIX в. В. Лофтусом [428]. В 80-х годах XIX в. на городище Суз работал М. Дьелафуа [304]. Затем работы были продолжены Французской археологической миссией². Кроме архитектурных комплексов, относящихся ко времени парфян, здесь были найдены надписи на греческом языке этого периода.

В Селевкии на Тигре раскопки осуществлены силами сотрудников Мичиганского университета и Толедского музея (США) под руководством Л. Уотермена [431]. Результаты работ итальянских археологов в этом регионе периодически

Рис. 5. Монета парфянского царя Готарза. На лицевой стороне изображение царя, на оборотной — основателя династии Аршака I.

публикуются в сборнике «Mesopotamia». Раскапывался также такой городской комплекс, как Дура-Европос, принесший исследователям коллекцию пергаменов и папирусов на греческом языке, грекоязычные надписи и граффити, а также великолепные образцы парфянской живописи. Эти раскопки были начаты в 20-х годах нашего века Ф. Кюмоном [295] и продолжены совместной экспедицией Французской Академии надписей и Иельского университета [317]. Благодаря раскопкам был обнаружен богатый материал, открыт некрополь. Эти работы позволяют проследить развитие архитектурных комплексов храмового и светского назначения одного из городов парфянской Месопотамии [90].

Важное значение имеют работы на Сузской равнине, где в результате сплошного археологического исследования памятников различных периодов, и в частности парфянского, были получены очень интересные данные, касающиеся социально-экономического развития отдельной области в составе Парфянского государства [628].

Ценные материалы по истории Парфии дают раскопки двух религиозных комплексов в Сузиане—Бард-е Нешанде и Масджид-и Сулейман [345; 94].

Неоценимы результаты работ Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции под руководством М. Е. Массона [120; 180], которая обследовала обширные территории ядра Парфянской державы — Парфиины и, в частности, произвела раскопки городищ Нисы — первой столицы Парфянского государства. Здесь были обнаружены остатки парфянской царской сокровищницы, глиняные и мраморные статуи, металлические украшения, оружие, богато украшенные ритоны из слоновой кости и т. д. На городищах Нисы, как указывалось выше, обнаружен царский хозяйственный архив.

ГРЕКО-БАКТРИЙСКОЕ ЦАРСТВО

Бактрия, страна с высокой и древней культурой, вскоре после отпадения от государства Селевкидов, происшедшего одновременно с отделением Парфии, стала центром независимого политического объединения, известного как Греко-Бактрийское царство (ок. 250—140-130 гг. до н. э.). История этого государственного образования изучена слабо из-за крайней ограниченности источников и их значительной фрагментарности. Имеющиеся материалы позволяют реконструировать в лучшем случае отдельные события политической жизни Греко-Бактрии. Тем не менее традиционное деление источников на документальные и нарративные остается в силе и в данном случае.

Сведения античных авторов. Для исследования основных моментов политической истории Греко-Бактрии важнейшее значение имеют сведения *Полибия*, *Помпея Троа* (*Юстина*) и *Страбона*. Весьма краткие и отрывочные, они тем не менее позволяют в общих чертах восстановить картину событий, приведших к образованию и падению Греко-Бактрийского царства. Так, Юстин сообщает, что во время 1-й Пунической войны в консульство Луция Манлия Вульсона и Марка Аттилия Регула «отложился и Диодот, правитель тысячи бактрийских городов, и приказал именовать себя царем» (Just., XLI, 4, 5). В это же время отделилась от Селевкидов и Парфия, при этом Страбон отмечает, что не все, писавшие об этих событиях, согласны с тем, что Аршак, основатель этой державы, происходил из парфянских кочевников. Есть мнение о том, что он был бактрийцем, не желавшим господства Диодота над Парфией (Strabo., XI, 9, 3). Таким образом, подчеркиваются противоречия между этими новыми государствами, появившиеся сразу после их образования. Эти же данные подтверждают наличие разных версий происхождения династии Аршакидов (см. выше).

Важные, но очень краткие сведения о первых периодах существования Греко-Бактрийского царства содержатся в сообщении Юстина о заключении договора Диодота II и Аршака, обезопасившего греко-бактрийские территории от селевкидского наступления (Just., XLI, 4, 8—10).

Полибий передает некоторую информацию о событиях, связанных с попытками селевкидского царя Антиоха III восстановить власть над утраченными восточными сатрапиями. Важен упоминаемый здесь факт заключения мирного договора между бактрийским царем Евтидемом и Антиохом III (206 г. до н. э.), приведшего к ослаблению Парфии и создавшего благоприятные условия для политического подъема Греко-Бактрийского царства (Polyb., XI, 34, 2—5).

Интересны данные Страбона о территориальном росте этого государства на юг вплоть до низовьев Инда при царях Менандре и Деметрии (Strabo., XI, 11, 1). Юстин и Страбон дают некоторые сведения о внешнеполитической деятельности Евкратида, которому пришлось столкнуться с усилившейся Парфянской державой (Just., XLI, 6, 1—5; Strabo., XV, 1, 3; XI, 9, 2).

Источники из сопредельных стран. Определенное значение для изучения истории Греко-Бактрийского царства имеют китайские источники; из которых обычно привлекаются сведения из отчета *Чжан Цяня* о посещении Ферганы, вошедшие в состав «Исторических записок» *Сыма Цяня* (II—I вв. до н. э.), данные из истории первой династии Хань (I в. до н. э.). Их использование возможно лишь для исследования послед-

него периода существования Греко-Бактрийского царства и его падения.

Китайские хроники сообщают, что Бактрия была покорена группой кочевых племен, названных в источнике юечжами, которые были вытеснены из Центральной Азии гуннами [20, т. II, с. 183—184]. Эти же источники позволяют сделать вывод, что юечжи не были единственной народностью, покорившей Греко-Бактрийское царство [20, т. II, с. 179, 190, 191]. С их помощью можно в общих чертах определить хронологию событий, приведших к падению этого государства [119, с. 133—134].

Однако при использовании китайских источников возникает проблема согласования их данных и сведений, содержащихся у античных авторов. Определенные трудности возникают и при анализе китайских терминов, как этнических, так и географических.

§ 2. ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Данные археологии. Регулярные археологические работы на территории Греко-Бактрийского царства, начатые совсем недавно, позволяют в определенной мере пополнить круг немногочисленных свидетельств по истории этого государства. Благодаря работам французских археологов на городище Ай-Ханум (в Северном Афганистане) [326; 243; 558; 554] был обнаружен греческий эллинистический город, имевший регулярную планировку, причем главная улица, идущая от городских ворот, была снабжена колоннадами. Ряд открытых здесь архитектурных памятников характеризуется наличием греческих черт. В комплексе зданий центра города найден типично греческий перистильный двор родосского типа.

Скульптура, как целая, так и фрагментированная, изготовлена по греческим образцам и является скорее всего произведением греческих мастеров. Важно отметить найденный археологами гимнасий, традиционно являющийся неизменным атрибутом греческого полиса, а также «героон ктиста» города.

Важные данные были получены при археологическом исследовании городища Чарсада, расположенного к северо-востоку от Пешавара [630; 297]. Раскопки позволили выяснить, что именно после греко-бактрийского завоевания город получает регулярную планировку. Это можно рассматривать как свидетельство того, что на месте древнего индийского города Пушкалавати был основан полис. Такой факт подтверждает мнение о том, что греческое завоевание являлось не только военной акцией, но и сопровождалось попытками колонизации завоеванных территорий [88, с. 169].

С помощью раскопок Чарсады появилась возможность пра-

вильной интерпретации материалов другого индийского города — Таксилы [444; 346; 631; 71], который стал греко-бактрийским примерно с 180 г. до н. э. В это время город переносится на другое место и строится в характерной для эллинистического времени регулярной планировке. В архитектуре Таксилы также прослеживаются греческие черты, в первую очередь это относится к городским укреплениям и храмовым постройкам.

Раскопки Бактр, столицы государства [341; 556], Саксанохура [108а, 128] (на юге Таджикистана), Беграма [344; 41] и др. значительно осложнены их многослойностью. Однако все эти города содержат слои, относящиеся ко времени Греко-Бактрийского царства.

Эпиграфический материал, острака, папирусы. В результате археологических работ на городище Ай-Ханум были обнаружены надписи на греческом языке [326, с. 207—237; 527, с. 416—457], анализ которых дает достаточно надежный материал для сопоставления их данных со сведениями источников других типов. Так, в одном из зданий, определяемом по планировке как гимнасий, найдено посвящение Гермесу и Гераклу — божествам, которые почитались преимущественно в гимнасиях. Это прежде всего подтвердило выводы археологов о функциональном назначении этого здания и также подчеркнуло значение такого типично греческого учреждения в столь отдаленном от метрополии пункте с греко-македонским населением.

Другая надпись, найденная в герооне Ай-Ханум, несет сведения о том, что некий Клеарх скопировал известные «максимы мудрецов» из Дельф и воспроизвел их на стеле. Здесь же были записаны пять из этих изречений. Имя автора надписей вполне определенно можно связать с Клеархом из Сол, перипатетиком, что позволяет подтвердить мнение о переселении на восток в греко-македонские колонии не только крестьян,

Рис. 6. Монета греко-бактрийского царя Зоила. Монета чрезвычайно редкой прямоугольной формы. На лицевой стороне изображен царь, на оборотной — палица Геракла и лук в горите

воинов, ремесленников и торговцев, но и представителей интеллектуальной элиты греческого мира.

Кроме указанных надписей из Ай-Ханум происходит остракон и несколько папирусов, представляющих собой документы хозяйственной отчетности.

Нумизматический материал. Ввиду скудости других видов источников нумизматический материал является нередко единственным, несущим информацию по истории Греко-Бактрии. До нас дошло большое число монет, выпущенных от имени нескольких десятков правителей, в последовательности и взаимосвязи царствования которых очень нелегко разобраться. Большинство из них не зафиксированы в письменных источниках, не до конца ясен вопрос о соотношении одноименных царей, не решена до сих пор проблема монетных дворов Греко-Бактрийского царства.

Тем не менее нумизматический материал все же дает в руки исследователя интересные сведения. Лучшая сводка монет правителей этого царства принадлежит А. Н. Лахири [409]. Важны также работы А. К. Нарайна [471; 470], сохраняют свое значение каталоги П. Гарднера [342] и В. Смита [584].

Возникшее в период распада державы Александра Македонского царство Птолемеев стало одним из крупнейших государств эллинистического мира. Хотя его ядром всегда оставался Египет, в период наивысшего подъема оно охватывало также Киренаику, Южную Сирию, Кипр, ряд территорий на южном и западном побережье Малой Азии, некоторые острова Эгейского моря. Просуществовало оно вплоть до 30 г. до н. э., когда было захвачено римлянами и превращено в личное владение императора.

§ 1. ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ

Поскольку государство Птолемеев было одним из крупнейших государств эллинисти-

ческого мира, проводившим активную внешнюю политику, то естественно, что различные факты его истории нашли в той или иной форме отражение в произведениях античных авторов. Вместе с тем до нас не дошло ни одного произведения, которое бы давало целостный очерк истории царства Птолемеев. Одним из важнейших источников по истории государства Птолемеев является сочинение *Полибия* «Всеобщая история». Однако фрагментарный характер основной части произведения приводит к тому, что в нем с определенной степенью подробности освещаются только некоторые, сравнительно краткие периоды истории этого государства (главным образом царствование Птолемея IV Филопатора и время непосредственно после его смерти). Ценность сохранившихся свидетельств Полибия всегда очень высока вследствие как полноты использованных им документальных материалов, так и самого подхода автора (трезвого, рационалистического, стремящегося к выявлению взаимосвязей). Для некоторых периодов истории Египта, особенно для освещения внешнеполитических событий, свидетельства Полибия представляют собой, в сущности, единственный источник. Например, начальный период войны между Антиохом III и Птолемеем IV освещается только им [636, т. II, с. 23]. Очень важны также некоторые общие наблюдения Полибия, позволяющие лучше понять внутренние процессы развития государства Птолемеев (например, заключение Полибия относительно связи победы над Антиохом III при Рафии и последующими восстаниями местного населения против власти Птолемеев [498, с. 157; 636, т. II, с. 35]). Важны также выводы Полибия относительно роли внеегипетских владений Птолемеев

Рис. 7. Папирус III в. до н. э. с текстом «Одиссеи» Гомера

в формировании общей политики первых царей этой династии. Вместе с тем труд Полибия не свободен и от определенной тенденциозности. В частности, в обрисовке внутренних процессов в царстве Птолемеев он явно стоит на позициях превосходства греков над местным населением [636, т. II, с. 92]. Имеются у него и хронологические неувязки [636, т. II, с. 95].

Определенную ценность для изучения истории государства Птолемеев имеет произведение *Помпея Трога* «*Historiae Philippicae*», известное нам в сокращении *Юстина*. Хотя в основе этого произ-

ведения лежит, видимо, очень полный и добросовестный источник, сокращение, произведенное Юстином, сказавшись на изложении истории Птолемеев самым тяжелым образом. История этого государства передана чрезвычайно неравномерно, ранние этапы ее изложены очень кратко, целые большие периоды вообще исчезли. Поздняя история Птолемеев освещена более подробно.

В соответствии с общими идеями автора, в частности в связи с его концепцией пагубности власти, приводящей к моральной деградации и общества, и личности [65; 64], Юстин обязательно рассказывает о борьбе внутри птолемеевского дома, сопровождающейся многочисленными случаями отцеубийства, братоубийства и т. п. преступлениями. Так, сравнительно полно обрисовывается правление Птолемея IV, ибо оно дает многочисленные подтверждения основному тезису Юстина. Очень характерно, что важнейшему событию того времени — битве при Рафии — уделяется всего несколько строк, тогда как развратное поведение двора монарха описывается почти детально. Еще более подробно обрисовывается моральная деградация правящего дома на примере правления Птолемея Фискона. Для достижения определенных эффектов Юстин смело смешал во времени исторические события. Еще А. Буше-Леклерк показал, как деформировалась историческая действительность в этом сочинении при описании событий конца II — начала I в. до н. э. В духе своих концепций эпитоматор устанавливает весьма произвольные связи между событиями, в реальности между собой никак не связанными (например, между смертью Клеопатры III и переворотом в Александрии, результатом которого было изгнание Птолемея Александра) [260, т. II, с. 103 сл.]. Иногда эпитоматором делались весьма грубые ошибки при сокращении оригинального текста. Так, при описании похода Антиоха IV в Египет путаются Птолемей VI и Птолемей VIII, 6-ая сирийская война помещается после 146 г. до н. э. [636, т. II, с. 265—266]. Иногда опускаются самые важные факты, благодаря чему искажается общая картина: при описании битвы при Рафии исчезло самое основное — мобилизация Птолемеями местного населения в армию, что и стало причиной победы. В контексте же изложения Юстина только действия отрядов греческих наемников привели к победе.

В произведении Юстина проглядывает иногда и тенденциозность привлекающихся Трогом источников. Хотя автор отрицательно относится ко всем государствам, проводящим завоевательную политику (в том числе и римскому), проримская настроенность использованных им источников в освещении отдельных фактов все же прослеживается достаточно отчетливо. В его изложении, например, Рим начинает войну с Антиохом III из-за защиты интересов Египта. Проримская тенденция видна и при обрисовке причин войны Антиоха IV с Египтом.

В целом можно сказать, что данное произведение — весьма сложный и трудный в интерпретации источник. Необходимо постоянно помнить о его своеобразии, но при этом нельзя также забывать, что факты, которые сообщает автор, как правило, правдивы, хотя очень часто поставлены в иной исторический контекст и неправильно истолкованы. Необходимо также учесть, что иногда хронологические определения Юстина более точны, чем у иных авторов, считающихся более достоверными. Так, в этом произведении указывается правильная дата смерти Птолемея IV (что подтверждается папирусами) [636, т. II, с. 94].

Некоторые сведения по истории Египта содержатся в сочинении *Аппиана*. К сожалению, XVIII—XXI книги его труда, посвященные Египту, не сохранились совершенно. Это тем бóльшая потеря, что сам Аппиан был уроженцем Александрии и хорошо знал источники по истории Египта птолемеевского времени. Некоторые сведения о египетской истории, естественно, появляются в других частях его труда, в частности в «Сирийских делах», «Македонских делах», «Митридатых войнах» и «Гражданских войнах», т. е. тогда, когда события, описываемые им, связаны в какой-то степени с Египтом. В труде Аппиана достаточно отчетливо прослеживаются проримские симпатии автора и соответственно оправдание римской политики. Такова, например, обрисовка им событий времени войны Антюха IV с Египтом. У него имеются и фактические ошибки. Так, при описании событий конца II в. до н. э. постоянно упоминается Птолемей Филопатор, хотя в действительности царем Египта в это время был Птолемей Епифан.

Важнейшим источником по истории Египта является «География» *Страбона*. В этом сочинении Страбон посвятил Египту значительную часть XVII книги. Помимо литературных источников он широко пользуется и личными наблюдениями. По мнению современных исследователей, «описание Египта и Ливии принадлежит к числу самых блестящих книг Страбона» [171, с. 788]. В общем, чисто исторических сведений у Страбона немного, хотя они постоянно включаются в ткань повествования. Основная ценность «Географии» заключается в том, что она дает очень широкую картину природных условий, характера хозяйства, бытовых особенностей Египта, что позволяет лучше понять и собственно исторические проблемы. У Страбона содержится достаточно подробное описание Александрии, которое служит основой для всех современных попыток реконструкции топографии города. Хотя произведение Страбона написано во времена императора Августа, основные черты хозяйства и этнографии, зафиксированные им, имеют значительную ценность и для II—I вв. до н. э. [63, с. 50].

Определенные свидетельства по истории Египта в птолемеевскую эпоху имеются и у других древнегреческих авторов.

Следует назвать *Плутарха*, который несколько раз в своих произведениях касается Египта, всякий раз, правда, попутно. Наибольшее значение для истории государства Птолемеев имеет его биография спартанского царя Клеомена, окончившего свою жизнь в Египте. Некоторые сведения мы находим в труде *Павсания* «Описание Эллады». Наиболее интересен его рассказ о гражданской войне в Египте в 80-х годах I в. до н. э., основанный на иных источниках, нежели источники Юстина (Помпея Трога) [63, с. 41 сл.]. Сообщения *Диодора* наиболее важны для самого начала царствования Птолемея I, крайняя фрагментарность последующего текста делает затруднительным использование его для обрисовки истории Птолемеев, хотя в отдельных сохранившихся частях его и имеются ценные указания.

Интересные свидетельства сохраняются и в чисто литературных произведениях. Так, в одной из «Идиллий» *Феокрыта* содержится перечисление заморских владений Птолемеев. Некоторую ценность для историка имеют произведения другого александрийского поэта — *Каллимаха*.

Среди римских авторов наибольшее значение имеют сообщения *Тита Ливия*, в значительной мере основанные на полибевой традиции, хотя и соединенные с традициями анналистики, а для событий I в. до н. э., особенно времени гибели царства Птолемеев, — свидетельства *Цицерона*, *Цезаря*, *Светония*.

Сочинения *Иосифа Флавия* и «Книги Маккавеев» особенно важны для истории взаимоотношений между Птолемеями и Селевкидами и их борьбы за Келесирию. У *Иосифа Флавия* имеются данные и об экономической политике Птолемеев в их внеегипетских территориях, в частности о системе откупа и ее практическом применении.

Из христианских авторов известную ценность имеют *Евсевий* и *Иероним*, особенно для установления хронологии.

* *
*

Активное участие государства Птолемеев в международной политике того времени, тесные связи со всем Восточным Средиземноморьем, естественно, приводят к тому, что его история отражается в источниках не только собственно египетских. Однако основной особенностью (с точки зрения источниковедения) истории Птолемеевского царства является чрезвычайное обилие документов, написанных на особом писчем материале — папирусе. Это ставит изучение истории Птолемеевского Египта в особое положение по сравнению с другими государствами эллинистического мира, да и вообще по сравнению со всеми античными государствами.

К числу документальных источников относятся папирусы греческие и демотические, острака, надписи, монеты и данные археологии. Важнейшими являются папирусы. Всего в настоящее время, по подсчетам некоторых исследователей, известно до 40—50 тыс. этих документов. Конечно, нельзя думать, что папирус как писчий материал использовался только для деловой переписки. Среди папирологических находок важное место занимают и литературные тексты. Только благодаря им стали известны «Афинская полития» Аристотеля, ряд комедий Менандра, речи Гиперида, так называемый «Оксиринхский историк» и т. д. Кроме того, наличие текстов известных ранее литературных произведений позволяет получить представление о круге чтения образованного населения Египта того времени, о популярности тех или иных авторов — словом, осветить некоторые существенные стороны истории культуры.

Однако основное значение папирусов заключается в том, что они дают огромное количество чисто документальных свидетельств, являясь чем-то вроде современных архивов. Они знакомят нас с экономикой, социальными отношениями, политической организацией, административными порядками, бытом, культурой и идеологией различных слоев населения Египта. Этот материал только в редких случаях подвергался литературной обработке и, следовательно, непосредственно отражает действительность того времени. Его появление было вызвано повседневными нуждами и потребностями государства и отдельных лиц [63, с. 12].

Изучением папирусов занимается особая вспомогательная историческая дисциплина — папирология. Точное ее определение дать трудно, так как, с одной стороны, основным объектом ее изучения являются папирологические документы, написанные на греческом и латинском языках и, таким образом, тексты, написанные на папирусе, но датируемые временем до Александра и временем после завоевания Египта арабами (641 г. н. э.), не входят в сферу интересов папирологии. С другой стороны, папирология:

Рис. 8. Птолемей I. (Около 280 г. до н. э.)

ранее не включала в себя исследование демотических (т. е. написанных на египетском языке эллинистического времени) документов, теперь же изучение их становится одной из отраслей папирологии. Одним словом, как указывают современные исследователи, папирология имеет тенденцию превращаться из вспомогательной дисциплины в науку, объектом которой становятся все сферы истории птолемеевского, римского и даже византийского Египта [300].

Папирология как особая дисциплина родилась в конце XIX в. в результате широкого поступления в музеи папирологических документов, находимых как случайно, так и при раскопках (и грабительских, проводившихся местным населением, и научных), хотя еще в эпоху Возрождения в руках европейских ученых имелось некоторое количество папирусов. Так, например, гуманист Джованни Джакомо Гринго (1540—1617 гг.) был обладателем греческого папируса, но он принимал греческий курсивный текст за турецкий. Подлинный характер этого документа был выяснен только в 1917 г. [458, с. 30].

Первый греческий папирус, происходящий из Египта, был изучен и опубликован в 1788 г. Этот документ, называемый обычно «папирусом Шоу» (по имени первого издателя) или Charta Borgiana (по имени владельца), был приобретен итальянским купцом в 1778 г. у арабов около Гизы. Затем он был продан кардиналу Стефану Борджиа, который и поручил его издание профессору Копенгагенского университета Нильсу Иварсену Шоу.

В первой половине XIX в. в Европу поступило небольшое количество папирусов, приобретаемых главным образом английскими и французскими дипломатами и путешественниками. Настоящий бум начался в 1877 г. благодаря поступлению в Европу огромного количества папирусов, найденных при грабительских раскопках в Фаюме. Несколько позднее начались и научные раскопки, в ходе которых было обнаружено большое число различного рода папирусов. В числе первых исследователей были Ф. Петри, Б. Гренфелл, Э. Хант и др. Однако значительная часть папирусов, находящихся сейчас в распоряжении ученых, не имеет точного паспорта, так как они поступали в государственные и частные коллекции в результате покупок у местного населения. Местные жители не только продавали различным лицам папирусы, найденные совместно и составлявшие в древности единую коллекцию документов, но часто разрезали один документ и продавали по кусочкам, так что нередки случаи, когда фрагменты одного и того же документа оказываются в различных музеях и даже на различных континентах. В настоящее время крупнейшие коллекции папирусов имеются в Египте (Каирский музей), в Англии (Британский музей и Оксфордский университет), во Франции (Националь-

ная Библиотека в Париже), а также в музеях Нью-Йорка и Анн Арбора (США), Вены, Флоренции и Берлина. Коллекции папирусов, хранящихся в советских архивах, были изданы еще в 20—30-х годах (под руководством Г. Ф. Церетели) [488].

Одна из наибольших трудностей, связанных с использованием папирологических документов, заключается в их большом числе и разнообразии по разным коллекциям и изданиям. Как справедливо указывал К. К. Зельин, уже на стадии сбора материала исследователь сталкивается с немалыми затруднениями: о привлечении всех источников по данному конкретному изучаемому вопросу «едва ли может идти речь» [63, с. 15]. Не говоря уже о неопубликованных папирусах, подборка только опубликованных материалов представляет собой очень трудную задачу. Папирусные документы публикуются в десятках (если не сотнях) изданий. Помимо статей в специальных (и не специальных) журналах и сборниках можно отметить три основных варианта изданий собственно папирологического типа: 1) издание папирусов, происходящих из какого-либо определенного пункта (чаще всего полученных в результате раскопок); 2) издание папирусов, хранящихся в определенных собраниях (государственных или частных); 3) тематические сборники папирусов. Наконец, необходимо отметить еще различного вида подборки документов учебного типа, в которых документы группируются в соответствии с дидактическими целями.

Примером изданий первого типа могут служить папирусы из Тебтуниса. Они были найдены при раскопках Тебтуниса английскими археологами и публиковались начиная с 1902 г. [356]. Важность такого рода изданий очевидна. Они представляют собой единый комплекс документов или группу таких комплексов, освещающих различные стороны жизни определенного населенного пункта, часто на протяжении достаточно длительного исторического периода. Благодаря этому появляется возможность выявить определенные изменения в административной практике, фискальной политике, иногда общие изменения в социально-экономической ситуации. Нередко появляется возможность проследить судьбы какой-либо семьи или группы семей и на основе этого составить представление об эволюции определенных социальных групп населения Египта в рассматриваемый период. С другой стороны, в ряде случаев такие комплексы документов могут представить нечто вроде «мгновенного снимка» состояния дел в населенном пункте в какой-либо определенный момент: например, документы из Керкеосириса дают представление о распределении земли в деревне в зависимости от ее категорий (царская, храмовая, дарственная, земля клерухов и т. п.).

Вместе с тем необходимо помнить и о следующем обстоятельстве: подобные коллекции никогда не бывают полными,

число и характер документов, попавших в руки современного исследователя, определяются случайными факторами. Подобные архивы — это только фрагменты реальных древних архивов, либо сохранившихся частично, либо выброшенных за ненадобностью, либо использованных для каких-то иных целей. Например, документы из раскопок Флиндерса Петри в Гуробе и Хаваре были найдены в некрополе. Первоначально эти документы входили в состав архива архитектора Клеона и сменившего его на этом посту Феодора. Они включали как собственно документы (главным образом по организации мелиоративных работ), так и отрывки литературных произведений. Однако в дальнейшем эти папирусы за ненадобностью были выброшены и из них были склеены картонажи для мумий. К счастью, значительную часть документов удалось отделить друг от друга и прочесть [435].

Особую ценность имеют такие комплексы документов, которые можно связать с археологическими памятниками. Например, архив какой-то определенной семьи сопоставляется с археологическими материалами из раскопок ее жилища. К сожалению, в большинстве случаев этого сделать нельзя, так как ранние археологические работы были всецело направлены на поиски папирусов, а попутными археологическими материалами интересовались мало, фиксировали недостаточно, а то и вовсе не раскапывали те места поселения или некрополя, где не ожидали встретить папирусов.

Второй тип изданий определяется не первоначальной принадлежностью документов, а по учреждению или лицу, у которого они находятся в настоящее время. В подобных изданиях могут публиковаться первоклассные по своему историческому значению документы, но очень часто эти собрания папирусов составлены в результате случайных покупок, лишены паспортов и точная локализация документов затруднена. Бывает трудно решить вопрос о том, в какие первоначально архивы входили эти документы, и тем самым определить, с какими группами документов необходимо их сопоставлять, чтобы получить значимые исторические выводы. Примером подобного рода изданий могут служить публикации папирусов из коллекции лорда Амхерста и др. В тех случаях, когда свои папирусы публикует какой-то крупный музей, издатели стремятся выдерживать территориальный и хронологический принципы организации материала. Таковы, например, публикации папирусов Британского музея.

Важную роль играют тематические сборники папирусов. Одним из лучших изданий такого типа является подготовленный М. Ланже «Корпус указов Птолемея» [418], в котором собраны все документы этого типа. Это издание позволяет понять принципы законодательной деятельности царей этой династии и ее эволюцию. Кроме того, в сопоставлении этих до-

кументов лучше выявляются политические, социальные и экономические условия, породившие то или иное законоположение. Меньшей ценностью обладает другой тематический сборник — подготовленный В. Чериковером и А. Фуксом корпус документов, освещающих жизнь евреев в Египте [293]. Главным недостатком этого сборника является стремление издателей включить в него, как можно больше документов, иногда весьма сомнительных с точки зрения этнической принадлежности названных в них лиц.

Наилучшим изданием учебного типа до сего времени является работа У. Вилькена и Л. Миттайса [454], с которой должно начинаться всякое серьезное ознакомление с историей Птолемеев и важнейшими типами документов.

Кроме прочих трудностей, необходимо иметь в виду, что ранее изданные папирусы часто переиздаются вновь и при этом уточняются чтения текстов, иногда их даты, вводится новый комментарий и т. п. Для того чтобы облегчить работу над папирологическими источниками, в США и Бельгии делались попытки использовать для этой цели ЭВМ. Значительную помощь в работе над папирусами оказывают просопографические указатели. В настоящее время издана общая просопография птолемеевского Египта [496], а также ряд частных, в том числе просопография птолемеевского Кипра [450] и просопография лиц, имевших придворные должности [459; 460]. Журнал «Chronique d'Egypte» стремится оперативно информировать о всех новых папирологических изданиях.

Характерной особенностью папирологии является чрезвычайное разнообразие типов документов, представляющих объект исследования. Перечислим только самые основные: царские указы и письма, постановления двойкета, письма различных должностных лиц, поземельные описи, подагные документы разнообразного характера, акты об аренде земли, акты о купле-продаже, завещания, различного рода заявления на имя должностных лиц (в том числе и царя), протоколы судебных заседаний, договоры, счета, письма, частные записки расходов.

Обилие документов требует особого подхода к анализу каждого из них, а также сопоставления данных, полученных при анализе их различных типов. Однако есть ряд черт, которые присущи всем папирусам. Например, большинство их в той или иной степени повреждено, что часто не дает возможности точно датировать документ или оставляет читателя в неизвестности, о ком идет речь. Иногда как раз утраченное место, по-видимому, содержало ключ к пониманию всего документа. Мы не говорим уже о трудностях, связанных с прочтением документа, с общими палеографическими особенностями, со спецификой почерков, определенными нюансами в языке, наконец, с прямыми грамматическими ошибками. Часто, когда мы имеем дело

с «серийными» текстами, исследователь (в силу обилия материала и его разбросанности) может пропустить как раз тот документ, который дает ключ к пониманию всей серии [63, с. 13—14]. Иногда вновь найденный папирус (даже сравнительно частного порядка) может разрушить концепцию, которая существовала десятилетиями и была основана на многих, ранее известных документах. Так, например, случилось с концепцией «планирования посевов» в сельском хозяйстве птолемеевского Египта. Ранее считалось, что такой «план» спускался на места сверху, из Александрии. Однако после опубликования в 1954 г. папируса, хранящегося в США (в Йельском университете) и касающегося расписания посевов в одной из топархий Арсиноитского нома, стало ясно, что расписание составлялось на местах, а потом уточнялось и утверждалось в Александрии [142, с. 68 сл.; 609].

Только немногие папирусы представляют собой большие по объему, целостные по содержанию тексты. К числу таких документов принадлежит, например, «Инструкция эконому» [356, т. I, ч I, № 703], «Дикайомата» [305] и «Податной устав» Птолемея II Филадельфа [354]. «Инструкция эконому» (впервые издана с комментарием М. И. Ростовцевым) представляет собой документ не общего характера (как это часто утверждается в литературе), не инструкцию эконому в его обычной деятельности, но скорее руководство к обследованию нома с точки зрения потребностей текущего момента в целях умиротворения его населения и получения наибольшей выгоды для царской казны [63, с. 385]. В силу этого документ проливает свет как на общие принципы деятельности администрации Птолемея в экономической области, так и на те особые исторические условия, которые привели к появлению данного документа. Через всю инструкцию последовательно проходит идея спасительности бюрократического руководства, она проникнута стремлением все проконтролировать, всему произвести мелочный учет, всю работу проводить согласно указам, предписаниям, инструкциям [63, с. 384]. С другой стороны, в папирусе, датированном концом III в. до н. э., явно отразилось уже начало упадка хозяйства Египта, уменьшение государственных доходов, недовольство населения. Те меры, которые рекомендует инструкция эконому, порождены именно такой ситуацией.

Другой тип документа представляет собой «Дикайомата». В литературе считается, что это собранный для практического пользования сборник законов Александрии. В нем помещены предписания относительно лжесвидетельства, статьи о городском благоустройстве, о правовых последствиях необоснованной жалобы по поводу оскорбления действием, статьи по процедурным вопросам (принесение клятвы, вызов свидетелей), указания о расквартировании солдат, статьи о запрещении порабощения граждан Александрии согражданами и т. д. В це-

лом в документе содержится огромная информация о жизни египетского общества [21, с. 209 сл.].

Документы такого типа представляют значительную историческую ценность, они содержат в себе огромный объем информации, которая может быть проанализирована со многих точек зрения и дать сведения по различным вопросам истории Египта.

Основная масса папирусов, однако, представлена документами иного рода: небольшими, часто стандартными по форме и содержанию. Однако нельзя думать, что эти документы не могут дать интересных исторических сведений. Прежде всего, документы в птолемеевском Египте часто датируются по годам царствования царей и тем самым служат основой для установления хронологии. Иногда эта система помогает решить и иные вопросы. Так, благодаря наблюдениям над датировочными формулами документов удалось выяснить, какие области Египта в ходе междоусобной борьбы поддерживали Птолема VIII, а какие — Клеопатру II, поскольку в некоторых районах датировали документы по годам царствования Птолема, в других — по годам царствования Клеопатры, а в некоторых (видимо, спорных) — по годам царствования обоих [636, т. II, с. 362].

Но основное значение подобных кратких текстов заключается в ином. Будучи сгруппированы в определенные тематические, хронологические или территориальные серии, они дают информацию об определенных общих чертах в жизни Египта, о явлениях, характерных для больших групп населения, о динамике развития общества.

В папирусах, как правило, мало сведений о внешнеполитической истории Египта, и о состоянии страны в целом. Тем не менее имеются документы и того и иного характера. Некоторые папирусы освещают ряд вопросов внешней политики. К их числу принадлежит, например, знаменитый «папирус Гуроб» (см. выше), говорящий о птолемеевских завоеваниях в Сирии во время «войны Лаодики». Иногда в документах, прямо никак не связанных с внешней политикой, появляются сведения, проливающие свет и на внешнеполитические события. Так, в архиве Зенона содержится сообщение о путешествующих по Египту посланцах из далекого Боспорского царства. Интерпретация этого свидетельства о дипломатических связях между Боспором и Египтом породила обширную литературу [178].

Папирусы иногда позволяют определить истинную ценность тех или иных сообщений других категорий источников. Например, Иероним (ссылаясь на данные Порфирия) говорит о том, что селевкидский царь Антиох IV во время своего победоносного похода против Птолемеев провозгласил себя царем Египта. Это свидетельство ранее отвергалось исследователями, поскольку ни в одном из более ранних нарративных источников об

этом ничего не сообщалось. Однако папирусы подтвердили надежность сообщения Иеронима [636, т. II, с. 368].

Важнейшей категорией среди тех папирусных документов, которые дают информацию о всем Египте в целом, являются царские декреты. Все они собраны в «Корпусе», изданном Ланже. По ее подсчетам, сейчас известно 116 документов законодательного характера. Все они имеют огромную ценность для изучения самых различных сторон социально-экономической и политической жизни птолемеевского Египта. В них часто сообщается не только о решениях центрального правительства по тем или иным вопросам, но указываются и причины, вызвавшие их. Для выяснения характера тех процессов, которые происходили в Египте II—I вв. до н. э., особенно важны так называемые «декреты человеколюбия» (*φιλανθρωπία*), т. е. простагмы, провозглашающие амнистию участникам междоусобных войн, прощение недоимок, снижение или отмену налогов. Эти документы характеризуют борьбу, происходившую в египетском обществе. Особенно важно то обстоятельство, что некоторые из них являются единственными источниками для ряда периодов в истории Египта. В частности, период 124—116 гг. до н. э. не освещен ни одним из нарративных источников, но именно эти годы чрезвычайно важны в истории Египта. После династической войны, осложненной восстаниями местного населения, Птолемии стремились ликвидировать последствия смуты и предпринимали определенные меры по стабилизации внутреннего положения. Обо всем этом сообщает указ об амнистии, изданный Птолемеем VIII Еввергетом II. Крайне важно, что в указе приводятся сведения относительно определенных изменений в общей социально-экономической ситуации Египта. На основании этого документа, в частности, можно говорить об укреплении владельческих прав на землю у некоторых групп привилегированной части населения, о возрастании роли храмов, о попытках обеспечить определенными социальными уступками лояльность местных воинов (махимой) [636, т. II, с. 366—368]. При исследовании этих указов, особенно «указов о человеколюбии», постоянно необходимо иметь в виду следующее обстоятельство: эти источники, конечно, являются документальными и заслуживают самой высокой оценки как свидетельства о тех политических и экономических мероприятиях, которые проводит птолемеевское правительство. Вместе с тем необходимо с очень большой осторожностью подходить к тем частям документов, в которых дается мотивировка решений правительства. Авторы текстов постоянно стремятся показать благодетельность правительственных мероприятий, величие и мощь Птолемеев, внимание и снисходительность их к простым людям, занятым тяжким трудом. Постоянная идея таких документов — меры, которые принимает правительство, продиктованы заботой об их подданных [63, с. 18—19]. Эти поло-

жения в указах Птолемеев скорее характеризуют официальную идеологию, чем реальную политику.

Вообще документальный характер папирусного источника далеко не всегда является гарантией отсутствия тенденциозности. Это мы можем видеть и в документах, вышедших из различного рода канцелярий. Например, в ряде писем-отчетов функционеров государственного аппарата очень заметно стремление приукрасить положение дел на подведомственных им территориях. Даже в таких документах, как протоколы разбора жалоб, где все, казалось бы, должно делаться согласно законам и правительственным разъяснениям, явно прослеживается тенденциозность. Истцы стремятся представить свое дело в наиболее благоприятном для них свете, ответчики и их защитники всячески опровергают обвинения, стараются лишить их доказательной силы. Очень яркий пример подобного рода документов представляет собой протокол разбора тяжбы между неким Гермием и общиной хоахитов [635, т. 162]. Гермий настойчиво защищает свою точку зрения, а представитель хоахитов Динон искусно противопоставляет его доводам свою контраргументацию. Нет сомнения в том, что оба тенденциозны в изложении [63, с. 19]. В такого рода ситуациях иногда бывает трудно установить истину, однако необходимо помнить, что и та и другая сторона, несмотря на все свои ухищрения, все-таки отталкиваются от реальной обстановки. Следует также иметь в виду, что речи участников подобного процесса лишены той риторической обработки, которая характерна, например, для речей афинских ораторов IV в. до н. э.

Иной характер носят юридические документы (акты о купле-продаже, об аренде, завещания и т. д.). Они, как правило, составлены по определенной схеме, повторяющейся во многих документах, с употреблением общепринятых формул. Естественно, что тексты подобного рода, как правило, лишены тенденциозности. Их изучение может иметь ценность только тогда, когда они объединены в определенную тематическую серию или представляют собой часть какого-либо естественно возникшего собрания документов — архива. В распоряжении современных исследователей имеется некоторое количество таких архивов, характеризующих жизнь различных групп населения Египта в различных местах его, в различные периоды эпохи Птолемеев.

Одним из самых важных, самых значительных по объему и самых известных является архив Зенона. Это — богатейшее собрание разнообразных документов, свидетельствующих о многих сторонах жизни Египта середины III в. до н. э. Массовое поступление документов началось в 1915 г. из окрестностей современного местечка Дарб эль Герза, расположенного на месте древнего города Филадельфия. Папирусы были найдены местными жителями, которые долгое время продавали их

группами, отдельными экземплярами и даже фрагментами. Поскольку папирусы архива с каждым годом дорожали, то открыватели стремились придержать их, дожидаясь повышения цен. В результате этого папирусы архива Зенона оказались распыленными по многим библиотекам и музеям мира. В настоящее время опубликовано примерно 1750 документов, входивших в архив, но, по-видимому, имеется еще некоторое количество неопубликованных папирусов [513, с. 87—90; 590, с. 316—317].

Хозяином архива был грек из Малой Азии Зенон, сын Агрэфонта. Он тщательно собирал и хранил все деловые документы, связанные с его деятельностью. Эти документы были весьма многочисленны и многообразны, так как Зенон на протяжении многих лет был доверенным лицом самого могущественного человека Египта того времени — дийкета Аполлония. В 261—259 гг. до н. э. Зенон выполнял обязанности его агента в Сирии, Палестине и Малой Азии, в 258—257 гг. служил личным секретарем дийкета, в 256—246 гг. управлял хозяйством своего патрона в Арсиноитском и Мемфитском номе. Наконец, после отставки Аполлония Зенон в 246—239 гг. до н. э. жил, как частный человек, в Филадельфии. Архив Зенона охватывает период более чем в 20 лет, его документы освещают самые различные стороны социально-экономической, политической и культурной жизни Египта в середине III в. до н. э.

В состав архива входят распоряжения и инструкции дийкета Аполлония, ответы Зенона на различные конкретные запросы и общие отчеты о деятельности. Кроме того, в нем содержится большое количество деловых бумаг (обычно кратких): поручений, счетов, договоров, списков, расписок, заемных писем, специальных договоров об аренде, ведомостей, жалоб, прошений, описей, доносов, частных писем, записей о покупке и продаже.

В папирусах этого архива содержится огромное количество сведений о людях самого различного статуса (от всемогущего Аполлония — второго человека в государстве, до бедняка-поденщика и раба) в самых различных ситуациях их повседневной жизни. Архив Зенона — важнейшее собрание документов по социально-экономической истории птолемеевского Египта в период его наивысшего подъема. Дополнительную ценность этому архиву придает то обстоятельство, что он оказывается связанным с другими архивами. Мы уже упоминали выше архив архитекторов Клеона и Феодора. Они действовали в то же время и в том же самом Арсиноитском номе, где прошла часть жизни Зенона. Упоминания о них имеются в ряде папирусов архива последнего. Такие «перекрещивания» сведений документов из разных архивов чрезвычайно важны, поскольку они могут освещать одно и то же явление с разных сторон.

Пример архива другого типа дает архив Дионисия, сына

Кефала [524]. Архив происходит из местечка Акорис (в нескольких километрах от Гермополя Великого). В нем всего около 30 документов: ряд договоров, заявлений и расписок. Дионисий, как и большая часть имевших с ним дело лиц, принадлежал к военной среде. Его отец был наемным воином, сам он — арендатор царской земли и, возможно, наемный воин (как и его брат). В архиве содержатся не только важные сведения о хозяйственной деятельности низших слоев греческого населения, существующих часто только за счет непрерывных займов (на протяжении 10—12 лет), но и масса мелких подробностей, характеризующих жизнь рядового населения Египта в конце II в. до н. э. В 109 г. брат Дионисия, например, жалуется на ночное нападение, когда некие люди ворвались в дом, как разбойники, и похитили земледельческие орудия и одежду. Кредитор, не получая денег с должника, во время сева производит набеги на участок последнего, препятствует его работе, несмотря на многочисленные постановления, относительно охраны имущества и труда царских земледельцев. Над Дионисием долг тяготет иногда на протяжении шести лет.

Еще одно из важных собраний документов — папирусы из Тебтуниса, характеризующие жизнь деревни Керкеосирис [294]. Благодаря этим документам мы можем представить себе соотношение различных категорий земли из территории одной рядовой деревни (царской, дарственной, храмовой и т. д.), экономическую политику правительства не в той форме, в какой она пропагандируется в официальных документах, а как она предстает на практике. Исследование документов из Керкеосириса позволило, в частности, детально выявить, что представляло собой так называемое «планирование урожая» в Птолемеевском Египте.

Ярким примером «серийных» документов, внешне чрезвычайно невыразительных, но при рассмотрении в целом позволяющих сделать очень важные выводы, являются папирусы из Гебелена [63, с. 236 сл.], разбросанные в различных музеях мира и опубликованные в разное время. Они появляются с конца XIX — начала XX в. Позднее новый важный материал по Гебелену дали папирусы Адлера [207]. Самые ранние из документов, происходящих из Гебелена, относятся к 70—60-м годам II в. до н. э. В различных группах папирусов встречаются одни и те же имена, часто речь идет о сделках одного и того же характера и даже об одних и тех же участках земли. Большое значение имеет то обстоятельство, что рассматриваемые источники идут год за годом. Прескрипты заявлений иногда содержат указания на политические события. Перед глазами читателя десятки раз совершаются одни и те же юридические акты, монотонно повторяются сухие формулы, меняются только имена действующих лиц. Но в кажущейся беспорядочности смены имен, названий, участков земли, форм договора и т. д. начи-

нают проступать черты, характеризующие как деятельность отдельных лиц, так и общее положение в Гебелене. Можно составить около ста планов земельных участков, содержание же документов позволяет представить характер операций с землей: переход ее из рук в руки, связь продажи или аренды земли и договоров о ссуде хлеба, а также права владения [63, с. 237—238].

Можно привести еще значительное число примеров архивов и серий документов, освещающих различные стороны жизни птолемеевского Египта. Благодаря папирусам внутренняя история этого эллинистического государства изучена более полно, чем история всех остальных античных государств. И это в значительной мере произошло не благодаря отдельным крупным, уникальным документам, а благодаря небольшим по объему, часто стереотипным по содержанию документам. Однако при изучении этих документов постоянно необходимо помнить некоторые основные условия, соблюдение которых обязательно в такого рода исследованиях. Во-первых, эти документы географически распределены неравномерно, и те явления, которые зафиксированы на базе некоторых архивов или серий документов, могут иметь не общеегипетское, а локальное значение, будучи обусловлены какими-либо местными особенностями. Во-вторых, необходимо постоянно помнить о хронологии. Те или иные явления могут быть характерными только для определенного исторического периода или даже объясняться какими-либо особыми обстоятельствами данного конкретного момента. Распространение отдельных выводов на больший исторический период может привести к искажению общей исторической картины. Наконец, несмотря на всю важность папирусов как документальных материалов их следует постоянно сопоставлять со свидетельствами других источников.

Очень большую роль как исторические источники играют **демотические папирусы** [173]. Хотя их, в общем, значительно меньше, чем греческих, пренебрегать ими ни в коем случае нельзя. Демотические папирусы начали изучаться еще с конца XIX в. Параллельно с числом публикаций росло и знание египетского языка этого времени. Первоначальные переводы их Е. Ревелью были еще очень несовершенными. Затем благодаря работам В. Шпигельберга и В. Гриффита этот язык был изучен достаточно хорошо. Демотические папирусы важны главным образом для изучения положения местного населения [142, с. 41], хотя нередко они входят органической частью в архивы, основу которых составляют греческие папирусы (например, уже упомянутый архив Дионисия).

Очень важно сопоставление терминов и понятий, применяемых в греческих и демотических папирусах; это помогает выявить сущность тех или иных явлений. Установление для греческого термина его египетского эквивалента может иногда

бросить яркий свет на генезис того или иного явления социально-экономической или политической сферы (например, греческий термин *ερα πρόσοδος* и египетский *hpr—ntr*). В ряде случаев египетские папирусы содержат сведения о таких явлениях, о которых нет никаких сообщений в греческих папирусах [63, с. 21]. Только демотические папирусы, например, сообщают данные о краткосрочной аренде царской земли [575].

§ 3. ОСТРАКА И ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ

Важным источником являются и **надписи на черепках**, которые обычно использовались как налоговые расписки. Впервые ими заинтересовался У. Вилькен, тщательно проанализировавший содержание и форму этих документов [634]. На базе этого источника были, в частности, изучены структура финансовой администрации, система налогообложения, и способы взимания налогов. У. Вилькен зафиксировал по меньшей мере 218 различных налогов и сборов, взимавшихся с населения в разное время в греко-римском Египте.

Хотя со времени Вилькена материал значительно увеличился, он пока не стал объектом столь же глубокого изучения [63, с. 34]. Кроме того, ныне известны и демотические острака, они еще по-настоящему не изучены.

По мнению современных исследователей, острака являются важнейшим источником для изучения системы и истории налогового обложения и, следовательно, для понимания материального положения отдельных слоев населения и социальной политики Птолемеев. Иногда острака могут служить важным источником для установления детальной хронологии [636, т. II, с. 94].

Одним из основных источников по истории Птолемеевского Египта являются **надписи**, хотя их количество не идет ни в какое сравнение с числом папирусов. В начале XX в. В. Диттенбергер в своем известном сборнике «Восточные греческие надписи» опубликовал 183 документа из Египта эллинистического времени [307]. С того времени число возросло и французские исследователи издают сейчас новый «Корпус». Материал в отдельных его выпусках сгруппирован по территориальному принципу [241; 242; 423, с. 493—495].

Среди всех надписей эллинистического времени особого внимания заслуживают три: надпись из Канопы, так называемая «Стела Пифома» и «Розеттский камень». Все они трехязычные (иероглифический, демотический и греческий тексты) и представляют собой торжественные декреты «синодов» египетских жрецов в честь царей династии Птолемеев. Эти декреты издавались по поводу важных событий в истории госу-

дарства (канопская — по поводу событий, связанных с «войной Лаодики», «Стела Пифома» — после битвы при Рафии, «Розеттский камень» — после заключения мира между Птолемеями и Селевкидами в 196 г. до н. э.) и содержат обширную информацию о политических и военных событиях. Особенно велико значение розеттской надписи, являющейся самым важным источником для понимания общего положения в Египте в конце III — начале II в. до н. э. При исследовании этих надписей, однако, необходимо учитывать два обстоятельства: во-первых, надписи носят официальный характер, изложение событий дается с правительственной точки зрения, надписи имеют пропагандистский характер; во-вторых, необходимо сопоставлять сведения, почерпнутые из надписей, с данными других категорий источников.

Официальный характер надписей заставляет, например, с большой осторожностью относиться к некоторым содержащимся в них сведениям о внешнеполитических успехах Птолемеев. Очень показательна в этом отношении «надпись из Адулиса». Оригинальный текст ее до нас не дошел, но он был скопирован в VI в. н. э. (в 522 или 525 г.) в Адулисе Козьмой Индикопловом [141, с. 129 сл.]. В ней сообщается о завоеваниях Птолемеем III, которые явно преувеличены. Расходится с реальностью утверждение о том, что владения Селевкидов были покорены «вплоть до Бактрии». И в этой, и в канопской надписи имеется одно любопытное место: в обеих говорится о том, что в результате походов Птолемеев в Египет были возвращены статуи божеств, некогда увезенные из него завоевателями. Однако списки этих статуй столь длинны, что трудно поверить в факт возвращения хотя бы небольшого числа их. Считается, что подобные утверждения в надписях — это такие «общие места», которые авторы считали необходимым постоянно вставлять, следуя традициям эпохи фараонов [636, т. I, с. 224—225]. Но, с другой стороны, нельзя думать, что все сведения в надписи неверны, составлены по трафарету, восходящему еще к победным надписям фараонов. Во всяком случае, сообщение «надписи из Адулиса» о масштабах египетских завоеваний на севере Эгейского моря подтверждается надписью с острова Самофрака в честь спартанца Гиппомедона, бывшего египетским стратегом в этом районе [308, № 502].

Показательны с точки зрения сопоставления эпиграфических и иных источников данные розеттской надписи о характере восстаний в Египте и связанная с этим позиция египетского жречества в той социальной борьбе, которая развертывалась в Египте. На Западе утвердилась точка зрения, что восстания, которые с конца III в. до н. э. потрясли Египет, были «национальными» восстаниями и ведущей силой их выступало жречество. Именно под таким углом зрения рассматривались и свидетельства розеттской надписи о многочисленных привиле-

гиях, дарованных жречеству Птолемеями — как уступку той силе, которая поднимала на восстания местное население [260, т. I, с. 374 сл.; 562, с. 308].

Однако сопоставление данных этой надписи с другими источниками заставляет пересмотреть сложившееся мнение. Очень показательны в этом отношении свидетельства иероглифических надписей из храма Гора в Эдфу [272], примерно одновременных с «Розеттским камнем». В них содержатся свидетельства о богатствах храма, дарованных ему Птолемеями, и о разрушениях, которые были произведены в храме восставшими. Наконец, многочисленные данные папирусов показывают резко отрицательное отношение восставших к жрецам [63, с. 356]. Все это позволяет заново проинтерпретировать данные розеттской надписи и увидеть в свидетельствах о привилегиях египетскому жречеству нечто совершенно иное, нежели то, что видели в них ранее. Эти привилегии являются наградой правительства за верность своим союзникам по общей борьбе с восставшими народными массами.

Сопоставление эпиграфических данных с папирологическими иногда позволяет выявить характер даже таких явлений, которые никакого отражения в нарративных источниках не нашли. Так, например, ни один из литературных источников ничего не сообщает о гражданской войне, которая развернулась в Египте в 131/130 г. до н. э. между сторонниками Птолемея VIII и Клеопатры II. Только сопоставление данных надписей (в частности, 307, № 132) и папирусов позволяет представить ход борьбы и выявить отчасти те социальные слои, которые стояли за каждым из враждующих членов правящей династии [636, т. II, с. 361—362].

Греческие надписи служат важным источником для изучения исторических судеб греческих полисов, основанных на территории Египта: Александрии Египетской [334, т. I] и Птолемаиды. Некоторые надписи чрезвычайно важны, так как помимо сведений о городском строе, об отдельных фактах политической истории дают информацию и относительно общих направлений политики Птолемеев. Ярким примером может служить одна из надписей, происходящих из Птолемаиды. В ней граждане полиса благодарят царя Птолемея (надпись фрагментарна и нельзя установить, какой из царей этой династии имеется в виду) за то, что он прислал им новых греческих поселенцев. Упоминаются также места, откуда они происходят: Аргос, Лакедемон, Фессалия. Эта надпись (наряду с надписями Александрии и папирусами) способствует выяснению той роли, которую играли греки в царстве Птолемеев [333, с. 123 сл.].

Надписи (греческие, иероглифические и демотические) служат важным источником для изучения экономической истории Египта. Так, некоторые из них свидетельствуют о создании и

поддержании в порядке пути к портам Красного моря, откуда корабли ходили в Индию. Примечательно, что вся эта деятельность развертывалась под эгидой царской администрации [189, с. 188 сл.].

Некоторые важные моменты в истории птолемеевского Египта нашли отражение только в местных надписях. Например, события, связанные с окончанием восстания местного населения в Верхнем Египте в 186 г. до н. э., засвидетельствованы только в одной из иероглифических надписей с острова Фила [404, с. 11].

Ценная информация может содержаться и в надгробных надписях. Анализ группы иероглифических и демотических надгробных стел, обнаруженных при случайных работах еще в начале XIX в. в некрополях Мемфиса и Александрии, позволил выявить наличие фамилии наследственных верховных жрецов Мемфиса, которые, однако, осуществляли также и гражданскую власть в этом районе. В начале II в. до н. э. эта фамилия породнилась с Птолемеевским домом и оказывала огромное влияние на ход политической истории Египта. Установленный факт позволяет по-новому взглянуть на многие важнейшие события истории Египта птолемеевского времени, в том числе на проблему взаимоотношения греко-македонян с традиционной знатью (в первую очередь жреческой) Египта [525, с. 1—33].

Важную роль в изучении истории государства Птолемеев играют и надписи, найденные за пределами Египта. Например, «Паросская хроника» позволяет уточнить время принятия Птолемеем I царского титула [636, т. I, с. 65]. Хотя большинство из этих надписей дают сведения в основном для внешнеполитической и военной истории государства, а также для изучения судеб внеегипетских территорий под властью Лагидов, все же некоторые документы освещают и внутреннюю ситуацию в Египте. В частности, текст декрета Птолемея VIII «об амнистии» известен только на основании надписи, обнаруженной на Кипре, но, бесспорно, его действие распространилось и на Египет. Показательно сходство этого текста с аналогичными папирусными документами, происходящими из Египта [418, с. 95, № 41—42].

Внеегипетские эпиграфические документы содержат данные и для выяснения экономической политики Птолемеев. Например, ранее бытовала концепция (активно защищаемая Кл. Прео) [512, с. 149], согласно которой существенным элементом в экономической политике Птолемеев было запрещение для всех внеегипетских владений покупки хлеба где-либо, кроме Египта. Однако новые эпиграфические находки показали, что ситуация была иной — многие из этих областей сами платили подать Птолемеем хлебом (Лесбос, Фракия, некоторые из областей Малой Азии) [636, т. I, с. 161].

Большое значение для изучения истории Египта в эллинистическое время имеют надписи из Кирены. В частности, они ценны для выяснения сложных перипетий борьбы между Птолемеем VI Филометором и Птолемеем VIII Фисконом во II в. до н. э. Особенно интересно так называемое «завещание Фискона» (согласно которому он завещал свои владения в Ливии Риму) [537, с. 286 сл.]. Для обрисовки взаимоотношений между Птолемеем II и Киреной служат надписи не только из Кирены, но и с Кипра, поскольку египетско-киренские противоречия сказывались и здесь [284, 285, 332].

§ 4. НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Нумизматические данные [545]. Отметим прежде всего, что самым существенным фактом для экономической истории раннего птолемеевского Египта, сообщаемым нумизматикой, является переход от аттического стандарта (типичного для монетного дела Александра Македонского) в чеканке монеты к финикийскому. Бесспорно, что эта реформа, произведенная при Птолемеи I, диктовалась какими-то весьма серьезными соображениями и имела далеко идущие последствия не только экономического, но и политического значения. Эта проблема активно обсуждается в современной литературе, по ней высказано много различных мнений [636, т. I, с. 155 сл.].

Распространение египетских монет, их тилы, характер местного чекана — все это помогает определить границы владений Птолемеев в различные периоды, что очень важно, учитывая постоянное изменение сфер влияния крупных эллинистических государств в результате почти непрерывных дипломатических и военных столкновений. Только благодаря нумизматическим данным теперь твердо решается вопрос о границах между владениями Птолемея и Селевка в Келесирии после битвы при Ипсе — вопрос, который ранее вызывал множество споров [577, с. 208—213]. Точно так же именно монеты показали, что после окончания 2-й сирийской войны города Памфилии перешли от Селевкидов под власть Птолемеев [636, т. I, с. 231].

Распространение птолемеевских монет вне пределов их собственных владений, с точки зрения современных исследователей, является указанием не на экономические, а политические связи. Находки этих монет достаточно редки и появляются они там, где Птолеми либо ведут внешние войны (например, в Аттике во время Хремонидовой войны), либо оказывают финансовую помощь союзным с ними государствам (Ахайя, Лакедемон) [636, т. I, с. 158, 200, 289, 343].

Монеты иногда позволяют наполнить новым содержанием

уже ранее известные факты. Например, было известно, что между Римом и Египтом в 70—20-е годы III в. до н. э. существовали дружественные взаимоотношения, но только нумизматические материалы показали, что в это время существовало нечто вроде «монетного союза» между двумя этими государствами. Свидетельством этого является почти полное соответствие монетных серий, выпускаемых на римском монетном дворе в Таренте, и одного из типов александрийских монет этого времени [445, с. 63—67; 472, с. 89 сл.]. Но смысл подобного «монетного союза» еще не выяснен [636, т. I, с. 173—175].

Значительный материал дают монеты и для понимания внутренней экономической и политической истории Египта. Благодаря им определяется начало экономического кризиса государства Птолемеев. Уже в конце царствования Птолемея III центральное правительство провело нечто вроде «скрытой девальвации»: наряду с обычными полновесными монетами стали выпускаться экземпляры пониженного веса, но абсолютно ничем от нормальных монет не отличающиеся [636, т. II, с. 28—29]. Очень ярко нумизматические материалы показывают обострение экономического кризиса в годы царствования Птолемея IV [569, с. 174 сл.; 522, с. 324 сл.]. Исследование монет позволило говорить о крайней степени экономического упадка Египта при Клеопатре VII. В эти годы не выпускалась золотая монета, серебряная чеканилась в небольшом числе и только из низкопробного металла, даже в бронзовом чекане вес каждого номинала уменьшился на три четверти [347, с. 69].

Естественно, что при исследовании истории хозяйства Египта важное значение должно иметь сопоставление нумизматических данных с иными источниками, в первую очередь папирологическими. В связи с этим отметим, что в распоряжении исследователей имеются папирусы, прямо связанные с монетным делом. Самое важное из них — письмо начальника монетного двора в Александрии диоикету Аполлонию (258/7 до н. э.), из которого мы узнаем, что на территории государства Птолемеев было запрещено обращение всех иностранных монет и эти монеты должны были обмениваться на местные в государственных «банках». В дальнейшем чужеземная валюта перечекивалась [512, с. 271 сл.].

Археологические материалы и произведения искусства представляют очень важный вид источников для познания истории Египта в эллинистическую эпоху. Здесь мы обладаем почти уникальной возможностью получения исчерпывающей информации о прошлом путем детального сопоставления результатов археологических раскопок со свидетельствами папирусов, происходящих из тех же самых комплексов. К сожалению, ранние археологические исследования памятников птолемеевского времени были целиком направлены на поиски папирусов, а на археологический контекст обращалось очень мало внимания. Вот,

например, что писал Гренфелл о своих раскопках в местечке Умм эль-Атль (древняя Бакхиада): «...нужно сказать, что мы производили раскопки Умм эль-Атль, не имея в виду установить план домов в отдельности или план всего поселения. Мы просто искали папирусы, и если какой-либо дом не содержал остатков особого рода, в которых можно было ожидать найти папирусы, мы воздерживались от его обследования» [355, с. 35].

Только постепенно положение стало меняться и раскопки перестали быть только средством поиска папирусов и приобрели настоящий научный характер. Одним из первых примеров нового подхода стала работа П. Фирека, в которой была сделана попытка обрисовать картину быта жителей Филадельфии (населенного пункта, где был открыт архив Зенона) [610].

Интересные материалы получены при исследовании Эдфу [328], где благодаря раскопкам удалось представить общий вид города, его кварталы с маленькими домами. Здесь же было обнаружено укрепление, господствующее над значительной частью города и примыкающей к нему долиной. Благодаря этим археологическим исследованиям стали понятны некоторые ранее неясные детали в папирусных документах, например описание дома в одном из берлинских папирусов [63, с. 248]. Однако гораздо важнее иное: археологический материал (керамика, терракота и т. д.) свидетельствует об очень сильной эллинизации населения этого городка, в то время как данные ономастики и большое число демотических папирусов заставляют думать, что в основном это было египетское население. Тем более, что Эдфу — один из старых храмовых центров, расположенный далеко на юге Египта. Археологические материалы показывают, что процесс эллинизации начался уже в конце IV в. до н. э.

Свидетельством эллинизации являются и остатки греческих по своему характеру храмов, обнаруженных в различных частях Египта. Один из них был найден и исследован в Гермополе Великом [612]. Однако именно изучение храмов птолемеевского времени показало стойкость египетской культурной традиции и поддержку царями традиционных египетских культов и жречества. Пример — храм Гора, расположенный в Эдфу. Строитель-

Рис. 9. Статуя царя Птолемеевской династии.

ство его началось в 237 г. до н. э. и закончилось только в 57 г. до н. э. Оно велось на средства ряда царей птолемеевской династии. Храм практически полностью выдержан в старых египетских традициях, при этом эпиграфические документы указывают, что это подражание древним образцам было вполне сознательным [38, т. I, с. 72]. Чисто египетским по своему характеру был и храм Исиды на о. Филе, также строившийся при поддержке Птолемеев [38, т. I, с. 73]. Начало строительства относится к III в. до н. э. и продолжалось оно вплоть до римского времени. Известны также храмы Хатор в Дендере, храм Собека и Гора в Ком-Омбо, храм Хнума в Эсне [38, т. I, с. 72] и целый ряд других. Очень показательны, что египетские святилища строились Птолемеями даже в I в. до н. э., в период сильного экономического упадка страны [63, с. 242; 392]. При исследовании всех этих храмов важно сопоставление эпиграфических и собственно археологических данных, ярко показывающее, что перерывы в их строительстве и реконструкции совпадают с периодами обострения внутренней борьбы в Египте.

Значительный материал дают раскопки некрополей. Так, исследования некрополя эллинистической эпохи в Фивах [234] (в сочетании с изучением надгробных надписей и папирусов) позволили выявить много интересных фактов. Изучение изменения погребального обряда позволило установить степень эллинизации местного населения (погребальный обряд — одна из самых устойчивых черт традиционной культуры). Было также установлено, как четко отражает некрополь изменение в экономическом положении района (в конструкциях погребальных сооружений, погребальном инвентаре, даже ритуале).

К сожалению, крайне недостаточно исследована столица царства Птолемеев — Александрия, поскольку современный город вырос в XIX в. на руинах древнего. Сведения об Александрии в основном дают Страбон (XVI, 8) и Диодор (XVII, 52, 5), описания которых, насколько позволяют судить раскопки, довольно точны. Дополняют их свидетельства писатели римского и византийского времени. Археологические работы на территории Александрии дали сравнительно небольшое количество сведений о городе эллинистического времени [240; 334; 123].

Гораздо лучше изучены некрополи Александрии. Самые ранние из них расположены в современных кварталах Шатби, Сиди Габер, Мустафа-паша и Анфуши. Наиболее богатые могилы были обнаружены в квартале Гафра. Раскопки этих некрополей дали не только огромный вещественный материал (керамика, терракота, скульптура и т. д.), позволяющий определить характер александрийского искусства, но и помогли представить планировку жилых домов (гробницы воспроизводили структуру жилища) и их декор [208; 314].

Необходимо отметить, что на юге Египта изображения ца-

рей династии Птолемеев иногда даются в соответствии с традиционными представлениями — в виде древних фараонов, в то время как в греческих городах, как правило, в греческом стиле [469, с. 41—52].

Известное значение имеют и археологические памятники, найденные вне пределов Египта. Ярким свидетельством экспансии Птолемеев на севере Эгейского моря являются монументальные постройки на о. Самофрака, в том числе замечательный памятник Арсинойон [38, т. II, ч. 1, с. 315 сл.]. На территории Аттики найден птолемеевский военный лагерь, созданный в 263—262 гг. до н. э. [605, с. 26 сл.; 636, т. I, с. 207].

ГЛАВА VII. ГРЕЧЕСКИЕ ГОСУДАРСТВА В ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

§ 1. ПРОИЗВЕДЕНИЯ АНТИЧНЫХ АВТОРОВ

Античная литературная традиция не сохранила нам связного изложения истории причерноморских эллинских государств, сведения античных писателей о них носят фрагментарный характер. Поэтому необходимо учитывать датировку литературных памятников, надежность их сведений, возможный источник информации и передаточное звено в античной традиции в том случае, если данные почерпнуты у какого-либо позднего писателя. Вот почему на первый план должна выступать критическая оценка источников с точки зрения различных проблем истории древнейших государств названного региона.

Припонтийские области издавна привлекали внимание жителей Восточного Средиземноморья. В мифах о гипер-

борях и аримаслах, походе аргонавтов, странствовании Одисея в стране киммерийцев, прикованном Прометее, Ифигении в Тавриде, владычестве Ахилла на Белом острове и воинственных амазонках отразились древние представления греков о Причерноморье.

Большое значение в качестве исторического и географического источника для изучения Причерноморья имеет сочинение Геродота (V в. до н. э.). В IV книге «Истории» Геродот повествует исключительно о Скифии и попутно сообщает об эллинских городах, из которых на первом месте стоит Ольвия (в связи с предполагаемым его там пребыванием). Упомянуты Борисфенида (совр. остров Березань), Керкинитида и их окрестности, а о греческих городах Восточного Крыма и Тамани не сказано ни слова. Очень мало говорится и о западнопонтийских городах Истрии, Месембрии и Аполлонии. Пристальное внимание Геродота к обитателям степей юга нынешней территории СССР объясняется тем, что он повествует об известном походе Дария I на скифов в 514 г. до н. э. Другой причиной следует считать зависимость взглядов Геродота от общей ионийской традиции, которая, как показывает пример Гекатея (логографа VI в. до н. э., сочинениями которого пользовался Геродот), интересовалась преимущественно местным населением, окружавшим незначительные еще тогда греческие поселения. Основная черта повествования Геродота о скифах — морализирующая, поэтому он идеализирует этот народ, его быт и культуру. Характерен эпизод о скифском царе Скиле, который, изменив обычаям своего народа, долгое время прожил в Ольвии, чем навлек на себя столь сильный гнев скифов, что те свергли царя и казнили. Большую важность представляют свидетельства Геродота о происхождении, хозяйственной деятельности, религии и обычаях скифов, а также расселении скифских и нескифских племен. Долгое время считалось, что Геродот неточно отражал истинное положение в Скифии, поскольку он пользовался сообщениями эллинов, проживавших в Ольвии. Однако археологические исследования Скифии, в частности, работы на Каменском и Бельском городищах, на скифских поселениях Северо-Западного Причерноморья, а также исследования скифских курганов позволяют глубже оценить показания «отца истории», и, подойдя к ним критически, использовать в качестве надежного источника для изучения скифо-эллинской культуры [124; 39, т. 2, с. XLVII; 148, с. 133—145; 154, с. 104 сл.; 44, 126]. Ныне совершенно в ином свете предстают скифская генеалогическая легенда и другие сообщения Геродота о религиозных обычаях скифов, позволяющие рассматривать их как источник по проблемам государственности и политической истории Скифского царства. А углубленное археологическое исследование района среднего и верхнего Дона подтверждает сообщение Геродота о расселении племен гелонов и будинов, что длитель-

ное время дискутировалось в нашей исторической и археологической литературе [106, с. 5—26; 105, с. 100; 70; 154, с. 74; 198]. Сообщения же греческого историка об эллинских городах необходимы прежде всего для изучения Ольвии и ее взаимоотношений с соседними племенами и эмпорием на о. Березань. Его свидетельства о Южном Причерноморье важны также с точки зрения связей греков с местным населением и Персидской державой.

Если Геродот сконцентрировал внимание на европейской Скифии, то его младший современник Гелланик Митиленский (V в. до н. э.) интересовался еще и Скифией азиатской. Этот автор идеализировал варваров, что следует из характеристики гипербореев, которые якобы «учатся справедливости не употребляя в пищу мяса». В V в. до н. э., знания древних о Скифии и скифах значительно углубляются, благодаря существовавшим там греческим городам. У Гелланика скифы непосредственно связаны с Кавказом; это же представление получило отражение в греческой литературе V в. до н. э., в частности у Эсхила в трагедии «Прикованный Прометей».

В классическую эпоху о припонтийских странах упоминали Дамаст (V в. до н. э.) и псевдо-Гиппократ (посл. четв. V в. до н. э.). Произведение Дамаста не сохранилось, но сейчас установлено, что он во многом зависел от Геродота и Гелланика (он был учеником последнего). Значительно больший интерес представляет трактат Περὶ ἄσρων, τόπων, ὁρίων, приписываемый известному врачу Гиппократу, но, вероятно, ему не принадлежащий. Автор повествует о быте, нравах и обычаях скифов, савроматов и колхов применительно к географическим и климатическим условиям их местожительства. Однако никаких сведений о прибрежных поселениях Меотиды, Боспора Киммерийского и Восточного Причерноморья трактат не содержит. Автор обнаруживает хорошее знакомство с бытом сарматских племен, поэтому его сочинение может служить источником по изучению родо-племенных отношений у ранних сармат.

Из произведений писателей IV в. до н. э. важны «Анабазис» и «Воспоминания о Сократе» Ксенофонта. На основании «Анабазиса» можно составить представление о расселении племен Южного Понта: автор описывает поход греков через земли колхов, макронов, дрелов, моссинойков, тибаренов и других племен. Сочинение Ксенофонта — надежный источник, так как автор лично посетил описываемые области. Оно позволяет исследовать проблему взаимоотношения греческих городов Синопы, Амиса, Гераклеи, Трапезунта и Керасунта с местным населением и друг с другом в конце V — начале IV в. до н. э., а также получить представление о состоянии их хоры. Меньше дает Ксенофонт для исследователя Северного Причерноморья, но из его «Воспоминаний о Сократе» можно почерпнуть сведения об отношениях скифов с племенами меотов и фракийцев.

Большое влияние на греческую историографию о Причерноморье оказало сочинение *Эфора* (IV в. до н. э.), до нас не дошедшее. В передаче Диодора Сицилийского, Страбона и других авторов Эфор предстает как историк, который в числе прочих областей интересовался Скифией и племенами севера Малой Азии (моссинояками, мариандинами и др.). В описании местных племен он находился под влиянием Геродота и его современников, поэтому он также идеализирует варваров. К картине расселения племен, которую рисует Эфор, надо подходить критически, так как из-за чрезмерной идеализации она не всегда верна и к тому же известна по отрывкам и пересказам. В описании Скифии Эфор, как и Геродот, обращался к Ольвии, вследствие чего в руках у последующих писателей была четкая картина расположения Ольвии и окрестностей.

Своеобразным источником являются так называемые *периплы* (объезды) Понта Эвксинского. Самый ранний из них — перипл *псевдо-Скилака* (вторая половина IV в. до н. э.) отвечал исключительно практическому назначению, являясь, очевидно, руководством для плавания афинским купцам. В нем перечислены в последовательном порядке греческие города и основные племена по побережью. В перипле названы города Фракийского берега, но не упомянуты реки Борисфен (Днепр) и Гипанис (Буг) и г. Ольвия, зато сказано о побережье от юго-западного Крыма до Пантикапея и от Пантикапея до южного берега Понта. Это показывает, что корабли совершали плавание от Истра (Дуная) до Крыма, минуя Ольвию, и подтверждает практическое значение перипла. Другой перипл, приписываемый *Скимну Хиосскому*, написан в стихах (вторая половина II — начало I в. до н. э.) и отличается от предыдущего тем, что составлен на основании свидетельств других писателей: *Эфора* (описание скифов и сарматов, рек Тиры (Днестра), Гипаниса и Борисфена) и *Деметрия* из Каллатиса (конец IV — начало III в. до н. э.) — описание западного и южного побережья Понта, а также Крыма. Периплы дают сведения по топографии побережья, позволяют изучать колонизацию Причерноморья, пути плавания кораблей и причины основания небольших прибрежных поселений. В позднеэллинистический период широкую известность получил перипл *Артемидора* из Эфеса (конец II в. до н. э.), который, однако, не сохранился и известен по Страбону и схолиям к Аполлонию Родосскому. К римскому времени относятся перипл *Мениппа* (I в. до н. э. — I в. н. э.), дошедший в кратком изложении Маркиана Гераклейского, перипл *Арриана* (II в. н. э.) и перипл *Анонимного автора* (V в. н. э.). Их важность заключается в том, что они дополняют сведения более ранних периплов и сообщения географов.

Источники поздних периплов различные. В основном это уже упомянутые ранние периплы, данные римской администра-

ции и личные наблюдения. Сведения из перипла Анонима о боспорских изгнанниках в Феодосии очень важны, так как восходят к неизвестному источнику IV—III вв. до н. э. и позволяют дополнить ряд неизвестных эпизодов из политической истории Боспора V—IV вв. до н. э.

Немаловажное значение для изучения понтийских греческих городов-государств имеют сочинения *Аристотеля* «Политика», «Метеорология» и приписываемая ему «Экономика», а также свидетельство «Законов» *Платона* о положении мариандинов — зависимого населения Гераклеи Понтийской. Аристотель, интересовавшийся государственным устройством греческих полисов, написал свыше 150 «Политий», большая часть которых не сохранилась. В число «Политий» вошли описания государственного строя припонтийских городов Гераклеи, Истрии, Синопы и др. Свои наблюдения Аристотель обобщил в известном труде «Политика», который является ценнейшим источником для изучения проблем государственного устройства и политической истории. Это едва ли не единственный источник по политической истории ранней Гераклеи Понтийской, позволяющий раскрыть проблему тирании в этом полисе (V). В нем содержатся и важные сведения о внутривнутриполитической борьбе в Истрии и Аполлонии. Аристотель проявлял интерес к геологическому строению Понта Эвксинского и его береговой линии, что нашло отражение в «Метеорологии». Псевдо-Аристотелева «Экономика» (II, 2, 8) дает дополнительный материал по проблеме взаимоотношений Боспорского царства с южнопонтийскими государствами в IV в. до н. э.

Сочинения историков и географов эпохи эллинизма, посвященные странам понтийского региона, до нас не дошли и известны лишь благодаря *Страбону*, *Афинию* (III в. н. э.) и другим авторам. «География» Страбона дает интересные сведения, заимствованные из более ранних источников, по политической, экономической и естественной истории, а также по топографии и исторической географии Понта. Страбон говорит о большой роли хлебной торговли Боспора со Средиземноморьем. На основании данных историков царя Митридата VI географ рисует яркую картину состояния дел в Херсонесе во II—I вв. до н. э., а также сообщает о положении южнопонтийских полисов и Боспора в составе державы Митридата. Он обобщает немало сведений о западнопонтийском побережье, государствах Восточного и Южного Причерноморья. Для Причерноморья периода Митридатовых войн с Римом исключительную важность представляют свидетельства «Митридатки» *Аппиана*, «Римской истории» *Диона Кассия*, эпитомы недошедшего сочинения *Помпея Трога*, сделанной *Юстином*. На основании сообщений Аппиана и Диона Кассия можно судить о политике понтийского царя Митридата VI Евпатора по отношению к варварским племенам Причерноморья, союзе с греческими городами и после-

дующем их отпадении. Оба автора стремились осветить события Митридатовых войн с римской точки зрения, однако если Аппиан проявляет интерес к самому Митридату и его политике, то Диона Кассия больше интересовали действия римлян в войне с понтийским царем. Названные сочинения дают ценный материал по вопросу о пребывании римлян в Колхиде, Армении и Южном Причерноморье в этот период. Что касается труда Помпея Трога (Юстина), то наряду с данными о политике Митридата VI интерес представляют те главы, где рассказывается о взаимоотношениях Филиппа II Македонского и скифского царя Атея, «держава» которого простиралась в конце V — первой половине IV в. до н. э. от Западного Причерноморья до Северного Кавказа, а также о городах Западного Понта.

Большое значение для изучения внешнеполитических и экономических связей Боспорского царства и других понтийских государств имеют речи афинских ораторов IV в. до н. э. *Демосфена, Исократ, Эсхина и Динарха*. Из них мы узнаем об объеме торговли и состоянии отношений Боспора и Афин, о политическом положении в Боспорском царстве при ранних Спартокидах и взаимоотношениях Боспора с другими античными государствами и местными племенами в конце V—IV в. до н. э. Ценность этих источников — в их современности описываемым событиям. Что касается сообщений Эсхина в речи «Против Ктесифонта» и *Кратера* (IV — начало III в. до н. э.) в передаче лексикографа Гарпократиона (II или IV в. н. э.) о принадлежности Афинам боспорского города Нимфея в V в. до н. э., то к ним надо подходить критически и учитывать политические взгляды Эсхина и его негативное отношение к Демосфену, из-за чего он мог исказить факты. Эсхин, желая опровергнуть своего политического противника Демосфена, утверждал, что дед великого оратора со стороны матери — Гилон был афинским изменником, поскольку передал врагам Нимфей, которым якобы владели Афины. Эпиграфический материал, в частности надпись, содержащая список фороса за 425/4 г. до н. э., ввиду ее крайней фрагментарности не может являться надежным аргументом для утверждения о принадлежности Нимфея к Афинской Архе. Это позволило исследователям усомниться в истинности показаний источников. Споры по этому вопросу ведутся до сих пор и единого мнения на этот счет не сложилось [59, с. 180 сл.; 74, с. 27 сл.; 194, с. 36 сл.; 27, с. 73].

Для проблемы взаимоотношений припонтийских государств с Афинами в годы существования I Афинского морского союза, в частности практики сбора фороса и понтийской экспедиции Перикла, значительно более надежными являются сообщения *Фукидида, Диодора Сицилийского, Плутарха и Помпея Трога (Юстина)*. Особое место среди источников по истории Причерноморья античной эпохи занимают сочинения Диодора «Исто-

рическая библиотека» и *Полиена* «Стратегемы» (II в. н. э.). Их ценность в том, что они передают сведения, заимствованные из местной литературной традиции. XX книга Диодора важна как источник по политической истории Боспора конца IV в. до н. э., поскольку сообщает о междоусобной борьбе сыновей царя Перисада I Евмела, Сатира и Притана за власть. Свидетельства этой книги помогают изучить положение города в составе эллинистической монархии, взаимоотношения Боспора с южнопонтийскими и западнопонтийскими полисами, диадохами, а также военное дело. Из нее мы узнаем о некоторых племенах Прикубанья. Сочинение Диодора — главный источник по хронологии правления тиранов Гераклеи Понтийской и боспорских царей. Он же сообщает о политике эллинистических государств в отношении западнопонтийских полисов в конце IV — начале III в. до н. э. Исключительно подробные и точные сведения Диодора о Боспорском царстве указывают на использование им, вероятно, в передаче самосского историка и тирана III в. до н. э. Дуриса, какого-то местного исторического труда, составленного одним из граждан г. Пантикалея. Что до свидетельств Полиена, то без них невозможно представить состояние дел на Боспоре в конце V — начале IV в. до н. э., историю Боспорского царства при Левконе I и взаимоотношения Херсонеса со скифами и сарматами в конце III — начале II в. до н. э. Особенно показательны легенды о сарматской царице Амаге, пришедшей на выручку Херсонесу, которого теснили скифы, и меотянке Тиргатао, доставившей немало хлопот боспорскому царю Сатиру I, стремившемуся укрепить свою власть на азиатской стороне Боспора Киммерийского. Полиен черпал сведения о Боспоре из того же источника, что и Диодор Сицилийский, и мог пользоваться херсонесской традицией.

Греческие историки IV—I вв. до н. э., в отличие от ионийцев и Геродота, интересовались преимущественно эллинскими государствами, в особенности Боспорским царством, что объяснялось ролью последних как источника сырья для Греции. За исключением Эфора, а также географа и философа-стоика II в. до н. э. *Посидония*, сочинение которого не дошло, большинство авторов лишь вскользь упоминает о местных племенах. Это связано с упадком Скифского царства после поражения царя скифов Атея в 339 г. до н. э. от Филиппа II, ростом могущества греческих государств региона и появлением местной литературной традиции.

К сожалению, ни одно произведение местных историков эпохи эллинизма не сохранилось, но мы знаем поименно представителей историографии причерноморских государств. В Херсонесе жил и работал историк *Сириск* (III в. до н. э.), опиравший историю Херсонеса Таврического и его взаимоотношения с Боспором и скифами. Из Ольвии происходят философ

Бион Борисфенит, историк *Посидоний* (не путать с его тезкой-философом) и географ *Дионисий* (III — начало II в. до н. э.). На западнопонтийском побережье наиболее известными были каппадокийцы географ *Деметрий* и *Гераклид Лемб*, автор истории диадохов. Но самая богатая историческая традиция сложилась в южно-понтийском городе Гераклея, где еще в V в. до н. э. мифограф и историк *Геродор* описал легенду о походе аргонавтов, а историк *Проматид* (IV—III в. до н. э.) одним из первых начал составлять общий труд по местной истории. Наиболее известным из гераклеяских историков был *Нимфид* (III в. до н. э.), описавший историю Гераклеи со времени основания до середины III в. до н. э. Его произведением широко пользовался другой гераклеяский историк *Мемнон* (II в. н. э.), который оставил сочинение «О Гераклея» — образец местной хроники, сводку событий политической и военной истории Гераклеи Понтийской. Это интересный источник по проблеме взаимоотношения города-государства с эллинистическими монархиями и Римом, а также по вопросу об отношениях между городами Южного Понта и Западного Причерноморья. Произведение *Нимфида* использовали *Аполлоний Родосский* (III в. до н. э.) для характеристики мариандинов в «Аргонавтике» и *Помпей Трог (Юстин)* для изложения внутренней политики тирана Гераклеи Клеарха. Наличие такой разнообразной традиции не могло не возбудить интерес у писателей и ученых Греции к причерноморским эллинистическим государствам. Правда, с упадком этих государств со второй половины III в. до н. э. интерес к ним в Греции ослабевает. Поэтому наши сведения о Причерноморье, особенно о северной его части, с конца III в. до н. э. до возвышения *Митридата VI Евпатора* недостаточно определены. В связи с этим значительный интерес вызывает небольшой отрывок «Всеобщей истории» *Полибия* о Понте. Он дает представление о характере торгового обмена между странами Восточного Средиземноморья и Понтийского региона в конце III—II в. до н. э. Перечисляя традиционные товары, доставляемые из области Понта в Грецию, и наоборот, *Полибий* говорит, что «хлебом они (Понтийские страны. — С. С.) обмениваются с нами, то доставляя его в случае нужды, то получая», — яркое свидетельство экономического упадка эллинистических городов Причерноморья, повлиявшего на сокращение хлебной торговли.

Сообщения латинских писателей *Помпония Мелы*, *Плиния Старшего* и *Валерия Флакка*, а также *Овидиевы* «Письма с Понта» (I в. н. э.) дополняют свидетельства греческих авторов об освоении Черноморского побережья греками и взаимоотношении городов и местных племен Причерноморья.

«Естественная история» *Плиния Старшего* помогает пролить свет на историю догеродотовой Скифии, поскольку в его распоряжении были очень ценные данные ионийской литера-

турной традиции. На основании этой традиции Плиний дает древние названия Тире и Ольвии — Офиуса и Милитополис. Чрезвычайно важно, что Плиний перечисляет различные города и поселения по побережью; отдельные названия их встречаются только у него (например, Эполий, Ахейская гавань, города тавров и др.). Интересно описание Херсонеса, к тому же Плиний указывает древнее его название — Мегарика.

Уникально сообщение *Макробия* (IV—V вв. н. э.) об осаде Ольвии в 331 г. до н. э. Зопирионом, полководцем Александра Македонского, которая завершилась неудачно для македонян, поскольку граждане Ольвии (у *Макробия* дано традиционное для жителей Средиземноморья название «борисфениты») *servis liberatis dataque civitate peregrinis et factis tabulis novis* («отпустили на волю рабов, дали право гражданства иностранцам, изменили долговые обязательства»). Это дополняет свидетельства *Квинта Курция Руфа* и *Помпея Трога* (*Юстина*) о походе Зопириона из Фракии в Скифию и показывает, что македоняне и после Филиппа II не оставляли намерений подчинить местные племена и греческие полисы Западного и Северо-Западного Причерноморья. Некоторые сведения по топографии побережья дает «*География*» *Клавдия Птолемея* (вторая половина II в. н. э.). Отдельные сообщения о варварских племенах и греческих городах Причерноморья содержатся у *Фронтинана*, *Солина*, *Феста*, *Павла Орозия*, *Евтропия*, *Аммиана Марцеллина* и др. Как правило, большая часть их сведений, относящихся ко времени до установления римского владычества в Причерноморье, заимствована из произведений греческих авторов [100].

§ 2. ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ И НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Античные города Причерноморья богаты эпитафическими находками. Это посвяжительные, почетные и надгробные надписи, проксении, декреты, политические договоры и т. п. Надписи дополняют отрывочные сведения античных писателей, нередко являются единственным источником. Надписи позднеклассической и эллинистической эпох обнаружены во всех крупных городах Северного и Западного Причерноморья. Несколько меньше найдено их в Восточном и Южном Причерноморье, где преобладают надписи римского времени. Большое значение имеют надписи из греческих центров Средиземноморья, так как они позволяют выявить характер их взаимоотношений с Причерноморьем.

К категории государственных декретов относятся такие замечательные эпиграфические памятники, как декрет в честь Протогена из Ольвии (вторая половина III в. до н. э.), декреты из Херсонеса в честь историка Сириска (III в. до н. э.) и Диофанта, полководца царя Митридата VI Евпатора (II в. до н. э.). Огромное значение имеют херсонесская гражданская присяга (конец IV — начало III в. до н. э.), договор Херсонеса с понтийским царем Фарнаком I (179 г. до н. э.) и ольвийский декрет Каноба о регулировании денежного обращения (IV в. до н. э.) [104, с. 231 сл.; 152, с. 155—157; 76, с. 20 сл.]. Из этих надписей мы узнаем о различных сторонах экономики, политики и культуры античных городов Северного Причерноморья. Декреты являются важнейшим источником по проблеме государственного устройства и политической истории. В декрете в честь Диофанта содержится единственное упоминание о рабском восстании Савмака на Боспоре. Он, как и декрет в честь Протогена, свидетельствует о политическом и экономическом упадке северопонтийских греческих государств в период позднего эллинизма, вызванном сокращением объема торговли и ухудшением взаимоотношений с соседними племенами. Об этом же говорит херсонесский договор с Фарнаком, являющийся прекрасным дополнением к изложенному Полибием тексту мирного договора 179 г. до н. э., который ознаменовал окончание большой войны 182—178 гг. в Малой Азии между коалицией Вифинии, Пергама и Каппадокии с царем Понта Фарнаком. В этом договоре упомянуты, между прочим, Херсонес, западнопонтийский город Месембрия, Гераклея и сарматский царь Гатал. На основании договора Херсонеса с Понтом внук Фарнака Митридат VI, воспользовавшись слабостью северопричерноморских государств и под предлогом оказания им помощи против варваров, подчинил их своему влиянию — факт, засвидетельствованный надписью в честь Диофанта и показаниями Страбона. К херсонесскому договору с Фарнаком тесно примыкает надпись из Одессоса, в которой говорится об установлении хороших отношений с царем Понта.

Изучение проксений (почетных государственных декретов о предоставлении прав гражданства за выдающиеся заслуги перед городом) позволяет выявить тесные связи припонтийских городов с эллинской метрополией и друг с другом. Наиболее важными документами подобного рода являются проксении из Ольвии, данные родосцу Гелланику и каллатийцу Навтиму, сыну Пасиада (III в. до н. э.), а из Херсонеса — Фрасимеду, сыну Сатира, гераклеоту (II в. н. э.) и с Боспора, — некоему сыну Дионисия, пирейцу (вторая половина IV в. до н. э.) и др. Для Ольвии, Боспора, Синопы, городов Западного Причерноморья предоставление проксений определялось желанием установить тесные торговые отношения, а для Херсонеса — еще и стремлением к политическим связям. Дарование проксении

сопровождалось постановкой аналогичного декрета на родине проксена.

Надгробные и посвячительные надписи служат одним из главных источников о религиозных представлениях и обрядах древних греков. Они помогают исследовать этнический и социальный состав населения древнегреческих причерноморских государств. Как правило, такие надписи составлены от имени частных лиц и свидетельствуют о культуре и быте населения. Некоторые имеют вид стихотворных эпитафий, что указывает на наличие местной поэтической традиции: ольвийская стихотворная эпитафия Эпикрата первой половины IV в. до н. э., эпитафии Ксанфа, сына Лагорина (I в. до н. э. — I в. н. э.), и Исигоны (I—II вв. н. э.) из Херсонеса. Значительное количество эпитафий найдено на Боспоре и в других районах Причерноморья. В посвячительных боспорских надписях времени династии Спартокидов обращает на себя внимание титулатура царей. Она показывает, как распространялась их власть на местные племена азиатской части государства и каково было положение входивших в царство греческих городов [381; 129; 169; 83].

Среди надписей из греческих городов Западного Причерноморья можно выделить декрет (начала II в. до н. э.) из Истрии в честь каллатийца Гефестиона, сына Матрия, а также почетный декрет из Аполлонии Понтийской в честь наварха Эгсагора из Истрии (II в. до н. э.), оказавшего помощь жителям Аполлонии во время их войны с соседней Месембрией. Эти документы показывают сложные взаимоотношения греческих городов Западного Понта в эллинистический период и начало их упадка. А декрет истрийцев (III в. до н. э.) в честь послов к царю гетов позволяет судить о тесных связях города с варварским окружением [503; с. 487—512; 504, с. 41—43; 505, с. 204—210].

Из надписей, обнаруженных за пределами Понта, большое значение имеют афинские декреты в честь боспорских царей

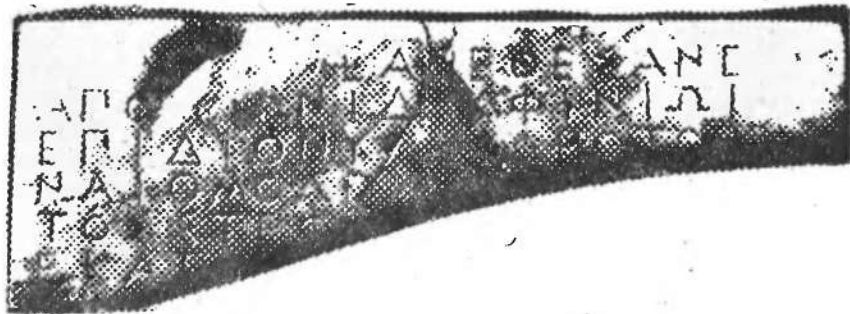

Рис. 10. Надпись из Ольвии классического времени

Спартока II и Перисада I (IV в. до н. э.), а также в честь Спартока III (288 г. до н. э.), убедительно подтверждающие сообщения афинских ораторов о широкой хлебной торговле Боспора с Афинами. Для изучения проблемы взаимоотношений Афин с южнопонтийскими городами, транзитной торговли и определения путей плавания по Понту Эвксинскому интерес представляют два афинских постановления 361 г. до н. э. [292, т. II, № 87] и 330 г. до н. э. [308, т. I, № 304]: о регулярных задержках в Гераклее афинских кораблей, шедших с грузом зерна с Боспора. На основании этих документов можно говорить о тесных отношениях Боспора с Афинами и плохих взаимоотношениях с Гераклеей Понтийской. Из других надписей следует упомянуть об отчетах гieroпеев храма Аполлона на Делосе, в которых сохранились свидетельства о посвящении херсонеситам и боспорским царем Перисадом II фиал в священную сокровищницу храма. Эти надписи и ряд промкений представителям припонтийских городов, а также упоминания о священном празднестве — «херсонесиях» указывают, что античные города Северного Причерноморья имели в III в. до н. э. тесные связи с Делосом вообще и святилищем Аполлона Делосского в частности. Эти надписи являются не только важным источником по вопросу о политике античных государств Причерноморья на средиземноморской арене, но и служат доказательством некоторой роли делосцев в основании Херсонеса Таврического, подтверждая сведения перипла псевдо-Скимиа. Огромное значение имеет договор об исполитии между Милетом и Ольвией, относящийся ко времени вскоре после 331 г. до н. э., который выявляет характер взаимоотношений метрополии и колонии. Ряд интересных памятников — декретов о промкантиях и проксениях грекам из Причерноморья — происходит из Дельф. Мы имеем большое количество эпиграфических источников из Восточного Средиземноморья, дополняющих представления об истории и культуре стран Причерноморья [292; 291; 308; 307; 384]¹.

Особым видом эпиграфических источников являются клейма на амфорах, бытовой посуде и черепице. Керамические клейма, найденные в Причерноморье, происходят из Херсонеса, Гераклеи, Синопы, Амастрии, Боспора, ряда западнопонтийских городов и средиземноморских центров Эгины, Родоса, Самоса, Пароса, Коса, Книда, Фасоса и др. Изучение керамической эпиграфики помогает больше узнать о торговле, гончарном производстве и составе населения эллинских государств. Керамические клейма, хронология которых установлена более или менее точно, могут служить надежным критерием для датировки памятников материальной культуры, с которыми они обнаружены в ходе археологических раскопок. Следует учитывать, что не все клейма в настоящее время твердо датированы и могут быть отнесены к какому-то античному центру. Наибо-

лее четко и последовательно разработана хронология синопских клейм (значительную роль в этом сыграли работы Б. Н. Гракова [43]), клейм Фасоса [35, с. 3 сл.] и в меньшей степени Родоса [17, с. 32; 16, с. 124—133; 15, с. 167; 353, с. 523—525; 351, с. 328]. Что касается клейм Гераклеи Понтийской, то их хронология и классификация еще недостаточно разработаны. Образцы керамических клейм, обнаруженных в Северном Причерноморье, приведены в рукописном своде Б. Н. Гракова и Е. М. Придика *IosPE III* (хранится в архиве ИА АН СССР).

Очень интересным источником являются частнобытовые письма на свинцовых пластинках из Северо-Западного Причерноморья, главным образом с о. Березань и Ольвии. Древнейшее из них — письмо купца Ахиллодора (датируемое концом VI — началом V в. до н. э.) — указывает на высокий уровень торговли в ранней Ольвии и на Березани [34, с. 78 сл.; 203, с. 137 сл.].

Своеобразным источником являются граффити — начертанные на стенках сосудов надписи разнообразного содержания. Они свидетельствуют о религиозных представлениях, языке и этнической принадлежности жителей античных поселений. Нередко они служат источником по социально-экономической истории греческих полисов, как, например, граффити с Березани и из Фанагории, где указаны торговые расчеты хлебом. Наибольшее же количество граффити относится к категории посвячительных. В Причерноморье преобладают посвящения Зевсу, Аполлону, Артемиде, Деметре, Гере, Гераклу, Ахиллу, Афродите и другим богам и героям. В Ольвии найдено граффито, представляющее собой начальные строки одной из киклических поэм, известных как «Малая Илиада». Количество граффити постоянно возрастает вследствие широких археологических раскопок [46; 176].

Нумизматические источники. В Причерноморье монету чеканили греческие города, скифские и фракийские цари, Синдское государство и Колхида. Варварские племена Западного Причерноморья выпускали грубые монеты, являвшиеся подражаниями наиболее распространенным греческим типам. Начало чекана монет отдельными городами относится к VI в. до н. э. (Ольвия, Пантикапей, Синопа), что указывает на высокий уровень товарно-денежных отношений, ремесленного производства и торговли в раннюю эпоху. Большинство городов Причерноморья начинает чекан в V в. до н. э. (Аполлония, Истрия, Месембрия, Феодосия, Синдика, Нимфей и др.) а города Тира, Херсонес, Керкинитиды, Кромны, Сезам и др. — в IV в. до н. э. Отдельные крупные причерноморские центры не имели своей монеты, например Гермонасса, Танаис и др. Многие города Причерноморья, как и города Греции, чеканили параллельно серебряную и медную монеты, причем последнюю преимущест-

венно для внутреннего рынка. Заимствование типов изображений монет указывает, как правило, на наличие связей с теми государствами, монетные типы которых использовались при чеканке. Иноземные типы (например, гераклейские) встречаются на монетах Синдики, Феодосии, Фанагории, Херсонеса, Каллатиса, скифского царя Атея. Изображения совы на одной группе монет синдов и головы Афины Паллады на серебряной монете Феодосии последней четверти V в. до н. э. свидетельствуют о влиянии афинской монетной типологии. В причерноморской нумизматике прослеживаются заимствования типов монет Сицилии, Самоса, Тенедоса, городов Малой Азии (Милета, Тарса, Лампсака, Кизика). Царские монеты Боспора, чеканенные Левконом II в середине III в. до н. э., повторяют изображения серебряных тетрадрахм и золотых статеров Александра Македонского, что говорит о влиянии монетных систем эллинистических государств.

На тесные связи между государствами намекает и выбор монетной системы. Это видно, в частности, по херсонесским монетам IV в. до н. э., чеканенным по персидской системе, применявшейся в Геракле. Разнообразие изображений на монетах (божеств, героев-основателей городов, храмов, сельскохозяйственных культур, дельфинов, рыб, домашних животных, орудий и т. п.) говорит об экономических особенностях и мировоззрении населения. Надчеканка на монетах Боспора III в. до н. э. указывает на денежный кризис в этом государстве. Надчеканки на ряде херсонесских монет конца II — начала I в. до н. э. свидетельствуют о возросшем боспорском влиянии, что привело в конце концов к зависимости Херсонеса от Боспора.

Нередко только на основании монетных находок можно установить династии, время правления и иконографию царей. В частности, царские монеты Боспора середины III в. до н. э., особенно золотые с именем Перисада (III—II вв., до н. э.), могут заполнить лакуну в перечне боспорских царей, оставленную Диодором, который завершил его первой половиной III в. до н. э. По монетам мы имеем возможность судить об организации монетного дела, магистратах, которые отвечали за выпуск монеты и т. п. Например, сокращения имен на ряде монетных серий Херсонеса показывают, что там за организацией монетного дела следила коллегия номофилаков из трех человек.

По монетам можно определить особенности государственного управления, летосчисление, религиозные представления. В этом плане наиболее показательны ольвийские монеты «коллегии Семи», боспорские монеты архонта Гигзионта (III—II вв. до н. э.), а также митридатовская чеканка ряда городов (типы Дионис, Афина, Посейдон, Артемида). Для политической и военной истории Боспора в позднеклассический период важ-

ное значение имеют монеты из отдельных центров, в частности, изучение автономного чекана Феодосии и Нимфея, вошедших в состав Боспорского царства. Оно показывает, что прекращение выпуска самостоятельной монеты Нимфеем в конце V в. до н. э. совпадает с захватом города боспорскими царями, а ликвидация самостоятельного чекана Феодосии в первой четверти IV в. до н. э. соответствует времени подчинения ее царю Боспора Левкону I. Это подтверждают и письменные источники.

Находки иноземных монет в причерноморских городах указывают на широкие внешние связи. В конце IV — первой половине III в. до н. э. большое место в денежном обращении Причерноморья занимают статеры Александра Македонского и Лисимаха, оказавшие, особенно последние, значительное влияние на монетный чекан Византия, ряда западнопонтийских племен и Боспора. Обнаруженный в 1967 г. в с. Орловка Одесской обл., клад кизикских электровых статеров и отдельные находки подтверждают сообщения литературных и эпиграфических источников, в частности Ксенофонта и декрета Каноба из Ольвии, что эти монеты являлись основной международной валютой в Причерноморье вплоть до третьей четверти IV в. до н. э. Клады свидетельствуют, как правило, о военной опасности и экономических потрясениях. Исследование кладов на территории Херсонесского государства, зарывавшихся в связи с угрозой нападения скифов, показывает, что к середине II в. до н. э. владения города в Северо-Западном Крыму отошли к скифам и лишь территория Гераклеяского полуострова осталась у херсонеситов. Среди находок в Причерноморье выделяются клады из Судака, где обнаружены монеты IV—II вв. до н. э., Нимфея, в котором засвидетельствованы находки пантикапейских серебряных монет второй половины VI в. до н. э., Анапы, Херсонеса, Патрея, Кучук-Кене (Южное Причерноморье), Принкипо и др. [68; 67; 502; 591; 221].

§ 3. ДАННЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК

Усилиями русских и советских ученых накоплены археологические материалы по Северному и Восточному Понту, а болгарских и румынских исследователей — Западному. К проблемам, которые могут быть решены на основании археологических исследований, следует причислить колонизацию греками Причерноморья. Археологические исследования позволили поставить вопрос о характере колонизации, социальном положении первых поселенцев, их занятии и образе жизни.

Другая важная проблема, которую удалось частично решить путем археологических изысканий, — аграрное производство.

В настоящее время в Северном Причерноморье исследованы и исследуются сельскохозяйственные поселения и усадьбы по берегам Днестровского лимана, близ Ольвии, на хоре Херсонеса и на Боспоре [135; 23; 172; 97]. На хоре Тиры и Ольвии выявлены поселения, существовавшие с VI в. до н. э., т. е. со времени основания указанных городов (Надлиманское III, Беляевка — в районе Тиры; Заячья Балка, Широкая балка и Большой Бейкуш — в районе Ольвии). Некоторые поселения просуществовали лишь в VI—V вв. до н. э. С IV в. до н. э. в округе Тиры и Ольвии появляется много новых поселений как следствие расцвета этих греческих городов. В годы кризиса Ольвии во II в. до н. э. ряд поселений прекращают свое существование и возрождаются только в послегетский период на рубеже новой эры. В Херсонесе Таврическом археологические исследования показали, что прилегающая к городу территория Гераклейского полуострова в конце IV в. до н. э. была размежевана на участки с усадьбами состоятельных граждан полиса. На территории Северо-Западного Крыма во второй половине IV в. до н. э. также возникли поселения и усадьбы, принадлежавшие Херсонесу. Археологическое изучение хоры позволило расширить представление о размерах Херсонесского государства в годы расцвета и состоянии его экономики. В середине II в. до н. э. на месте херсонесских укрепленных пунктов в Северо-Западном Крыму возникают скифские поселения. На Гераклейском полуострове многие усадьбы вообще разрушаются, что подтверждает данные эпитафических и письменных источников об ухудшении в это время отношений Херсонеса со Скифским царством в Крыму. Из херсонесских поселений Западной Таврики надо отметить городища «Чайка» (в районе современной Евпатории), Беляус (оз. Донузлав), усадьбу Панское (Тарханкутский полуостров) [199]. На Гераклейском полуострове интерес представляют раскопанные в настоящее время усадьбы клеров № 10, 25, 26, которые существовали только в эллинистический период и потому наглядно свидетельствуют об организации сельскохозяйственного производства независимого Херсонеса. Интенсивные работы советские археологи вели на территории Европейского и Азиатского Боспора, где открыто большое количество разнообразных поселений (Андреевка Южная, Южно-Чурубашское, Октябрьское, Раевское, хутор «Рассвет», Витязевка). Широкое изучение хоры греческих государств позволило установить их аграрный характер с раннего периода существования, поставить и частично решить вопрос о формах зависимости местного земледельческого населения. Оно углубило также представления о процессе греческой колонизации. Ряд данных указывает на сравнительно высокий уровень ремесленного производства на некоторых поселениях (например, Ягорлыцкое поселение в районе Ольвии). Изучение сельских усадеб и поселений ведётся также грузин-

скими археологами на территории античных городов древней Колхиды.

Помимо хоры археологи сконцентрировали внимание на исследовании греческих городов и поселений городского типа [26; 25; 139; 182]. Это позволило начать изучение в комплексе проблемы полиса в Причерноморье. Открытие следов ремесленных мастерских, гончарных печей, виноделен, рыболовного промысла в греческих городах показало, сколь велик расцвет этих государств как торгово-ремесленных центров. Гончарные мастерские были открыты в Ольвии, Истрии, Херсонесе, Фанагории, Горгиплии. В Пантикапее найдены мастерская коро-пласта, царские черепичные эргастерии, камнерезная и металлообрабатывающая мастерские. Печи для обжига керамики существовали во многих городах Причерноморья, а металлургическое производство началось в Пантикапее уже в VI в. до н. э. Из западиопонтийских городов наиболее активно керамическое производство развивалось в Истрии, Каллатисе, Месембрии, а из восточнопонтийских — в Диоскурии. Массовое изготовление амфор и черепицы по данным клейм и археологических раскопок установлено в Синопе и Геракле Понтийской. Винодельни эллинистической эпохи открыты в Мирмекии, Херсонесе и усадьбах Гераклеийского полуострова. Как и находки многочисленных сельскохозяйственных орудий, они подтверждают сообщения письменных источников о решающей роли земледелия в хозяйстве греческих государств. Находки в городах Северного Причерноморья отдельных предметов из дерева указывают на высокий уровень деревообрабатывающего производства. На основании данных археологии о ремесле, промыслах и сельском хозяйстве можно говорить о развитой экономике античных государств Причерноморья.

Изучение некрополей позволило выявить этнические особенности населения и поставить ряд социально-экономических проблем [131; 195; 11; 140; 80; 19; 7]. Наиболее показательны в этом плане раскопки грунтового и курганного некрополей Пантикапея, некрополей Ольвии классической и эллинистической эпох, некрополя V—IV вв. до н. э. в северной части античного Херсонеса, некрополей Нимфея, Танаиса, Аполлонии Понтийской и др. Для погребального обряда в греческих городах характерно трупоположение и трупосожжение. В могилах встречаются кости в вытянутом и скорченном положениях. Долгое время считалось, что скорченные погребения Ольвии и Херсонеса варварские. Однако в настоящее время получает распространение точка зрения, по которой их следует отнести к греческим [73, с. 108—116; ср. 75]. Наиболее распространенными в Причерноморье были обычные грунтовые и плитовые могилы. Известны также могилы с подбоями (Ольвия, Херсонес, Пантикапей), а также захоронения в амфорах. На Боспоре в IV—III вв. до н. э., когда боспорское общество достигло из-

вестной социально-экономической дифференциации, широко практиковались захоронения в подкурганных склепах. Они отличаются наличием высокой курганной насыпи и монументального подкурганного склепа. Наибольшую известность получили курганы и курганные группы Куль-Оба, Юз-Оба, Мелек-Чесменский, Большая Близница, курганный некрополь Нимфея и др. Для изучения боспорской погребальной архитектуры очень важны Царский курган, Золотой курган, курган Васюриной горы на Тамани. Склепы нередко покрывались росписью. На Боспоре эпохи раннего эллинизма наиболее известны расписной склеп на Васюриной горе (конец III в. до н. э.), роспись погребальной камеры склепа № 2 кургана Большая Близница, воспроизводящая голову Деметры или Керы (конец IV в. до н. э.), склеп 1908 г. близ Керчи (конец IV — начало III в. до н. э.), декорированный предметами погребальной утвари. От эпохи позднего эллинизма дошли расписные склепы Алкима и Анфестерия Гегесипповых (конец I в. до н. э.), склеп с изображением пигмеев, птиц и гения с цветами (II—I вв. до н. э.) и др. [153, с. 545—580; 151, с. 10—69, 137—198; 192, с. 227 сл.]

Огромный интерес представляют посвятительные и надгробные рельефы. Среди первых следует упомянуть изображения возлежащего и пирующего Геракла эллинистической эпохи из Херсонеса и Северо-Западного Крыма, выражающие, по всей видимости, идею бессмертия [3, табл. № 40, 41; 130, с. 107]. Близ Диоскурии была найдена стела архаического стиля, изображающая сидящую на троне богиню, стоящую перед ней фигуру молодой женщины и мальчика, прильнувшего к коленям восседающего божества. Смысл всего изображения остается до сих пор неясным [111]. На надгробных рельефах изображались, как правило, сцены погребального пиря семьи умершего, сами покойные в образе простых стоящих фигур, героев-всадников, пеших воинов и т. п. [69, с. 98 сл.]. По характеру инвентаря, типу захоронения, росписи склепа, изображению на надгробии можно судить о социальном положении усопшего, его этнической принадлежности, занятиях и образе жизни. В III—II вв. до н. э. склепы устраивались в скале или в обычном грунте без насыпанного сверху кургана, иногда в оборонительной стене (например, в Херсонесе).

В последние годы наибольший интерес вызвали открытые впервые на территории Северного Причерноморья теменос и агора в Ольвии и античный театр в Херсонесе [136; 52]. Это позволило решить ряд проблем общественно-политической истории и культуры. Существенно расширило представления о религиозных воззрениях населения Причерноморья, открытие древнейших святилищ Кабирос, Деметры и Афродиты в Нимфее, святилища на Майской горе близ Фанагории, одного из святилищ Апатуры на Тамани, впоследствии ставшего укреп-

ленной резиденцией приближенного боспорского царя Асандра (в районе пос. Румынское), святилища Деметры в Горгнипии, Афродиты в Кехах и др. [191, с. 18—60; 117, с. 86; 166, с. 55—100; 165, с. 104—116; 193, с. 142].

В Восточном Причерноморье интерес представляют исследования грузинских археологов на месте древнего города Гиеноса, в Пичвнари, Вани, Эшерском городище и других местах Колхиды [5; 37, с. 42—55; 77, с. 171—180; 110; 111, с. 149]. Находки керамики конца VI—V вв. до н. э. в Гиеносе свидетельствуют, что город возник примерно в это время. Археологическими раскопками установлено, что в ранний период в Гиеносе не было своего ремесла, так как первооселенцы пользовались привозной керамикой. В IV—III вв. до н. э. территория города значительно расширилась. Находки керамики местного происхождения указывают на возросший процент местного населения среди горожан. Город вел широкую торговлю с окрестным населением, что подтверждают остатки керамической посуды, обнаруженные за его пределами.

Большое научное значение имеет исследование городища и некрополя Пичвнари, где впервые в Восточном Причерноморье обнаружены чисто греческие погребения V в. до н. э. Для них характерен обряд трупоположения, причем богатые и бедные захоронения соседствовали друг с другом. В погребениях найдено большое количество амфор, бытовой и столовой посуды, среди которой выделяются высокохудожественные краснофигурные сосуды аттического происхождения, золотые украшения и т. д. Греческий могильник IV в. до н. э. значительно беднее по характеру погребального инвентаря; здесь обнаружены образцы столовой посуды аттического и гераклейского происхождения, привозные амфоры. В могилах раннеэллинистического времени встречаются изделия местных колхских керамических мастеров. Важными представляются исследования в устье реки Фасис (Пиони), где открыты поселения, предположительно определяемые как усадьбы хоры древнего города Фасиса, местонахождение которого пока точно не установлено. Предварительное изучение Эшерского городища (к западу от г. Сухуми) показало, что оно возникло на месте более древнего поселения и являлось, вероятно, эмпорием, торговавшим с туземным населением. В последующую эпоху городище расширялось и к концу II — началу I в. до н. э. представляло собой значительное поселение с развитым ремесленным производством и смешанным населением.

Уникальным является городище Вани [109, с. 60 сл.; 111, с. 197 сл.]. Его древнейший культурный слой относится к VIII—VII вв. до н. э., а гибель — к середине I в. до н. э. В VI—IV вв. до н. э. городище было центром одного из административных округов Колхидского царства. К этому периоду относятся остатки культовых и жилых построек, богатые захороне-

ния местной знати, содержавшие обилие золотых предметов и украшений. В III—I вв. до н. э. городище функционировало как храмовый центр, поскольку открытые строения этого времени являются культовыми. По некоторым предположениям, этот религиозный центр являлся большим святилищем богини Левкоtei, о котором упоминает Страбон в описании Колхиды.

Археологическое изучение городов древней Колхиды выявило своеобразные черты местной культуры, которая складывалась в тесном взаимодействии с греческой. Импорт из Аттики, островов Эгейского моря, городов Западной Малой Азии и Южного Причерноморья свидетельствует, что античные города восточнопонтийского побережья имели тесные отношения со средиземноморским миром и являлись важными политическими и торгово-экономическими центрами. Несмотря на успехи в изучении взаимовлияния местных и эллинической культур в Восточном и Северном Причерноморье, по-прежнему важной проблемой, над которой предстоит еще работать археологам, остается сопоставление эллинического и местного начал. Здесь предстоит еще многое сделать, прежде всего по материалам лепной керамики, в ходе изучения некрополей и курганов, а также раскопок на сельскохозяйственной хоре и в «малых» городах. Работы в этом направлении успешно ведутся в настоящее время советскими учеными.

К сожалению, изучение археологами античных городов Южного Понта продвигается крайне медленно. За исключением разведок, топографических работ и зачисток в Гераклее, Тие и Синопе, широких исследований проведено не было. Это затрудняет изучение истории и культуры означенного района. А он весьма интересен, прежде всего с точки зрения взаимоотношений греков с местными племенами и политико-экономических связей городов с другими центрами. Из археологических исследований следует выделить разведки австрийских и французских археологов в окрестностях древней Гераклеи, где были выявлены остатки культового комплекса на мысе Ахерузии, сельские поселения, усадьбы и городища на ее хоре. В Синопе и Амисе немецкие и турецкие археологи обнаружили арханскую керамику и строительные остатки жилых и культовых построек эллинистической эпохи. Интерес вызывают остатки оборонительной стены и храм II в. до н. э. в Синопе, где было обнаружено много terra-cotta-фигурок быков².

Источники по истории эллинических государств Причерноморья весьма разнообразны. Они позволяют ставить и решать различные проблемы социально-экономической, политической, военной и культурной истории государств этого района.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ I

- ¹ Проблемы классификации и систематизации источников по отечественной истории были глубоко исследованы Л. Н. Пушкаревым. (См.: Пушкарев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975 г.). Сделанные им выводы имеют, на наш взгляд, и теоретическое значение и как таковые используются в настоящей главе.
- ² Методические проблемы комплексного исследования разнообразных памятников по различным аспектам истории одного из крупных центров (в данном случае средневекового Новгорода) подвергнуты специальному и всестороннему анализу В. Л. Яниным (См.: Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977 г.).

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ II

- ¹ Он был ἐπιστάτης (Plut., Alex., XLVI) — нечто вроде распорядителя двора (в русских переводах — секретарь) [10; 146, т. II].
- ² О влиянии Онесикрита на последующую литературу см. также [586, кол. 466 сл.].
- ³ Недавно все эпиграфические свидетельства о взаимоотношениях Александра Македонского с греческими полисами были заново пересмотрены. См. [372].
- ⁴ Датировка 324 г. до н. э. не бесспорна, альтернатива 332 г. до н. э., предложена Уэллесом без каких-либо веских доводов, на основании сопоставления с 308, № 283 [623, с. 258], принята некоторыми учеными [251, с. 33; 373, с. 220].
- ⁵ Среди ученых нет единодушия относительно того, какая битва изображена: при Иссе, Гавгамелах или мастер не имел в виду определенного сражения [538, с. 229—241]. (Об истории изучения см.: [570, с. 55—58, 254—256]).
- ⁶ Так [433, с. 33—39], по мнению В. Тарна, у Курция два портрета Александра. Основной восходит к перипатетикам, которые из мести Александру за смерть Каллисфена создали неблагоприятный образ царя: Аристотель воспитал прекрасного и доблестного ученика, но судьба испортила его. Для второго («подчиненного»), целиком неблагоприятного портрета, как и у Диодора, источником, возможно, послужил Клитарх [593, т. II, с. 96—102]. Критику идеи о так называемом «перипатетическом портрете» Александра, созданном якобы Феофрастом см. [227, с. 144 со.; 447, с. 274—282; 216, с. 134 сл.]. Об образе Александра у Курция ср. также [517, с. VIII; 597, с. 44 сл.; 84, с. 13—18].
- ⁷ Литература о Плутархе, его жизни и произведениях огромна, сошлемся только на две работы общего характера: [643, кол. 936—962; 233]. Из работ на русском языке, весьма немногочисленных, см. [1, с. 43 сл.; 31, с. 213—224; 24, с. 173—186].
- ⁸ «Сравнительные жизнеописания» относятся к последнему периоду жизни Плутарха. Об их относительной хронологии ср. [643, кол. 899—903; 394, с. 61—74; 363, с. XXXIV—XXXVII]. Об истории изучения см. [1, с. 19 сл.].
- ⁹ [376, с. 143—157] (другим промежуточным произведением, из которого Плутарх заимствовал материал первоисточников, Х. Гомейер называет труд Эратосфена).
- ¹⁰ Об образе Александра у Плутарха ср. [593, с. 298 сл.; 618, с. 96—107; 363, с. LXII—LXVI; 84, с. 7—13]. В. Тарн полагает, что в биографии Александра сказывается определенное влияние идей перипатетиков, их уче-

ния о судьбе и их убеждения в изменении благородного характера Александра, каким его воспятил Аристотель. Еще дальше пошел А. Э. Уэрдмен, который стремился объяснить характер Александра у Плутарха с точки зрения понятия перипатетиков ο ὁμοειδέης. Критику его взглядов см. [363, с. LXIII сл.].

¹¹ Авторство Плутарха в отношении второй части признается не всеми [592, с. 56]; см. также ВДИ, 1969, № 3, с. 236, прим. 9.

¹² Об источниках см.: 98, с. 18—28 (вопрос о письмах Александра и «Эфемеридах» не так прост, как это представляется автору: см. выше); 261, с. 161 сл. Состояние проблемы см.: 570, с. 38 сл., 248.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ III

¹ Как совершенно справедливо отмечается в литературе, Полибий здесь действовал по поручению кого-то из влиятельных римских деятелей [335, с. 26].

² Тем самым, в общем, Полибий начинает свое изложение с того момента, на котором остановился Тимей.

³ Показательно, что первым ввел в употребление этот термин, носящий явно уничижительный оттенок, Полибий.

⁴ Именно поэтому Полибий называет свою историю «прагматической». А. И. Немировский считает, что «прагматическая история» у Полибия означает в первую очередь «современная история» [132, с. 127], но при дальнейшем изложении он возвращается к традиционному объяснению этого понятия.

⁵ Например, надписи, находимые при раскопках агоры Афин, регулярно публикуются в «Hesperia».

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ IV

¹ Письмо К. Маркса Ф. Энгельсу от 27 февраля 1861 г. (К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные письма. М., 1947, с. 121).

² Например, в «Иудейских древностях» (XII, 138—153) содержатся: 1) письмо Антиоха III к Птолемею, правителю Келесирии; 2) эдикт того же царя, запрещающий не-евреям входить в иерусалимский храм; 3) письмо Антиоха III к Зевксилу, стратегу в Малой Азии, относительно еврейских военных поселенцев. Подлинность их была доказана Э. Бикерманом [245, с. 51 сл.].

³ Для изучения истории эллинистического Востока важнейшее значение имеет следующий сборник надписей [307]. Хотя он в некоторых отношениях устарел, поскольку с момента его выхода в свет был обнаружен ряд новых очень интересных и важных надписей и изменилась (благодаря новым находкам и исследованиям) трактовка ряда старых надписей, все же он остается основным собранием надписей, освещающих историю эллинистического Востока.

⁴ Первая из этих надписей была найдена еще в прошлом веке в Малой Азии [625, № 36]. Две остальные — сравнительно недавно в различных местах Ирана [530; 528, с. 281—300]. Надписи совершенно идентичны, за исключением адресатов и имен жриц, которым поручалось осуществлять культ царицы. Благодаря этому легко дополнялись все утраченные места.

⁵ В последние годы отчеты о раскопках в Селевкии регулярно печатаются в сб. «Mesopotamia».

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ V

¹ Единственное исключение — монография Д. Сэллвуда [574].

² Французская миссия издавала серию публикаций материалов археологических работ, выходящую под разными названиями: «Mémoires de la

Délégation en Perse», vol. I—XIII. Paris, 1900—1912; «Mémoires de la Mission archéologique de Susiane», vol. XIV. Paris, 1913; «Publications de la Mission archéologique de Perse», vol. XV. Paris, 1914; «Mémoires de la Mission archéologique de Perse», vol. XVI—XXVIII. Paris, 1921—1939; с XXXIX тома — «Mémoires de la Mission archéologique en Iran».

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ VII

¹ Надписи, обнаруженные после выхода в свет перечисленных монументальных изданий, подобраны в *Supplementum epigraphicum Graecum*. Leiden.

² Краткое описание раскопок в Южном Причерноморье см.: Хайнд. Д. Памятники античных городов Южного Причерноморья.— СА, 1964, № 3, с. 172.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев С. С. Плутарх и античная биография. М., 1973.
2. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. Т. I—II. М., 1975—1978.
3. Античная скульптура Херсонеса. Киев, 1976.
4. Античная эпистолография. Отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1967.
5. Античные памятники Колхиды и Иберии.—КСИА, 1977, вып. 151.
6. Арриан. Индия. Античные писатели о древней Индии.—ВДИ, 1940, № 2.
7. Аполлония. Разкопките некрополя на Аполлония пред 1947—1949. София, 1963.
8. Арриан. Митридатовы войны; Сирийские дела. Перевод С. П. Кондратьева.—ВДИ, 1946, № 4.
9. [Аристотель]. Экономика. Перевод Г. А. Тароняна.—ВДИ, 1969, № 3.
10. Арриан. Поход Александра. Перевод М. Е. Сергеевко. М.—Л., 1962.
11. Арсеньева Т. М. Некрополь Танаиса. М., 1977.
12. Арский Ф. Н. Страбон. М., 1974.
13. Архимед. Сочинения. Перевод И. Н. Веселовского. М., 1962.
14. Бабаев И. А., Казиев С. М. Кабалинский клад монет эллинистической эпохи.—НЭ, 1971, т. IX.
15. Бадальянц Ю. С. Омонимы личных имен на родосских амфорах.—ВДИ, 1980, № 3.
16. Бадальянц Ю. С. Разновидности легенд родосских амфор.—ВДИ, 1978, № 1.
17. Бадальянц Ю. С. Хронологическое соответствие имен эпонимов и фабрикантов на амфорах Родоса.—СА, 1976, № 4.
18. Белов Г. Д. Алтарь Зевса в Пергаме. Л., 1969.
19. Белов Г. Д. Некрополь Херсонеса классической и эллинистической эпохи.—ВДИ, 1948, № 1.
20. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I—II. М.—Л., 1950—1953.
21. Блаватская Т. В., Голубцова Е. С., Павловская А. И. Рабство в эллинистических государствах в III—I вв. до н. э. М., 1969.
22. Блаватский В. Д. Античная полевая археология. М., 1967.
23. Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953.
24. Болдырев А. В. Плутарх.—В кн.: История греческой литературы. Т. III. М., 1960.
25. Боспорские города. МИА, № 85, М.—Л., 1958.
26. Боспорские города. Итоги археологических исследований Тиритак и Мирмекия. МИА, № 25, 1952.
27. Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье. М., 1963.
28. Брашинский И. Б. Новые зарубежные исследования по керамической эпиграфике.—СА, 1966, № 2.
29. Брашинский И. Б. Успехи керамической эпиграфики.—СА, 1961, № 2.
30. Бузескул В. П. Введение в историю Греции. Харьков, 1903.
31. Бузескул В. Введение в историю Греции. Обзор источников и очерк разработки в XIX и в начале XX в. Изд. 3-е. Пг., 1915.
32. Бурчаков П. О. Общий каталог монет, принадлежащих эллинистическим колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря. Ч. I. Одесса, 1884.
33. Васильевский В. Г. Политическая реформа и социальное движение в древней Греции в период ее упадка. Спб., 1869.
34. Виноградов Ю. Г. Древнейшее греческое письмо с о. Березань.—ВДИ, 1971, № 4.
35. Виноградов Ю. Г. Керамические клейма на о. Фасос.—НЭ, 1972, т. X.

36. Витрувий. Об архитектуре. Редакция и введение А. В. Мишулина. Л., 1936.
37. Воронов Ю. Н. Гиенос.—СА, 1976, № 4.
38. Всеобщая история архитектуры. Т. I. М., 1944; Т. II, ч. 1. М., 1949.
39. Геродот. История в 9 книгах. Перевод Ф. Г. Мищенко. Т. 2. М., 1888.
40. Ги перид. Речи. Перевод Л. М. Глускиной.—ВДИ, 1962, № 1.
41. Гиршман Р. Раскопки французской археологической делегации в Беграме (Афганистан).—КСИИМК, 1946, вып. XIII.
42. Голубцова Е. С. Сельская община Малой Азии III в. до н. э.—III в. н. э. М., 1972.
43. Граков Б. Н. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929.
44. Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, М., 1954.
45. Граков Б. Н. Скифы. М., 1971.
46. Граффити античного Херсонеса. Киев, 1978.
47. Демосфен. Речи. Перевод и примечания С. И. Радцига. М., 1954.
48. Диннарх. Речи. Перевод Э. Д. Фролова.—ВДИ, 1962, № 2.
49. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979.
50. Дитмар А. Б. География в античное время. М., 1980.
51. Дитмар А. Б. Родосская параллель. Жизнь и деятельность Эратосфена. М., 1965.
52. Домбровский О. I. Раскопки античного театра у Херсонеса.—Археология, 1957, вып. X.
53. Дройзен И. Г. История эллинизма. Т. I. М., 1890.
54. Дьяконов И. М., Дьяконов М. М., Лившиц В. А. Парфянский архив из древней Нисы.—ВДИ, 1953, № 4.
55. Дьяконов И. М., Лившиц В. А. Документы из Нисы I в. до н. э. (предварительные итоги работ). М., 1960.
56. Евклид. Начала. Перевод Д. Д. Мордухай-Болтовского. Т. 1—3. М.—Л., 1948—1950.
57. Ельницкий Л. А. О малозученных или утраченных греческих и латинских надписях Закавказья.—ВДИ, 1964, № 2.
58. Жебелев С. А. Аристотелева «Экономика».—ВДИ, 1937, № 1.
59. Жебелев С. А. Босторские этюды: Афины, Нимфей и измена Гилона.—В кн.: Северное Причерноморье. М.—Л., 1953.
60. Жебелев С. А. Херсонесская присяга.—В кн.: Северное Причерноморье. М.—Л., 1953.
61. Залесский Н. Н. Делосские надписи.—ВДИ, 1946, № 3.
62. Зельин К. К. Из области греческой историографии IV века до н. э.—ВДИ, 1960, № 1.
63. Зельин К. К. Исследования по истории земельных отношений в эллинистическом Египте II—I вв. до н. э. М., 1960.
64. Зельин К. К. Основные черты исторической концепции Помпея Трога.—ВДИ, 1948, № 4.
65. Зельин К. К. Помпей Трог и его произведение «Historiae Philippicae».—ВДИ, 1954, № 2.
66. Зельин К. К., Трофимова М. К. Формы зависимости в восточном Средиземноморье в эллинистический период. М., 1969.
67. Зограф А. Н. Античные монеты. М.—Л., 1951.
68. Зограф А. Н. Монеты Тире. М., 1957.
69. Иванова А. П. Скульптура и живопись Боспора. Киев, 1961.
70. Іліська В. А. Андрофаги, меланхлены, будини або скіфи? — Археологія, т. XXIII, 1970.
71. Ильин Г. Ф. Древний индийский город Таксила. М., 1958.
72. Исаева В. И. О некоторых направлениях в изучении речей Исократы.—ВДИ, 1974, № 4.
73. Кадеев В. И. Об этнической принадлежности скорченных погребений Херсонесского некрополя.—ВДИ, 1973, № 4.

74. Каллистов Д. П. Измена Гилона.—ВДИ, 1950, № 1.
75. Капошина С. И. Скорченные погребения Ольвии и Херсонеса.—СА, 1941, т. VII.
76. Карышковский П. О., Виноградов Ю. Г. Ольвийский декрет Каноба о деньгах и стоимость драгоценных металлов на Понте в IV в. до н. э.—ВДИ, 1976, № 4.
77. Кахидзе А. Ю. Древнегреческий могильник Пичваря (IV в. до н. э.).—СА, 1979, № 1.
78. Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. Перевод под ред. В. С. Соколова. М., 1963.
79. Керамическое производство и античные керамические строительные материалы. М., 1966.
80. Козуб Ю. Г. Некрополь Ольвии V—IV ст. до н. э. Київ, 1974.
81. Кондратьюк М. А. Коринфская лига и ее роль в политической истории Греции 30—20 гг. IV в. до н. э.—ВДИ, 1977, № 2.
82. Коробкова Г. Ф. Экспериментальный метод в процедуре археологического исследования.—В кн.: Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. М., 1975.
83. Корпус боспорских надписей. М.—Л., 1965.
84. Костюхин Е. А. Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции. М., 1972.
85. Кошеленко Г. А. Аристотель и Александр. (К вопросу о подлинности «Письма Аристотеля к Александру о политике по отношению к городам»).—ВДИ, 1974, № 1.
86. Кошеленко Г. А. Восточноэллинистический полис и государство.—В кн.: Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977.
87. Кошеленко Г. А. Градостроительная структура «идеального полиса» (по Платону и Аристотелю).—ВДИ, 1975, № 1.
88. Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.
89. Кошеленко Г. А. К оценке достоверности античной традиции об эллинистическом градостроительстве на Востоке.—КСИА, 1973, вып. 136.
90. Кошеленко Г. А. Культура Парфии. М., 1966.
91. Кошеленко Г. А. Монетное дело Парфии при Митридате I.—НЭ, 1972, т. X.
92. Кошеленко Г. А. Некоторые вопросы истории ранней Парфии.—ВДИ, 1968, № 1.
93. Кошеленко Г. А. Феофраст и его сведения о материалах и технике древнегреческой живописи.—В кн.: Художественное наследие. Т. I (32). М., 1977.
94. Кошеленко Г. А., Акопян А. М. Рец. на кн.: Ghirshman R. Terrasses sacrées de Bard-e Nechande et Masjid-i Solaiman. Paris, 1976.—ВДИ, 1980, № 1.
95. Кошеленко Г. А., Мунчаев Р. М. Раскопки на городище Ай-Ханум в 1965—1968 гг. (Обзор сводной публикации).—В кн.: Бактрийские древности. М., 1976.
96. Кошеленко Г. А., Новиков С. В. Манумиссии Селевкии на Эвлее.—ВДИ, 1979, № 2.
97. Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1974.
98. Крюгер О. О. Арриан и его труд «Поход Александра».—В кн.: Арриан. Поход Александра. Перевод М. Е. Сергеенко. М.—Л., 1962.
99. Кудрявцев О. В. Эллиские провинции Балканского полуострова во втором веке нашей эры. М., 1954.
100. Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. (Scythica et Caucasica). Т. I. Греческие писатели. СПб., 1890—1900. Т. II. Латинские писатели. СПб., 1904—1906.
101. Лебедев Г. С. Системное описание археологической культуры.—В кн.: Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л., 1975.

102. Ленцман Я. А. О хлебной торговле Делоса в III—II вв. до н. э.—ВДИ, 1946, № 2.
103. Ленцман Я. А. Рынок рабов на Делосе.—ВДИ, 1950, № 1.
104. Лепер Р. Х. Херсонесские надписи.—ИАК, 1912, вып. 45.
105. Либеров П. Д. К вопросу о гелонах Геродота.—В кн.: История и культура античного мира. М., 1977.
106. Либеров П. Д. Проблема буднинов и гелонов в свете новых археологических данных. МИА, № 151, М., 1969.
107. Ливий Тит. Римская история от основания города. Перевод с латинского под ред. П. Адрианова. М., 1892—1899.
108. Ликург. Речи. Перевод Г. В. Прушакевич.—ВДИ, 1962, № 2.
- 108а. Литвинский Б. А., Мухитдинов Х. Античное городище Саксанохур.—СА, 1969, № 2.
109. Лордкипанидзе Г. А. Колхида в VI—II вв. до н. э. Тбилиси, 1978.
110. Лордкипанидзе О. Д. Город-храм Колхиды. М., 1978.
111. Лордкипанидзе О. Д. Древняя Колхида. Тбилиси, 1979.
112. Луконин В. Г. Искусство древнего Ирана. М., 1977.
113. Лукреций. О природе вещей. Т. II. М.—Л., 1947.
114. Маринович Л. П. Археологические открытия в Греции в 1960—1961 гг.—ВДИ, 1962, № 4.
115. Маринович Л. П. Изучение Северной и Средней Греции в 1962—1966 гг.—ВДИ, 1969, № 3.
116. Маринович Л. П. Изучение Северной и Средней Греции в 1967—1970 гг.—ВДИ, 1972, № 4.
117. Марченко И. Д. Некоторые итоги раскопок на Майской горе.—КСИА, 1963, вып. 95.
118. Массон В. М. Системный анализ в археологических исследованиях.—В кн.: Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л., 1975.
119. Массон В. М., Ромодан В. А. История Афганистана. Т. I. М., 1964.
120. Материалы ЮТАКЭ, вып. 1—2. М.—Л., 1949—1951.
121. Менандр. Комедии; Герод. Мимнамбы. М., 1964.
122. Михайлов В. П. Витрувий и Эллада. Основы античной теории архитектуры. М., 1967.
123. Михайловский К. Александрия. Варшава, 1970.
124. Мищенко Ф. Г. Был ли Геродот в пределах южной России? — Кисевская старина, 1886, т. XV, май.
125. Мищенко Ф. Г. Полибий. — ЖМНП, 1891, апрель, август; 1982, март.
126. Мозолевский Б. А. Товста могила. Київ, 1979.
127. Моисей Хоренский. История Армении. М., 1893.
128. Мухитдинов Х. Гончарный квартал городища Саксанохур.— Известия АН ТаджССР. Серия обществ. наук. 1968, № 3.
129. Надписи Ольвии. Л., 1968.
130. Наливкина М. А. О некоторых памятниках античной эпохи северо-западного Крыма.—СА, 1940, т. VI.
131. Некрополи Боспорских городов.—МИА, № 69, М.—Л., 1959.
132. Немировский А. И. У истоков исторической науки. Воронеж, 1979.
133. Никитский А. В. Дельфийские эпиграфические этюды. Т. I—VI. Одесса, 1894—1895.
134. Никитский А. В. Исследования в области греческих надписей.—Юрьев, 1901.
135. Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху. МИА, № 50, М.—Л., 1956.
136. Ольвия. Теменос и агора. М.—Л., 1964.
137. Павленко Л. В. Менандр: новые находки и проблематика изучения творчества.—ВДИ, 1977, № 2.

138. Павсаний. Описание Эллады. Перевод С. П. Кондратьева. Т. I—II М., 1938—1940.
139. Пантикапей. МИА, № 56. М., 1957.
140. Парович-Пешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974.
141. Пигулевская Н. В. Византия на путях в Индию. М.—Л., 1951.
142. Пикус Н. Н. Царские земледельцы (непосредственные производители) и ремесленники в Египте III в. до н. э. М., 1972.
143. Плутарх. Александр. Перевод М. Е. Сергеенко.— В кн.: Арриан. Поход Александра. М.—Л., 1962.
144. Плутарх. Избранные биографии. Перевод под ред. С. Я. Лурье. М.—Л., 1941.
145. Плутарх. О славе Александра. (Об удаче и доблести Александра Великого). Перевод Г. П. Чистякова и Э. Г. Юнца.— ВДИ, 1979, № 4; 1980, № 1.
146. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. I—III. М., 1966.
147. Полибий. Всеобщая история в сорока книгах. Перевод Ф. Г. Мищенко. Т. I—III. М., 1890—1899.
148. Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977.
149. Ранович А. Б. Зависимые крестьяне в эллинистической Малой Азии.— ВДИ, 1947, № 2.
150. Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. М.—Л., 1950.
151. Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. Спб., 1913.
152. Ростовцев М. И. Сирик — историк Херсонеса Таврического.— ЖМНП, 1915, апрель, отд. классич. филологии.
153. Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. ПГ., 1925.
154. Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. М., 1979.
155. Савостьянова О. И. Аппиан и его «Римская история».— ВДИ, 1950, № 2.
156. Саркисян Г. X. О городской земле в селевкидской Вавилонии.— ВДИ, 1953, № 1.
157. Саркисян Г. X. Самоуправляющийся город селевкидской Вавилонии.— ВДИ, 1952, № 1.
158. Саркисян Г. X. Частные клинописные контракты селевкидского времени из собрания Государственного Эрмитажа.— ВДИ, 1955, № 4.
159. Сидорова Н. А. Новые открытия в области античного искусства. М., 1965.
160. Соболевский С. И. Страбон.— В кн.: История греческой литературы. Т. III. М., 1960.
161. Соболевский С. И. Флавий Арриан. — В кн.: История греческой литературы. Т. III. М., 1960.
162. Соколов Ф. Ф. Афинское постановление в честь Арностаха Аргосского.— В кн.: Соколов Ф. Ф. Труды. Спб., 1910.
163. Соколов Ф. Ф. Рассказ папируса о походе Птолемея II.— В кн.: Соколов Ф. Ф. Труды. Спб., 1910.
164. Сокольский Н. И. Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья. М., 1969.
165. Сокольский Н. И. Святилище Афродиты в Келлах.— СА, 1964, № 4.
166. Сокольский Н. И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976.
167. Солодухо Ю. А. Значение еврейских источников раннего средневековья для истории Ближнего Востока.— В кн.: Советское Востоковедение, т. II. М., 1941.
168. Солодухо Ю. А. К вопросу о социальной структуре Ирака в III—V вв. н. э.— Учен. зап. Ил-та Востоковедения АН СССР, 1956, т. XIIV.
169. Соломоник Э. И. Новые эпиграфические надписи Херсонеса. Т. I. Киев, 1964, Т. II. Киев, 1973.
170. Страбон. География в 17 книгах. Перевод Г. А. Стратановского. М., 1964.

171. Стратановский Г. А. Страбон и его «География».— В кн.: Страбон. География в 17 книгах. М., 1964.
172. Стржеleckий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического. Херсонесский сборник, 1961. т. VI.
173. Струве В. В. Значение некоторых из демотических папирусов ГМИИ им. А. С. Пушкина для истории и культуры Птолемеевского Египта. М., 1955.
174. Струве В. В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа, Средней Азии. Л., 1968.
175. Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949.
176. Толстой И. И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.—Л., 1953.
177. Тронский И. М. Новонайденная комедия Менандра «Угрюмец» («Человеконенавистник»).— ВДИ, 1960, № 4.
178. Трофимова М. К. Из истории эллинистической экономики (к вопросу о торговой конкуренции Боспора и Египта в III в. до н. э.).— ВДИ, 1961, № 2.
179. Трофимова М. К. Утопия Ямбула в зарубежной историографии.— В кн.: История социалистических учений. Вопросы историографии. М., 1977.
180. Труды ЮТАКЭ. Т. I—XVI. Ашхабад, 1949—1978.
181. Уилер М. Пламя над Персеполем. М., 1972.
182. Фанатория. МИА, № 57, М., 1956.
183. Феофраст. Исследование о растениях. Перевод М. Е. Сергеевко. М.—Л., 1951.
184. Феофраст. Характеры. Перевод В. М. Смириня.— В кн.: Менандр, Комедии; Герод. Мимнамбы. М., 1964.
185. Феофраст. Характеры. Перевод и примечания Г. Стратановского. Л., 1974.
186. Филодем. Об экономике. Перевод Г. А. Тароняна.— ВДИ, 1969, № 4.
187. Фролов Э. Д. Коринфский конгресс 338/7 г. до н. э. и объединение Эллады.— ВДИ, 1974, № 1.
188. Хайнд Дж. Памятники античных городов Южного Причерноморья.— СА, 1964, № 3.
189. Хвостов М. История восточной торговли греко-рамского Египта. Казань, 1907.
190. Хрестоматия по истории Древней Греции. Под ред. Д. П. Каллистова. М., 1964.
191. Худяк М. М. Из истории Нимфея VI—III вв. до н. э. Л., 1962.
192. Цветаева Г. А. Курганный некрополь Паптикапея. МИА, № 56, М., 1957.
193. Цветаева Г. А. Новые данные об античном святилище в Горгии.— ВДИ, 1968, № 1.
194. Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. М., 1956.
195. Шелов Д. Б. Некрополь Танакса. М., 1961.
196. Шестаков С. П. Красноречие у древних греков и его влияние на их историческую литературу. Казань, 1901.
197. Шофман А. С. Каллисфен.— ВИ, 1974, № 6.
198. Шрамко Б. А. Крепость скифской эпохи у с. Бельск-город Гелон.— В кн.: Скифский мир. Киев, 1975.
199. Шеглов А. Н. Северо-западный Крым в античную эпоху. Л., 1978.
200. Эллинистическая техника. Сб. ст. под ред. И. И. Толстого. М.—Л., 1958.
201. Эсхин и Речи. Перевод Э. Д. Фролова, Н. И. Новосадского, Г. Л. Глушковой.— ВДИ, 1962, № 3, 4.
202. Юстин. Эпистома сочинений Помпея Трога. Перевод А. А. Деконского и М. И. Рижского.— ВДИ, 1954, № 2—4; 1955, № 1.
203. Яйленико В. П. К датировке и чтению березанского письма Ахиллодора.— ВДИ, 1974, № 1.
204. Ярхо В. Н. Комедия Менандра «Ненавистный».— ВДИ, 1979, № 2.
205. Ярхо В. Н. У истоков европейской комедии. М., 1978.

206. Abel F. M. Les livres de Maccabées. Paris, 1949.
207. The Adler Papyri. Oxford, 1939.
208. Adriani A. Documenti e ricerche d'arte alessandrina I—II. Roma, 1946—1948.
209. Africa T. W. Phylarchus and the spartan Revolution. Berkley—Los Angeles, 1961.
210. Alexandre le Grand., Image et réalité. Fondation Hardt. Entretiens sur l'antiquité classique. t. XXII, préparés par E. Badian. Genève, 1976.
211. Altertümer von Pergamon. Berlin, 1885—1935.
212. Appian's Roman History with an English translation by White H. Cambridge—London, 1955, 1961.
213. Arnim H., von. Stoicorum veterum fragmenta. Bd I—IV. Lipsiae, 1921—1924.
214. Arrian. Anabasis Alexandri with an English Translation by E. I. Robson, Vol. I. London—Cambridge (Mass.), 1946.
215. Atkinson J. E. Curtius Rufus' Historiae Alexandri and the Principate.—In: Actes de la XII Conférence internationale d'études classiques Eirene, Cluj—Napoca, 2—7 Octobre 1972. Bucuresti, 1975.
216. Atkinson J. E. Primary Sources and the Alexanderreich—Acta classica, vol. VI, 1963 (1964).
217. Aujac G. Strabo et la science de son temps. Paris, 1966.
218. Aymard A. Du nouveau sur la chronologie de Séleucides.— REA, 1955, t. LVII.
219. Aymard A. Une ville de la Babylonie séleucide d'arpès les contracts cuneiform.— REA, 1938, t. XL, N 1.
220. Babelon J. Le roi Pyrrhos—In: American Numismatic Society, Centennial Publication. Ed. by H. Ingholt. New York, 1958.
221. Babelon E., Reinach Th., Waddington W. Recueil general de monnaies grecques d'Asie Mineure, t. I, Fasc. 1. Paris, 1925.
222. Badian E. Agis III — Hermes, 1967, Bd. 95, H. 2.
223. Badian E. Alexander the Great, 1948—67.—In: The classical World Bibliography of Greek and Roman History with a New Introduction by W. Donald. New York—London, 1978.
224. Badian E. Alexander the Great and the Greeks of Asia.—In: Ancient Society and Institutions. Studies presented to V. Ehrenberg to his 75th Birthday. Oxford, 1966.
225. Badian E. Alexander the Great and the Unity of Mankind—Historia, 1958, vol. VII, H. 4.
226. Badian E. The Battle of the Granikus: a New Look.—In: Ancient Macedonia, vol. II, Thessaloniki, 1977.
227. Badian E. The Eunuch Bagoas. A Study in Method.—CQ, 1958, vol. VIII, N. S., N 3, 4.
228. Badian E. A King's Notebook.—HSCPh, 1968, vol. 72.
229. Badian E. Nearchus the Cretan—Studies in the Greek Historians.—YCS, 1975, vol. XXIV.
230. Badian E.—рус. на кн.: L. Pearson. The Lost Histories...—Gnomon, 1961, Bd 33, H. 7.
231. Balogh E. Political Refugees in Ancient Greece. Johannesburg, 1943.
232. Bar-Kochva B. The Seleucid Army. Organization and Tactics in Great Campaigns. Cambridge, 1976.
233. Barrow R. H. Plutarch and his Times. Bloomington, 1967.
234. Bataill A. Les Memnoia. Recherches de papyrologie et d'épigraphie grecque sur la nécropole de la Thèbes d'Égypte aux époques hellénistiques et romaine. Le Cairo, 1952.
235. Bellinger A. R. The End of Seleucids—Transactions of Connecticut Academy of Arts and Sciences, 1949, vol. XXXVIII.
236. Bellinger A. R. Essays on the Coinage of Alexander the Great. New York, 1963.

237. Bellinger A. R. Seleucid Dura. The Evidence of coins.—Berytus, 1948—1949, vol. IX.
238. Bengtson H. Griechische Geschichte, München, 1969.
239. Benveniste E. Edits d'Asoka en traduction grecque.—JA, 1964, t. 252, fasc. 2.
240. Bernard A. Alexandrie le Grand. Paris, 1966.
241. Bernard A. Les inscriptions grecques de Philae, t. I, Epoque ptolemaïque. Paris, 1969.
242. Bernard E. Recueil des inscriptions grecques de Fayoum, t. I, La «meris» d'Hérakleides, Leiden, 1975.
243. Bernard P. Ai—Khanoum on the Oxus: a Hellenistic City in Central Asia. (Proceedings of the British Academy, v. LIII). London, 1967.
244. Berve H. Das Alexanderreich aus prosopographischen Grundlage II. München, 1926.
245. Bickermann E. Der Gott der Makkabäer. Berlin, 1937.
246. Bickermann E. Hannibal covenant.—AJPh, 1952, vol. LXXII.
247. Bickermann E. Notes sur Polybe. I: Le statut des villes d'Asie après la paix d'Apamée.—REG, 1937, t. L.
248. Bickerman E. Рец. на кн.: Тарн В. В. Alexander the Great.—CPh, 1950, vol. XLV, N 1.
249. Bieber M. The Portraits of Alexander.—Greece and Rome, 1965, vol. XII, N 2.
250. Bieber M. The Portraits of Alexander the Great.—Proceedings of the American Philosophical Society, 1949, vol. 93, N 5.
251. Bickerman E. La lettre d'Alexandre le Grand aux bannis grecs.—REA, 1940, t. XLII.
252. Bizière F. Comment travaillait Diodorus de Sicile — REG, 1974, t. LXXXVII, N 414—418.
253. Blass F. Die attische Beredsamkeit, 2 Aufl., III, 2. Leipzig, 1898.
254. Bogaert R. Texts on Bankers, Banking and Credit in Greek World, Leiden, 1976 (Epigraphica, vol. III).
255. Bömer F. Untersuchungen über die Religion der Sklaven in Griechenland und Rom. Teil II, Die sogenannte sakrale Freilassung in Griechenland und die (δοῦλοι) ἑρποι. Wiesbaden, 1960.
256. Borza E. N. Fire from Heaven: Alexander at Persepolis — CR, 1972, vol. LXVII, N 4.
257. Bosworth A. B. Aristotle and Callisthenes—Historia, 1970, Bd XIX, H. 4.
258. Bosworth A. B. Arrian and the Alexander Vulgate.—In: Alexandre le Grand. Image et réalité. Entretiens préparés par E. Badian. Genève, 1976.
259. Bosworth A. B. Errors in Arrian.—CQ, 1976, vol. XXVI, N 1.
260. Bouché-Leclercq A. Histoire des Lagides, t. I. Paris, 1903; t. II. Paris, 1904.
261. Breebaart A. B. Einige historiographische Aspecten van Arrianus' Anabasis Alexandri. Leiden, 1960.
262. Brett A. D. The Mint of Ascalon under the Seleucids.—ANS—MN, 1950, vol. IV.
263. Briant P. Antigone le Borgne. Paris, 1973.
264. Briant P. Remarques sur les «laoi» et esclaves ruraux en Asie Mineure hellénistique — Actes du colloque 1971 sur l'esclavage. Paris, 1973.
265. Brown T. S. Alexander's Book Order — Historia, 1967, Bd. XVI, H. 3.
266. Brown T. S. Callisthenes and Alexander — AJPh, 1943, vol. LXX, N 3.
267. Brown T. S. Clitarchus — AJPh, 1950, vol. LXXI, N 2.
268. Brown T. S. The Greek Historians. Lexington—Toronto—London, 1973.
269. Brown T. S. Onesicritus. A Study in Hellenistic Historiography. Berkeley—Los Angeles, 1949.
270. Brown T. S. Polybius account of Antiochus III.—Phoenix, 1964, vol. XVIII.
271. Brown T. S. Timeus of Tauromenium. Los Angeles, 1958.

272. Brugsch H. Geographische Inscriptionen altägyptischer Denkmäler—Brugsch H., Thesaurus Inscriptionum Aegypticarum, Abt. 3. Leipzig, 1884.
273. Brulé P. La piraterie crétoise hellénistique. Paris, 1978.
274. Brunt P. A. Persian Account of Alexander's Campaigns.—CQ, 1962, vol. XII, N 1.
275. Buckler W. H., Robinson D. M. Greek Inscriptions from Sardes.—AJA, 1912, vol. I.
276. Burn A. R. Notes on Alexander's Campaigns, 332—330.—JHS, 1952, vol. LXXII.
277. Burn A. R.—Рец. на кн.: W. Tarn. Alexander.—JHS, 1947 (1949), vol. LXVII.
278. Cabanes P. L'Épire de la mort de Pyrrhos à la conquête romaine. Paris, 1976.
279. Cabanes P. Les inscriptions du théâtre Bouthrotès — Actes du colloque 1972 sur l'esclavage. Paris, 1974.
280. Calderini A. La manomissione e la condizione dei liberti in Grecia. Milano, 1908.
281. Carapanos C. Dodone et ses ruines. Paris, 1878. vol. I.
282. A Catalogue of Provincial Capitals of Eranšahr. By J. Marquart. Roma, 1931.
283. Cawkwell G. L. A Note on Ps. Demosthenes 17.20.—Phoenix, 1961, Bd. XV, N 2.
284. Chamoux F. Epigrammes de Cyrène.—BCH, 1958, t. LXXXVII.
285. Chamoux F. Le roi Magas.—RH, 1956, t. CCXVI.
286. Charneux P. Liste argienne de théarodoques.—BCH, 1968, t. 92.
287. Charneux P. Liste argienne de théarodoques.—BCH, 1966, t. 90, I.
288. Chroust A. International treaties in Antiquity. The diplomatic negotiations between Hannibal and Philippus V of Macedonia.—Classica et Mediaevalia, XV, 1954.
289. Clavel-Leveque M. Marseille grecque. La dynamique d'un imperia-lisme marchand. Marseill, 1977.
290. Colin G. Démosthènes et l'affaire d'Harpale.—REG, 1925, XXXVIII, N 177.
291. Corpus Inscriptionum Atticarum, vols I—IV. Berolini, 1873—1897.
292. Corpus Inscriptionum Graecarum. ed. A. Böckh, Berolini, 1828—1877, см. также изд. II.
293. Corpus papyrorum Judaicarum. Ed. by V. A. Tcherikover, A. Fuks, vol. I, Jerusalem—Cambridge (Mass.), 1957.
294. Crowford D. J. Kerkeosiris. An Egyptian village in the Ptolemaic Period, Cambridge, 1971.
295. Cumont F. Fouilles de Doura—Europos, I, Paris, 1926.
296. Curjel R., Fussman G. Le trésor monétaire de Qundus. Paris, 1965.
297. Dani A. H. Pushkalavati, the Lotus City. Peshawar, 1963.
298. Dareste R., Haussoulie B., Reinach Th. Recueil des inscriptions juridiques grecques. Paris, 1891—1904.
299. Daux G. Delphes au IIe et au Ier siècles depuis l'abaissement de l'Étolie jusqu'à paix romaine 191—31 av. J.—C. Paris, 1936.
300. David M., Van Groningen B. A. Papyrological primer. Leyden, 1952.
301. De Laix R. A. The Silver Coinage of the Aetolian League — In: California Studies in Classical Antiquity, 6, 1973.
302. Delatte L. Les traités de la royauté: d'Éphante, Diotogène et Sthéniadas. Liège, 1942.
303. Delorme J. Le monde hellénistique (323—133 avant J.—C.). Événement et institutions. Paris, 1975.
304. Dieulafoy M. A. L'Acropole de Suse d'après les fouilles exécutés en 1884—1886. Paris, 1890.
305. Dikaiomata: Auszüge aus Alexandrinischen Gesetzen und Verordnungen

- in einem Papyrus des Philologischen Seminars der Universität Halle. Ed. graeca Halensis. Berlin, 1913.
306. Diodorus of Sicily. With an English translation by R. M. Geer, IX. Cambridge—London, 1962; X, 1961.
307. Dittenberger W. *Orientalis Graecae Inscriptiones Selectae*. Bd. I—II. Leipzig, 1903—1905.
308. Dittenberger W. *Sylloge Inscriptionum graecarum*. Leipzig, 1915—1924 (3. ed.).
309. Drews R. Diodorus and his Sources — *AJPh*, 1962, vol. LXXXIII, N 4.
310. Ducrey P. Nouvelles remarques sur deux traités Attalides avec des cités crétoises.— *BCH*, 1970, vol. XCIV, II.
311. Dumont A. *Inscriptions céramiques de Grèce*. Paris, 1872.
312. Durrbach F., Roussel P., Launey M. *Inscriptions de Délos*. Paris, 1926—1937.
313. Eddy S. K. The King is dead. Studies in the Near Eastern Resistance to Hellenism, 334—31 B. C. Lincoln, 1961.
314. Edgar C. C. Catalogue générale des antiquités égyptiennes du Musée du Caire. Greek Sculpture, Cairo, 1903. Greek Moulds, Cairo, 1903. Greek Bronzes, Cairo, 1904. Greek Coffins, Marks and Portraits, Cairo, 1905. Greek Vases. Cairo, 1911.
315. Ehrenberg V. Alexander and the Liberated Greek Cities.— In: Alexander and the Greeks. Oxford, 1938.
316. Errington R. M. Bias in Ptolemy's History of Alexander.— *CQ*, 1969, vol. XIX, N 2.
317. The Excavations at Dura-Europos. Preliminary Report...
318. The Excavation at Dura-Europos. Final Report V, part 1. The Parchments and Papyri. New Haven, 1959.
319. Expedition Ernst von Sieglin. Ausgrabungen in Alexandria, Bd. I—II, Leipzig, 1908—1913.
320. Falkenstein A. Topographie von Uruk. T. I, Uruk zur Seleukidenzeit. Leipzig, 1941.
321. Ferguson J. *Utopias of the classical World*, New York, 1975.
322. Finley M. *Archeology and History*.— In: Finley M. *The Use and Abuse of History*. London, 1975.
323. Finley M. *Utopianism Ancient and Modern*.— In: M. Finley, *The Use and Abuse of History*. London, 1975.
324. Flacelière R. *Sagesse de Plutarque*. Paris, 1964.
325. Foucart M. *Memoire sur l'affranchissement des esclaves par forme de vente à une divinité d'après les inscriptions de Delphes*. Paris, 1867.
326. Fouilles d'Al Khanoum. I (Campagnes 1965, 1966, 1967, 1968). Sous la direction de P. Bernard P. 1—2. Paris, 1973 (MDAFA, t. XXI).
327. Fouilles de Delphes, Paris, 1914, t. I, III.
328. Fouilles franco-polonaises. Rapport Tell—Edfou, vol. I—III. Le Caire, 1937—1938.
329. Francke P. R. *Die antiken Münzen von Epirus Bd. I—Poleis, Stämme und epirotischer Bund bis 27 v. Chr. Katalog und Untersuchungen*. Wiesbaden, 1961.
330. Francke P. R. *Zur Finanzpolitik des makedonischen Königs Perseus während des Kriegs mit Rom*.— In: *Jahrbuch für Numismatik*, Bd. VIII, 1957.
331. Fränkel M. *Die Inschriften von Pergamon*. Berlin, 1890—1895.
332. Fraser P. M. *Inscriptions from Cyrene*.— *Berytus*, 1956—1958, vol. XII.
333. Fraser P. M. *Inscriptions from Ptolemaic Egypt*.— *Berytus* 1950, vol. XIII, N 1.
334. Fraser P. M. *Ptolemaic Alexandria*. Oxford, 1972, vol. I—III.
335. Fritz K. von. *The Theory of the Mixed Constitution in Antiquity*. New York, 1954.
336. Frye R. N., Guillon J. F., Ingholt H., Welles C. B. *Inscriptions at Dura—Europos*.— *YCS*, 1935, XIV.

337. Fuks A. The Bellum Achaicum and its Social Aspects.—JHS, 1970, N 90.
338. Fuks A. The spartan citizen-body in mid-third century B. C.—Athenaeum, 1962, N 140.
339. Gabla E. Sul libro siriaco di Appiano.—Rendicondi dei Academia dei Lincei, 1957.
340. Gaebler. Antike Münzen Nordgriechenlands I: Makedonia und Paeonia. Berlin, 1906.
341. Gardin J.-C. Céramiques de Bactres. Paris, 1975 (MDAFA, t. XV).
342. Gardner P. The Coins of Greek and Scythic Kings of Bactria and India in the British Museum. London, 1886.
343. Garland Y. Fortification et histoire grecque — Problèmes de la guerre en Grèce ancienne. Sous la direction J.-P. Vernant. Paris, 1968.
344. Ghirshman R. Begram. Recherches archéologique sur les Kouchans. Le Caire, 1946.
345. Ghirshman R. Terrasses sacrées de Bard-è Nechandeh et Masjid-i-Solaiman. Paris, 1976.
346. Ghosh A. Taxila (Sircap). 1944—1945.—Ancient India, 1948, vol. IV.
347. Giesecke W. Das Ptolemäergeld. Leipzig, 1930.
348. Goukowsky P. Clitarque seul? Remarques sur les sources du livre XVII de Diodore de Sicile.—REA, 1969, 71, N 3—4.
349. Grace V. Amphoras and the Ancient Wine Trade (Excavations of the Athenian Agora. Picture Book, 6). Princeton, 1961.
350. Grace V. The Commercial Amphoras from the Antikythera Shipwreck—Transactions of the American Philosophical Society, 1965, vol. 55, P. 3.
351. Grace V. Notes on the Amphoras from the Koroni Peninsula—Hesperia, 1963, vol. XXXII.
352. Grace V. Pnyx: Stamped Wine Jars Fragments.—Hesperia Suppl, 1956, vol. X.
353. Grace V. Timbres amphoriques trouvées à Delos.—BCH, 1952, LXXVI.
354. Grenfell B. P. Revenue Laws of Ptolemy Philadelphus and an introduction by J. P. Mahaffy, Oxford, 1896.
355. Grenfell B. P., Hunt A. S., Hogarth D. G. Fayum towns and their Papyri. London, 1900.
356. Grenfell B. P., Hunt A. S., Smyly J. G., Edgar C. C. The Teb-tunis Papyri, vols. I—III. London, 1902—1952.
357. Griffith G. T. Рецензия на кн.: T. S. Brown, Onesicritus.—CR, 1951, vol. I, NS, N 3, 4.
358. Grilli A. Il «Saeculum» di Curzio Rufo.—PdP, 1976, fasc. CLXVIII.
359. Gutschmid A. von. Trogus und Timagenes.—In: A. von Gutshmid. Kleine Schriften, V. Leipzig, 1894.
360. Hadley R. A. Royal propaganda of Seleucus and Lysimachus.—JHS, 1974, vol. XCIV.
361. Hamilton J. R. Cleitarchus and Aristobulus.—Historia, 1961, Bd. X. H. 4.
362. Hamilton J. R. Cleitarchus and Diodorus 17.—In: Greece and the Eastern Mediterranean in Ancient History and Prehistory, ed. by K. H. Kinze. Berlin—New York, 1977.
363. Hamilton J. R. Plutarch. Alexander: a Commentary. Oxford, 1969.
364. Hamilton J. R. Three Passages in Arrian.—CQ, 1955, vol. 49.
365. Hammond H. G. L. Epirus. Oxford, 1967.
366. Hampl F. Alexanders des Grossen Hypomnemata und letzte Pläne.—In: Alexander the Great. The Main Problems. Ed. by G. T. Griffith. Cambridge, 1966.
367. Hanfmann G. M. A. From Croesus to Constantine. The Cities of Western Asia Minor and their Arts in Greek and Roman Times. Ann Arbor, 1975.
368. Hansen E. V. The Attalids of Pergamon. Ithaca, 1947.
369. Haussoullier B. Inscriptions grecques de Babylon.—Klio, 1909, Bd. IX, Heft 3.

370. Heally J. F. Mining and Metallurgy in the Greek and Roman World. London, 1978.
371. Heichelheim F. Wirtschaftliche Schwankungen in der Zeit von Alexander bis Augustus. Jena, 1930.
372. Heisserer A. J. Alexander the Great and Greeks. The Epigraphic Evidence. Norman, 1980.
373. Heisserer A. J. Alexander's Letter to the Chians: a Redating of SIG³ 283.— *Historia*, 1973, Bd. XXII, H. 2.
374. Heilly B. Lois sur les affranchissement dans les inscriptions thessaliennes.— *Phoenix*, 1976, Bd. XXX, N 2.
375. Herzfeld E. Am Tor von Asien. Berlin, 1920.
376. Homeyer H. Beobachtungen zu den hellenistischen Quellen der Plutarch— Viten.— *Klio*, 1963, Bd. 41.
377. Homo L. Alexandre le Grand. Paris, 1951.
378. Humphreys S. C. Anthropology and the Greeks. Oxford, 1978.
379. Imhoof-Blumner F. Die Münzen der Dynastie von Pergamon, Berlin, 1884.
380. Die Inschriften von Priene. Berlin, 1906 (ed. Hiller von Gaertringen F.).
381. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae, ed. 2. Petropoli, 1916.
382. Inscriptiones Creticae, vols. I—IV, 1935—1950 (ed. M. Guarducci).
383. Inscriptiones Graecae, voluminis II et III editio minor, pars I, fasc. I, ed. I, Kirchner. Berolini, 1913.
384. Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae, ed. G. Michailov. Sophia, 1956.
385. An Inventory of Greek Coin Hoards. Ed. by M. Thompson, O. Mørkholm, C. M. Kraay. New York, 1973.
386. Iscrizioni storiche ellenistiche. A cura di L. Moretti, vols I—II. Firenze, 1967—1975.
387. Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker, Bd. I—II, Berlin, 1927.
388. Jacoby F. Hieronymus (10).— *RE*, 1913, 16 Hlbd.
389. Jacoby F. Kleitarchos, (2).— *RE*, 1921, 21 Hlbd.
390. Jenkins G. Notes on Seleucid Coins.— *NC*, 1951, vol. XI, N XLI.
391. Jeppesen K. A Royal Message to Ikaros. The Hellenistic Temples of Failaka. Kuml 1960. Aarhus, 1960.
392. Jequier G. Les temples ptolémaïque et romain. Paris, 1924.
393. Jones A. H. M.— *Реч. на кн.*: W. Tarn. Alexander.— *CR*, 1949, vol. LXIII, N 3—4.
394. Jones C. R. Toward a Chronology of Plutarch's Work.— *JRS*, 1966, vol. LVI, p. I—II.
395. Jordan J. Uruk-Warka. Leipzig, 1928.
396. Kaerst J. Der Briefwechsel Alexanders des Grossen.— *Philologus*, 1892, Bd. LI.
397. Kaerst J. Forschungen zur Geschichte Alexanders des Grossen. Stuttgart, 1887.
398. Kaerst J. Geschichte des Hellenismus, Bd. I, 3 Aufl. Leipzig—Berlin, 1927.
399. Kaerst J. Zum Briefwechsel Alexanders d. Gr.— *Philologus*, 1897, Bd. LXI.
400. Kébric R. In the Shadow of Macedon: Duris of Samos. Wiesbaden, 1977.
401. Klengel H. Babylon zur Zeit der Perser, Griechen und Parther.— *In*: Forschungen und Berichte (Staatliches Museum zu Berlin) Bd. 5, Berlin, 1962.
402. Klotz A. Pompeius.— *RE*, 1952, 42 Hlbd.
403. Klotz A. Zu den «Periochae» des Livius.— *Philologus*, 1936, Bd. XCI.
404. Koenen L. Die «demotische Zivilprozessordnung» und die Philantropa vom 9 Okt. 186 v. Chr.— *Archiv für Papyrusforschung*, XVII, 1960.
405. Koldewey R. The Excavations at Babylon. London, 1935.

406. Kornemann E. Die Alexandergeschichte des Königs Ptolemaios I. von Aegypten. Versuch einer Rekonstruktion. Leipzig—Berlin, 1935.
407. Kroll W. Iunianus, (4).—RE, 1917, 19 Hlbd.
408. Kroll W. Kallisthenes, (2).—RE, 1919, 20 Hlbd.
409. Lahiri A. N. Corpus of Indo—Greek Coins. Calcutta, 1965.
410. Landau J. H. A Greek Inscription found near Helzibah.—Israel Exploration Journal, 1966, vol. XVI, N 1.
411. Laquer R. Diodorea.—Hermes, 1958, Bd. 86, H. 3.
412. Laquer R. Timagenes, (2).—RE, 1936, 11 Hlbd.
413. Larsen J. A. O. Greek Federal States. Their Institutions and History. Oxford, 1968.
414. Larsen J. A. O. Roman Greece.—In: An Economic Survey of Ancient Rome, vol. IV. Baltimore, 1938.
415. Laumonier A. La ceramique hellénistique à relief (Exploration archéologique de Délos, fasc. 31). Paris, 1972.
416. Leeman A. D. Orationis Ratio. The Stylistic Theories and Practice of the Roman Orators, Historians and Philosophers. Amsterdam, 1963.
417. Lehmann C. F. Zu den Ephemeriden Alexanders des Grossen.—Hermes, 1901, Bd. 36, H. 2.
418. Lenger M. T. Corpus des ordonnances des Ptolémées. Bruxelles, 1964.
419. Lenschau Th. Alexander der Große und Chios.—Klio, 1940, Bd. 33, H. 3.
420. Le Rider G. Le monnayage d'argent et d'or de Philippe II frappé en Macédoine de 359 à 294. Paris, 1977.
421. Le Rider G. Suse sous les Séleucides et les Parthes. Paris, 1965.
422. Lettre d'Aristote à Alexandre sur la politique envers les cités. Texte arabe établi et traduit par J. Bielawski, commentaire de M. Plezia. Wrocław—Warszawa—Krakow, 1970.
423. Lévêque P. Les inscriptions grecques de Fayoum — Dialogues d'histoire ancienne, 2. Paris, 1976.
424. Lévêque P. Pyrrhos. Paris, 1957.
425. Lévêque P. Recherches nouvelles sur l'histoire de l'Épire.—REG, 1957.
426. Levi M. A. Introduzione ad Alessandro Magno. Milano, 1977.
427. Liebmann-Frankfort T. L'histoire des Parthes dans le livre XLI de Trogue Pompée: essai d'identification de ses sources.—Latomus, 1969, t. XXVIII, fasc. 4.
428. Loftus W. K. Travels and Researches in Chaldaea and Susiana. London, 1857.
429. McAdams R. Land behind Baghdad. A History of Settlements on the Diyala Plane. Chicago—London, 1965.
430. McDowell R. H. Coins from Seleucia on the Tigris. Ann Arbor, 1935.
431. McDowell R. H. The Excavations at Seleucia.—Papers of Michigan Academy of Sciences, Arts and Letters, t. 18, 1932.
432. McDowell R. H. Stamped and Inscribed Objects from Seleucia on the Tigris. Ann Arbor, 1935.
433. McQueen E. I. Quintus Curtius Rufus.—In: Latin Biography, ed. T. A. Dorey London, 1967.
434. Magie D. The «agreement» between Philippe V and Antiochus III for the Partition of the Egyptian Empire.—JRS, 1939, vol. XXIX.
435. Mahaffy J. P. The Flinders Petrie Papyrie, vol. I—III. Dublin, 1891—1905.
436. Maier J. G. Griechische Mauerbauinschriften, Bd. I. Heidelberg, 1959.
437. Mallowan M. E. L. The Excavations at Nimrud (Kalhu), 1957.—Iraq, 1958, vol. XX, p. 1.
438. Mamroth A. Die Bronzemünzen des Königs Phillipus V.—ZfN, 1935, Bd. XLII.
439. Mamroth A. Die Silbermünzen des Königs Perseus.—ZfN, 1928, Bd. XXXVIII.
440. Mamroth A. Die Silbermünzen des Königs Phillipus V.—ZfN, 1930, Bd. XL.

441. Mansuelli G. A. Alessandro III di Macedonia — Enciclopedia dell'arte antica classica e orientale. Roma, I, 1958.
442. Markle M. M. The Macedonian Sarissa, Spear and Related Armor.—AJA, 1977, vol. 81, N 3.
443. Marshall J. A guide to Taxila. Cambridge, 1960.
444. Marshall J. Taxila, vol. I—III. Cambridge, 1951.
445. Mattingly H. The «Diana-Victory» didrachmes and decadrachmes of Arsinoe.—NC, 1946, vol. VI.
446. Meier Ch. Ein griechischen Ehrendekret vom Gareustempel in Uruk.—Baghdader Mitteilungen, 1960, Bd. I.
447. Mensching E. Peripatetiker über Alexander.—Historia, 1963, Bd. XII, II. 3.
448. Merkelbach R. Die Quellen der griechischen Alexanderromans. München, 1954.
449. Meyer E. Forschungen zur Alten Geschichte, Bd. II. Halle, 1899.
450. Michaelidou-Nicolau I. Prosopography of Ptolemaic Cyprus. 1976.
451. Michel Ch. Recueil d'inscriptions grecques. Bruxelles — Paris, 1900—1927.
452. Milns R. D. The Date of Curtius Rufus and the Historiae Alexandri.—Latomus, 1966, t. XXV, fasc. 3.
453. Minns E. Parchements of the Parthian Period from Avroman in Kurdistan.—JHS, 1915, vol. XXXV.
454. Mitteis L., Wilcken U. Gründzüge und Chrestomatie der Papyruskunde. Bd. I—II. Berlin, 1912.
455. Momigliano A. The historian's skin — In: A. Momigliano. Essays in Ancient and Modern Historiography. Oxford, 1977.
456. Momigliano A. Polybius' Reappearance in Western Europe — In: A. Momigliano. Essays in Ancient and Modern Historiography. Oxford, 1977.
457. Mommsen Th. Römische Geschichte. Bd. II. Berlin, 1903.
458. Montevicchi O. La Papirologia. Torino, 1973.
459. Mooren L. The aulic titulare in Ptolemaic Egypt: introduction and prosopography. Bruxelles, 1975.
460. Mooren L. La hiérarchie de cour Ptolémaïque. Contribution à l'étude des institutions et des classes dirigeants à l'époque hellénistique. Lovanii, 1977.
461. Mørkholm O. En Hellenistisk møntskat fra Bahrain.—Kuml, 1972 (1973).
462. Mørkholm O. The Hellenistic Period.—A Survey of Numismatic Research 1972—1977. Ed. by R. Carson, P. Berhaus, N. Lowick. Berne, 1979.
463. Mørkholm O. Seleucid coins from Cilicia.—ANS—MN, 1964, vol. IX.
464. Mørkholm O. Studies in the Coinage of Antiochus IV of Syria, Copenhagen, 1963.
465. Müller C. Fragmenta Historicum Graecorum, t. III.
466. Müller C. Geographi graeci minores, t. I, Paris, 1855.
467. Müller L. Numismatique d'Alexandre le Grand. Copenhagen, 1855.
468. Müller R. Die Epikuräische Gesellschaftstheorie. Berlin, 1972.
469. Myśliwiec K. A. Contribution to the Study of the Ptolemaic Royal Portrait — Etudes et Travaux (Centre d'archéologie Méditerranéenne de l'Académie Polonaise des Sciences). Warszawa, 1973.
470. Narain A. K. The Coin Types of the Indo—Greek Kings. Chicago, 1976.
471. Narain A. K. The Indo—Greeks. Oxford, 1957.
472. Neatby L. H. Romano—Egyptian relations during the third century B. C.—TAPA, 1950, vol. LXXXI.
473. Newell E. T. The Coinage of the Eastern Seleucid mints. New York, 1938.
474. Newell E. T. The Coinage of Western Seleucid Mints. New York, 1941.

475. Newell E. T. The Pergamene mint under Philetaerus. New York, 1936 (Numismatic Notes and Monographs, 76).
476. Newell E. T. The Seleucid Mint of Antioch.—AJN, 1918, vol. I.
477. Newell E. T. Tarsos under Alexander. New York, 1919.
478. Nock A. D. Poseidonius. JRS, 1959, vol. XLIX.
479. Nodelman S. A. A Preliminary History of Characene.—Berytus, 1960, vol. XIII.
480. Noe S. P. A Bibliography of Greek Coin Hoards. New York, 1937.
481. Oates D., Oates J. Nimrud, 1957: the Hellenistic settlement.—Iraq, 1958, vol. XX, P. I.
482. Oliva P. Sparta and her social problems. Prague, 1971.
483. Olmstead A. T. Cuneiform texts and hellenistic chronology.—Classical Philology, 1937, vol. XXXII.
484. Orientis Graecae Inscriptiones Selectae. vols. I—II, ed. Dittenberger. Lipsiae, 1903.
485. Orlandi T. Duride in Diodoro XIX—XX, PdP, 1964, vol. XCVI.
486. Otto W. Beiträge zur Seleukidengeschichte des 3 Jahrhunderts v. Chr.: IV, Zu dem dreisprachigen Presterdekret von Memphis aus dem sechsten Jahre Ptolemaios' IV.—Abhandlungen des Bayerischen Akademie, 1928, Bd. XXXIV, H. I.
487. Palm J. Über Sprache und Stil des Diodorus von Sizilien. Lund, 1955.
488. Papyri russischer und georgischer Sammlungen, hrsg. von Gregor Zereteli, Bd. I—IV. Tiflis, 1925—1935.
489. Pearson L. The Diary and the Letters of Alexander the Great—Historia, 1955, Bd. 3, H. 4.
490. Pearson L. Historical Allusions in the Attic Orators.—CPh 36, 1941, N 3.
491. Pearson L. The Lost Histories of Alexander the Great. New York, 1960.
492. Pečirka Y. Homestead Farms in Classical and Hellenistic Hellas.—In: Problèmes de la terre en Grèce ancienne. Sous la direction de M. Finley. Paris—La Haye, 1973.
493. Pédech P. Les historiens d'Alexandre.—In: Historiographia antiqua. Leuven, 1977.
494. Pédech P. La methode historique de Polybe. Paris, 1964.
495. Peek W. Diomedes von Troizen—Studies presented to D. M. Robinson, vol. II, 1953.
496. Peremans W., van't Dack E. Prosopographia Ptolemaica, Leiden—Louven, 1952.
497. Perkins A. The Art of Dura—Europos, Oxford, 1973.
498. Pestman P. W. Harmachis et Annachis, deux rois indigènes du temps de Ptolémées.—Chronique d'Égypte, 1965, t. XL.
499. Petersdorf R. Diodorus, Curtius, Arrianus quibus ex fontibus expeditiones ab Alexandro in Asia usque ad Darii mortem factas hauserint. Königsberg, 1870.
500. Petsas Ph. Pella Alexander the Great's Capital. Thessaloniki, 1978.
501. Pflaum H. G. Essai sur les procurateurs équestres sous la Haut—Empire romain. Paris, 1950.
502. Pick B., Regling K. Die Antiken Münzen von Dacien und Moesien. I, 1. Berlin, 1848, I, 2, 1910.
503. Pippidi D. M. Histria si Callatis in secolele III—II î. e. n. cu prijeul unei inscriptie inedite.—Studii si cercetari de Istorie Veche. Tom IV, Nr. 3—4, 1953.
504. Pippidi D. M. Stiri noi despre legaturile Histriei cu getii in epoca elenistica.—Studii si cercetari de istoria Veche. 1960, tom I, anul XI.
505. Pippidi D. M., Popescu Em. Relatiile dintre Histria si Apollonia Pontica in epoca elenistica in legatura noua inscriptie inedita.—Studia Clasice, 1960, t. II.
506. Pomtow H. R. Die Orakelinschriften von Dodona—Jahrbuch für klassische Philologie, 1883, Bd. XXIX.

507. Pompeius Trogus Fragmenta, col. O. Seel. Lipsiae, 1956.
508. Pouilloux J. Antigone Gonates et Athenes après la guerre de Chremonides — BCH, 1946, t. LXX.
509. Pouilloux J. Choix d'inscriptions grecques. Paris, 1960.
510. Pouilloux J. La forteresse de Rhamnonte. Paris, 1954.
511. Powell J. E. The Sources of Plutarch's Alexander.—JHS, 1939, vol. 59, 11.
512. Preaux Cl. Economie royale des Lagides, Bruxelles, 1939.
513. Preaux Cl. Les grecs en Egypte d'après les archives de Zenon. Bruxelles, 1947.
514. Preda C. Callatis. Bucuresti, 1968.
515. Prentice W. K. The Mnesimachus Inscription from Sardes.—AJA, 1912, vol. 1.
516. Pridik E. De Alexandri Magni epistularum commercio. Dorpati, 1893.
517. Quinte-Curce. Histoires. Texte établi et traduit par H. Bardon, t. I, Paris, 1947.
518. Quintus Curtius with an English Translation by J. C. Rolfe, vol. I. Cambr. (Mass.)—London, 1946.
519. Rabe I. Quellenkritische Untersuchungen zu Plutarchs Alexanderbiographie. Hamburg, 1964.
520. Radet G. La valeur historique de Quinte—Curce—CRAI, 1924.
521. Rawlings H. R. Antiochus the Great and Rhodes 197—191 B. C.,—AJAH, 1976, vol. I, N 1.
522. Reekmans T. Economic and social repercussions of the ptolemaic copper inflation — Chronique d'Egypte, 1949, vol. XXIV.
523. Rehm A. Die Inschriften von Milet. Berlin, 1914.
524. Reinach Th. Papyrus grecs et démotiques, vol. I, Paris, 1905.
525. Reymond E. A. E., Barns J. W. R. Alexandria and Memphis. Some historical Observations.—Orientalia, 1977, vol. 46, fasc. 1.
526. Robert J. et L. Bulletin Epigraphique.—REG, 1964, N 168, 169, 169a.
527. Robert L. De Delphes à l'Oxus. Inscriptions grecques nouvelles de la Bactriane.—CRAI 1968.
528. Robert L. Encore une inscription grecque d'Iran.—CRAI, 1967.
529. Robert L. Inscription hellénistique d'Iran. Hellenica, t. XI—XII, Paris, 1960.
530. Robert L. Inscriptions séleucides de Phrygie et d'Iran.—Hellenica. Vol. VII, Paris, 1949.
531. Robert L. *περ. на κη.*: Samothrace Excavations conducted by the Institute of Fine Arts. New York. Ed. by Lehman K. vol. 2, p. I, The Inscriptions on the Stone by Frazer P. M. New York, 1960.—Gnomon, 1963, Bd. 35.
532. Robinson A. The Ephemerides of Alexander's Expedition. Providence, 1932.
533. Robinson Ch. A.—*περ. на κη.*: W. Tarn, Alexander... AJPh, 1949, LXX, N 2.
534. Rostovtzeff M. Dura—Europos and its art. Oxford, 1938.
535. Rostovtzeff M. Seleucid Babylonia: Bullae and Seals of Clay with Greek Inscriptions.—JCS, 1932, v. III.
536. Roussel D. Les historiens grecs. Paris, 1973.
537. Roussel D. Le testament du roi de Cyrène.—REG, 1932, t. XLV.
538. Rumpf A. Zum Alexander — Mosaik.—Mitteilungen des Deutschen Archäologische Instituts. Athenisch. Abt., 77, 1962 (1963).
539. Rutten M. Contrat de l'époque séleucides, conservés au Musée de Louvre, Paris, 1935.
540. Sachs A. I., Wisseman D. I., A Babylonian King List of the Hellenistic Period.—Iraq, 1954, vol. 16, N 2.
541. Salviat F. Loi delphique sur l'or et l'argent.—In: Salviat F., Vatin G. Inscriptions de Grèce centrale. Paris, 1971.
542. Samuel A. E. Alexander's «Royal Journals».—Historia, 1965, Bd. 14, N 1.

543. Santi Amantini L. *Fonti e valore storico de Pompeo Trogo* (Justit. XXXV e XXXVI) Genova, 1972.
544. Sarkisian G. K. *Greek Personal Names in Uruk and the Graeco-Babylonica Problem*. Erevan, 1973.
545. Ἰσοκράτης Ἰ. Νομίσματα τοῦ Κράτους τῶν Πτολεμαίων, τ. I—IV, Ἀθῆναι, 1904—1906.
546. Schachermeyr F. *Alexander der Grosse*. Ingenium und Macht Graz-Salzburg-Wien, 1949.
547. Schachermeyr F. *Alexander der Grosse. Das Problem seiner Persönlichkeit und seines Wirkens*. Wien, 1973.
548. Schachermeyr F. *Alexander in Babylon und die Reichsordnung nach seinem Tode*. Wien, 1970.
549. Schachermeyr F. *Die letzten Pläne Alexanders des Grossen*.—In: *Alexander the Great. The Main Problems*, ed. by G. T. Griffith. Cambridge, (1966).
550. Schäfer A. *Demosthenes und seine Zeit*. 2 Aufl., III. Leipzig, 1887.
551. Scheda G. *Zur Datierung des Curtius Rufus—Historia*, 1969, Bd. XVIII, H. 3.
552. Schefold K. *Der Alexander—Sarkophag*, Berlin, 1968.
553. Scheu F. *Coinage system of Aetolia*.—NC, 1950, vol. XX.
554. Schlumberger D. *Ai-Khanum—une ville hellénistique en Afghanistan*.—CRAI, 1965.
555. Schlumberger D. *L'Orient hellénisé*. Paris, 1970.
556. Schlumberger D. *La prospection archéologique de Bactres*.—Syria, 1949, vol. XXVI, fasc. 1—2.
557. Schlumberger D. *Une nouvelle inscription grecque d'Asoka*, CRAI, 1964.
558. Schlumberger D., Bernard P. *Ai-Khanum*.—BCH, 1965, t. LXXXIX.
559. Schlumberger D., Robert L., Dupont-Sommer A., Benveniste E. *Une bilingue gréco-araméenne d'Asoka*.—JA, 1958, t. 246, fasc. 1.
560. Schmitt H. H. *Die Staatsverträge des Altertums, II: Die Verträge der griechische-römischen Welt von 338 bis 200 v. Chr.* München, 1969.
561. Schoene A. *De rerum Alexandri Magni scriptorum inprimis Arriani et Plutarchi fontibus*.—*Analecta Philologica Historica I*, Lipsiae, 1870.
562. Schubart W. *Einführung in die Papyruskunde*, Berlin, 1918.
563. Schwartz. *Aristobulos*.—RE, 1896, 2.
564. Schwartz. *Arrianus*.—RE, 1896, 2.
565. Schwartz. *Chares*.—RE, 1899, 3.
566. Schwartz. *Curtius*.—RE, 1901, 4.
567. Schwartz. *Diodorus*.—RE, 1903, 9 HIBd.
568. Schwarzenberg E. *The Portraiture of Alexandre—Alexandre le Grand. Image et réalité. Entretiens sur l'antiquité classique*, t. XXII Vandoeuvres—Genève, 1976.
569. Segré A. *The Ptolemaic copper inflation ca. 230—140 B. C.*—*American Journal of Philology*, 1942, vol. LXIII.
570. Seibert J. *Alexander der Grosse*, Darmstadt, 1972.
571. Seibert J. *Untersuchungen zur Geschichte Ptolemaios I*. München, 1969.
572. *A Selection of Greek Historical Inscriptions*, vol. I—II, by M. N. Tod. London, 1948—1950.
573. Sellwood D. *The Drachms of the Parthian «Dark Age»*.—JRS, 1977, v. 1.
574. Sellwood D. *An Introduction to the Coinage of Parthia*. London, 1971.
575. Sethe K., Partsh J. *Demotische Urkunden für das Burgschaftsrecht—Abhandlungen des Sächsische Akademie des Wissenschaft. Phil.-hist. Kl.*, 1950, Bd. XXXI, N 1—5.

576. Seyrig H. Aradus et sa pérée sous les rois séleucides — ANS—MN, 1950, vol. IV.
577. Seyrig H. Aradus sous les rois séleucides.— Syria, 1951, vol. XXVIII.
578. Seyrig H. Monnaies contremarques de Syrie.— Syria, 1958, vol. XXXV.
579. Seyrig H. Monnaies hellénistiques.— RN, 1963, vol. V.
580. Seyrig H. Parion au 3e siècle avant notre ère.— Centennial Publication of the American Numismatic Society, ed. by H. Ingholt, New York, 1958.
581. Seyrig H. Seleucus I et la fondation de la monarchie syrienne.— Syria, 1970, t. XLVII, fasc. 3—4.
582. Simpson R. H. Abbreviation of Hieronymus in Diodorus — American Journal of Philology, 1959, vol. LXXX.
583. Smith L. C. The Chronology of Books XVIII—XX of Diodorus of Sicily.— AJPh, 1961, vol. LXXXII.
584. Smith V. A. Catalogue of the Coins in the Indian Museum. Calcutta, Oxford, 1906.
585. Steel R. B. Pompeius Trogus and Justin — AJPh, 1917, vol. XXXVIII, N 1.
586. Strasburger H. Onesikritos.— RE, 1939, 35 IIbd.
587. Strasburger H.— Рецензия на кн.: E. Корнеманн, Die Alexander-geschichte...— Gnomon, 1937, Bd. 13, II. 9.
588. Strasburger H.— Рецензия на кн.: W. Tarn, Alexander...— Bibliotheca Orientalis; 1952, vol. IX, N 5/6.
589. Supplementum Epigraphicum Graecum, VII, 1934.
590. Swiderek A. W «panstwe» Apolloniosa. Warszawa, 1959.
591. Sylloge Nummorum Graecorum. Deutschland. Sammlung v. Aulock. Pontus, Paphlagonien, Bithynien. Heft 1. Berlin, 1957.
592. Tarn W. W. Alexander, Cynics and Stoics — AJPh, 1939, vol. LX, N 1.
593. Tarn W. W. Alexander the Great vol. I—II. Cambridge, 1950.
594. Tarn W. W. Alexander's $\hat{\nu}\rho\omega\mu\acute{\eta}\mu\alpha\tau\alpha$ and the «world-kingdom».— JHS, 1921, vol. 41,
595. Theander C. Plutarch und die Geschichte. Lund, 1951.
596. Theophrastus. On stones. A modern English Edition with Greek Text, Translation, Introduction and Commentary Ed. by E. R. Caley, F. F. C. Richards, Columbus, 1956.
597. Therasse J. Le jugement de Quinte—Curce sur Alexandre.— LEC, 1973, vol. XLI.
598. Therasse J. Le moralisme du Justin (Trogue—Pompée) contre Alexandre le Grand: son influence sur l'oeuvre de Quinte—Curce.— AC, 1968, vol. XXXVII.
599. Thompson M. The New Style Silver Coinage of Athens, New York, 1961.
600. Thompson M., Bellinger A. R. Greek Coins in the Yale Collection, IV: a Hoard of Alexander Drachms.— YCS, 1955, vol. XIV.
601. Treves P.— Рецензия на кн.: E. Корнеманн, Die Alexander-geschichte...— REA, 1937, vol. XXXIX, N 3.
602. Tschirikover V. Die Hellenistischen Städtegründungen von Alexander dem Grossen bis auf die Römerzeit. Leipzig, 1927 («Philologus», XIX, Heft 1).
603. Un editto bilingue greco-aramaico di Asoka, Roma, 1958 (Serie Orientale, Roma, vol. XXI).
604. Van Berchem D. Alexandre et la restauration de Priène.— Museum Helveticum, 1970, t. 27, fasc. 4.
605. Vanderpool E., McCredie J. R., Steinberg A. Koroni: a ptolemaic camp on the east coast of Attica.— Hesperia, 1962, vol. XXXI.
606. Van Ingen W. Figurines from Seleucia on the Tigris. Ann Arbor, 1939.
607. Velissaropoulos J. Les nauclères grecs. Paris, 1980.
608. Verdière R. Quinte—Curce, écrivain néronien — Wien. St. 1966, vol. LXXXIX.

609. Vidal-Naquet P. *Bordereau d'ensemencement dans l'Egypte ptolémaïque*, Bruxelles, 1967.
610. Viereck P. *Philadelphia* — In: *Beihefte zum alten Orient*, 1928, Bd. XVI, Leipzig.
611. Waage D. B. *Greek, Roman, Byzantine and Crusaders' Coins*, Princeton, 1952 (*Antioch-on-the-Orontes*, IV, 2).
612. Wace A. J. B., Megaw A. H. S., Skeat T. C. *Hermopolis Magna, Ashmunein. The Ptolemaic Sanctuary and the Basilica*, Alexandria, 1959.
613. Wacholder B. Z. *Nicolaus of Damascus*, Berkeley—Los Angeles, 1962.
614. Walbank F. W. *Aratos of Sicyon*, Cambridge, 1933.
615. Walbank F. W. *A Historical Commentary on Polybius*, Vols. I—III, Oxford, 1957—1978.
616. Walbank F. W. — рецензия на кн.: E. Kornemann, *Die Alexander-geschichte...* — JHS, 1937, vol. 57, 98f.
617. Walsh P. G. *Livy: his historical aims and methods*, Cambridge, 1961.
618. Wardman A. E. *Plutarch and Alexander* — CQ, 1955, vol. V, N 1—2.
619. Waterman L. *Preliminary Report upon the Excavations at Tell Umar, Iraq*, Ann Arbor, 1931.
620. Watermann L. *Second Preliminary Report upon the Excavations at Tell Umar, Iraq*, Ann Arbor, 1933.
621. Wehrli C. *La place de Trogue — Pompée et de Quinte — Curce dans l'histoire romaine*. — REL, 1961, vol. XXXIX.
622. Welles C. B. *The Discovery of Sarapis and the Foundation of Alexandria*. — *Historia*, 1962, Bd XI, H 3.
623. Welles C. B. *New Texts from the Chancery of Philip V of Macedonia and the Problem of the «Diagramma»*. — *AJA*, 1938, vol. XLII, N 2.
624. Welles C. B. *The Reliability of Ptolemy as an Historian*. — *Miscellanea di studi Alessandrini in memoria di Augusto Rostagni*, Torino, 1963.
625. Welles Ch. B. *Royal Correspondence in the Hellenistic Period. A Study in greek Epigraphy*. New Haven, 1934.
626. Welles C. B. *Sources and character of the Narrative, Book XVII — Diodorus of Sicily, vol. VII, with an English Translation by C. B. Welles*, London—Cambridge (Mass.), 1970.
627. Welles C. B., Fink R. O., Gilliam J. F. *The Parchments and Papyri*, New Haven, 1959 (*The Excavations at Dura Europos Final Report V, Part I*).
628. Wenke R. J. *Imperial Investments and Agricultural Developments in Parthian and Sasanian Khuzestan*. — *Mesopotamia*, 1977, t. X—XI, Firenze.
629. Wetzel F., Schmidt E., Mallowitz A. *Das Babylon der Spätzeit*. Berlin, 1957.
630. Wheeler M. *Charsada. A Metropolis of the North-West Frontier*. Oxford, 1962.
631. Wheeler M. *Five Thousand Years of Pakistan. An Archeological Outline*. London, 1950.
632. Whitehead R. B. *The Eastern Satrap Sophytes*. — *NZ2*, 1943.
633. Wilcken U. *Alexander der Grosse und die Korinthische Bund*. — *Sitzungsberichte des Preussische Academie*, Berlin, Bd. XVI, 1922.
634. Wilcken U. *Griechische Ostraka aus Aegypten und Nubien*. Bd. I—II, Leipzig—Berlin, 1899.
635. Wilcken U. *Urkunden der Ptolemäerzeit*. Leipzig—Berlin, 1922.
636. Will E. *Histoire politique du monde hellénistique*, t. I—II, Nancy, 1966—1967.
637. Will E., Mossé Cl., Goukowsky P. *Le monde grec et l'Orient*, t. II. *Le IVe siècle et l'époque hellénistique*. Paris, 1975.
638. Wirth G. *Anmerkungen zur Arrianbiographie*. — *Historia*, 1964, Bd. 13, H. 2.
639. Wirth G. *Aristobulos, 7. Der Kleine Pauly Lexikon der Antike*, 1963, 4.
640. Wirth G. *Ptolemaios I. als Schriftsteller und Historiker*. — *RE*, 1959, 46 Hebd.

641. Wycherley R. E. The Agora of Athens (The Athenian Agora XIV) 1972.
642. Ziebarth E. Cyriacus von Ancona in Pergamon — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung, 1902, Bd. XXVII.
643. Ziegler K. Plutarchos, 2 — RE, 1951, 41 Hlbbd.
644. Ziegler K. Plutarchos von Chaeroneia, Stuttgart, 1949.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Август 20, 49, 52, 82, 100, 113, 160
 Агафархид Книдский 105, 114
 Агафокл 69, 70, 106
 Агесилай Великий 77
 Агис III 36, 98, 104
 Агис IV 67, 71
 Агонипп 40, 41
 Ада 48
 Адриан 59, 100
 Акротат 91
 Александр Балас 122
 Александр II (Эпирский) 108
 Александр II Забина 122
 Александр (сын Пирра) 70
 Александр Македонский 3, 4, 10, 13, 19, 20, 22—65, 68, 73, 77, 90, 92, 93, 101, 103, 126, 137, 140, 157, 178, 191.
 Александр (племянник Антигона Гоната) 88, 90
 Амага 189
 Аммиан Марцеллин 191
 Аммон 26, 50, 57
 Аммоний 99
 Амфиарий 87
 Андриск 106
 Андрагор 145
 Анонимный автор Перипла 186, 187
 Антигон Гонат 68, 73, 87, 92, 105, 108, 122
 Антигон Досон 72, 80
 Антигон Одноглазый 31, 38, 41, 61, 68, 98, 103, 105, 116
 Антиох I 122, 128, 129
 Антиох II 129
 Антиох III 75, 119—121, 123, 127, 129, 130, 132, 137, 141, 158, 159
 Антиох (сын Антиоха III) 129, 130, 153
 Антиох IV 86, 119, 125, 126, 130, 133, 159, 160, 168
 Антиох (сын Антиоха IV) — 86
 Антиох V 126
 Антиох VI 122
 Антиох VII Сидет 142
 Антоний 20, 82, 101, 143
 Апатура 200.
 Аполлодор 88, 141
 Аполлон 129, 139, 148, 194, 195
 Аполлоний (Дионикет) 171, 179
 Аполлоний Родосский 186, 190
 Аппиан 82, 103, 106—108, 120—122, 136, 143, 160, 187, 188
 Арат Сиционский 70—73, 79—81, 99, 102, 104
 Арей 88, 91
 Ариарат 122
 Арист 62
 Аристобул 27, 30—35, 46, 47, 52, 55, 56, 60—62
 Аристодикид 129
 Аристомах Аргосский 90
 Аристоник 137
 Аристотель 7, 13, 25, 26, 44, 56, 73, 75, 100, 109, 110, 112, 162, 187
 Аристофан 7, 117
 Арриан 13, 23, 24, 29—31, 35, 45, 47, 48, 51, 54, 56, 59—64, 69, 141, 143, 145, 186
 Артабан II 146
 Артемида 129, 148, 195
 Артемидор из Эфеса 186
 Архимед 114
 Архипп 85
 Аршакяды 142, 146, 150, 153
 Аршак I 145, 151
 Асандр 201
 Асклепиад 62
 Атей 188, 189
 Атропат 62
 Аттал I 97, 120, 129, 136
 Аттал III 137
 Афина 13, 42
 Афиней 72, 114, 136, 187
 Афродита 195, 200, 201
 Ахей 119
 Ахилл 59, 184, 195
 Ахиллодор 195
 Ашока 128
 Балакр 43
 Бион Борисфенит 190
 Валерий Флакк 190
 Варрон Теренций 74
 Венгидий Басс 143
 Веспасиан 52, 100
 Витрувий 115.

- Вульсон Луций Маллий 153
 Гагемонд 86
 Гашибал 54, 73, 78, 107, 109, 123
 Гарпал 36
 Гарпократис 188
 Гатал 192
 Гегелох 38
 Гегесип 37
 Гекатей Милетский 6, 184
 Гелен 70
 Гелланик Митиленский 185
 Гелланик (Родосец) 192
 Гера 195
 Геракл 42, 62, 155, 195, 200
 Гераклий Контский 116
 Гераклид Лемб 190
 Гермес 155
 Гермий 170
 Гермипп 101
 Гермоген из Алабанды 114
 Герод 117
 Геродиан 143
 Геродор 190
 Геродот 6, 7, 29, 62, 73, 79, 99,
 184—186, 189
 Гефестис (каллатиец) 193
 Гилон 188
 Гиперид 35—37.
 Гиппократ 185
 Гиппомедон 175
 Гистасп 127
 Гомер 56, 59, 114
 Гор 176, 180, 181
 Гораций 143
 Горг 40
 Готарз 147, 151

 Дамаст 185
 Даниил 125, 126
 Дарий I 184
 Дарий III 25, 34, 45, 46, 50, 53, 61,
 62
 Демад 48
 Демарх 40
 Деметра 195, 200, 201
 Деметрий каллатиец, географ 190
 Деметрий Полноркет 68—70, 92, 98,
 101, 103—106, 124
 Деметрий Фалерский 70, 114
 Деметрий I (Селевкид) 73, 119, 122
 Деметрий II (Селевкид) 122
 Деметрий II (Македонский) 108
 Деметрий (сын Филиппа V) 108
 Деметрий из Каллатиса 186
 Деметрий (Бактрийский) 153
 Демосфен 35—37, 188
 Динл Афинский 47
 Диксарх 112, 116
 Дион 32, 52
 Дион (представитель общины хоа-
 хитов) 170
 Динарх 35, 36, 188
 Диоген, книжник 27, 28, 48
 Диоген (начальник македонского
 гарнизона в Афинах) 84
 Диоген Лазертский 111, 136
 Диодор Сицилийский 21, 24, 25, 32,
 33, 35, 45—50, 52, 68—70, 105,
 106, 111, 114, 122, 124, 136, 142,
 161, 180, 186
 Диодот I 153
 Диодот II 153
 Диодот-Трифон 122
 Дион Кассий 122, 143, 145, 187, 188
 Дионисий из Ольвии 190
 Дионисий, сын Кефала 171—173
 Диофант 192
 Дурис 27, 47, 56, 70, 105, 106, 189

 Евгемер 111
 Евклид 114
 Евкратид 153
 Евмел 189
 Евмен (один из диадохов) 24, 68—
 70, 98, 105, 124
 Евмен (пергамский царь) 78, 136
 Еврислай 40
 Евсевий Кесарийский (Памфил) 124,
 136, 143, 161
 Евтидем 119, 153
 Евтропий 143, 191

 Зевс 13, 42, 138, 195
 Зенон (философ) 58
 Зенон 12, 168, 170, 171, 180
 Зоппион 191
 Зосим 145

 Иероним из Кардии 25, 68, 69, 73,
 102, 105, 108, 116, 120
 Иероним, св. 75, 124, 125, 161, 168,
 169
 Иосиф Флавий 82, 122, 126, 142, 161
 Ипполита 62
 Ирод Великий 82
 Исида 181
 Исидор Харакский 142
 Исигона (из Херсонеса) 193
 Исократ 120, 188
 Ифигения 184

 Кабирь 200
 Калигула 52
 Калликсена 114
 Каллимах 161
 Каллисфен 13, 24, 25, 27, 29, 30, 33,
 35, 47, 51, 52, 55, 56, 58, 73, 79
 Каноб 192
 Кассандр 45, 103, 116

- Катон Старший 74
 Квинт Фабий Максим 85
 Киланнон 85
 Кир Старший 31
 Кир Младший 59
 Клеарх 190
 Клеарх из Сол 155
 Клеомен III 67, 70, 71, 79, 98, 102,
 104, 105, 161
 Клеон 165, 171
 Клеопатра II 168, 176
 Клеопатра III 159
 Клеопатра VII 82, 179
 Клит 27, 57
 Клитарх 26, 27, 29, 30, 32—35, 46,
 47, 49, 50, 52, 53, 56
 Козьма Индикоплов 175
 Константин Великий 52
 Константин Порфирогенит 105
 Кора 200
 Красс 99, 143
 Кратер 188
 Ксанф (из Херсонеса) 193
 Ксенофонт 7, 21, 28, 59, 62, 73, 77,
 77, 79, 185
 Ктесий 52, 56
 Ктесифонт 36, 188
 Курций Руф 13, 24, 33, 35, 45—47,
 49—54, 191
 Лаодика (жена Антиоха II) 129
 Лаодика (жена Антиоха III) 127
 Лаодика (жена Антиоха IV) 86
 Левин Марк Аврелий 78
 Левкон I 189
 Левкотея 202
 Ликорт 72
 Лпкург 35, 36, 41, 76
 Лисий 21
 Лисимах 27, 92, 103, 104, 116, 137
 Лисимах (воспитатель Аттала I) 135
 Лукан 143
 Лукиан 32, 143
 Лукулл 73
 Лукулл Лициний Луций 99, 124
 Мазак 44
 Мазей 44, 54
 Макробий 191
 Маркиан Гераклеяский 186
 Масинисса 73
 Мегасфен 61, 63, 64
 Мелеагр 129
 Мемнон 46, 48, 124, 128, 190
 Менандр 7, 117, 162
 Менандр (Бактрийский) 153
 Менипп 186
 Микон 62
 Миннион 40
 Мирон Приенский 116
 Митра 148
 Митридат II Парфянский 147
 Митридат VI Понтийский 67, 93,
 117, 187, 188, 190, 192
 Мнесимах 130
 Моисей Хоренский 144
 Молон 119
 Мосхион 114
 Набис 67, 78
 Навтим (Каллатиец) 192
 Напайя 148
 Нсанф из Кизика 135
 Нсарх 28, 29, 47, 61, 63, 64
 Непот Корнелий 74
 Нерон 52
 Ника 13, 42, 43
 Никаиф 126
 Николай Дамасский 82, 124.
 Пимфид 190
 Пип 49
 Овидий 190
 Одиссей 29
 Олимпиада (мать Александра Маке-
 донского) 25, 57
 Олимпиада 108
 Онесикрит 27, 28, 30, 32, 35, 47, 55,
 56, 61
 Орозий 75, 143, 191
 Ороферн 122
 Павел Эмилий 72, 73, 98, 100, 123,
 124
 Павсаний 69, 73, 115—117, 136, 161
 Панэтий 82
 Парменион 48, 51, 57
 Пердикка 23, 25, 105
 Перикл 188
 Перисад I 189, 193
 Перисад II 194
 Персей 73, 84, 93—95, 108
 Пиндар 7
 Пирр 68—71, 75, 78, 93, 98, 104, 108,
 116, 122
 Платон 7, 73, 100, 101, 109, 110, 187
 Плиний Старший 74, 124, 142, 190,
 191
 Плиний Младший 143
 Плутарх 23, 24, 27, 35, 44, 47, 53—
 59, 69—71, 98—105, 124, 142, 143,
 161, 188
 Полибий 7, 12, 26, 68—82, 98, 102,
 104—107, 109, 114, 119—123,
 135, 136, 141, 153, 158, 190, 192
 Полюен 87, 124, 189
 Помпей Гней 82, 99, 124
 Помпей Трог 33, 45, 47, 49—52, 69,
 70, 72, 108, 109, 121, 122, 136,

- 142, 153, 158, 159, 161, 187, 188,
190, 191
- Помпоний Мела 190
- Поцилий 119
- Пор 43
- Порфирий 125, 168
- Посидоний 82, 105, 114, 141, 142,
189
- Посидоний из Ольвии 190
- Притап 189
- Проматид 190
- Прометей 184, 185
- Протоген 192
- Прусий 78
- Псевдо-Аристотель 113, 187
- Псевдо-Гиппократ 185
- Псевдо-Скилак 186
- Псевдо-Скимн 194
- Птолемей I 23, 27, 29—35, 45, 52,
60—62, 103—105, 161, 177, 178
- Птолемей II 88, 89, 90, 129, 134,
150, 167, 178
- Птолемей III 123, 175, 179
- Птолемей IV Филопатор 75, 129,
134, 158—160, 179
- Птолемей V 72, 160
- Птолемей VI 159, 178
- Птолемей VIII Фискон 159, 168, 169,
176—178
- Птолемей X Александр 159
- Птолемей Керавн 122, 137
- Птолемей из Мегалополя 73
- Птолемей Клавдий (географ) 135,
191
- Птолемей (стратег Келесирин и
Финикин) 130
- Регул Марк Атилий 153
- Риан 116
- Савмак 192
- Саллюстий 143
- Сатир 189
- Светоний 161
- Себеос 144
- Селевк I 103, 122, 123, 127—129,
137, 178
- Селевк II 121—123
- Селевк IV 125, 130
- Семирамида 49
- Семпроний Азелцион 74
- Сенека 53, 54
- Сивилла 26
- Синкел 145
- Сириск 21, 189, 192
- Скил 184
- Скимн Хиосский 186
- Собек 181
- Сократ 185
- Солин 191
- Сос 85
- Сосибий 116
- Спарток II 194
- Спарток III 194
- Спартокиды 188, 193
- Стойей 112
- Страбон 27, 28, 31, 33, 56, 113, 124,
136, 141, 142, 153, 160, 181, 186,
187, 192, 202
- Стратид из Олифа 24
- Сулла 98, 124
- Сципион Старший 73, 74, 78
- Сципион Эмилиан 73
- Сыма Цянь 153
- Танс 33, 53
- Ташит 142
- Тевта 78
- Тезей 62
- Телеф 136
- Тимаген 49, 50, 52, 109, 120
- Тимей 26, 52, 69, 70, 73, 70, 105,
106
- Тимоклея 48
- Тимoleon 69
- Тиргатао 189
- Тиридат II 145
- Тит Ливий 53, 54, 74, 82, 94, 107,
109, 121, 123, 136, 161
- Траян 58, 100, 143
- Тюхе 13
- Фабий Пиктор 106
- Фарнак I (понтийский) 78, 192
- Феодор 165, 171
- Феокрит 7, 161
- Феокрита 56
- Феопомп 73, 79
- Феофраст 52, 112—114
- Фест 191
- Филарх 71—73, 79, 81, 102, 136
- Филипп II 36, 37, 50, 57, 73, 77, 92,
93, 97, 188, 189, 191
- Филипп Арридей 41
- Филипп V 75, 78, 84, 85, 94, 107—
109, 120
- Филитер 137
- Филодем 113
- Филокл 85, 90
- Филоксен 45
- Филон 114
- Филон Византийский 115
- Филолемен 72, 74, 98
- Филота 57, 58
- Фламиний Тит 98
- Флор Луций Анней 143
- Флор Луций Местрий 100
- Фокион 48
- Фраат IV 145
- Фрасьбул 48

Фрасимед (Гераклеот) 192
Фронтин 191
Фтия 108
Фукидид 7, 30, 73, 79, 188

Хань (династия) 153
Харет из Митилены 26, 27, 56
Хатор 181
Хилоннда 91
Хнум 181
Хремонид 89

Цезарь 20, 99, 161
Цицерон 53, 69, 74, 161

Чаудрагупта 127
Чжан Цянь 153

Эврипид 7
Эгссагор 193

Эмилий Регилл 78
Эпиктет 59
Эпикрат (ольвиополит) 193
Эпикур 110
Эратосфен 52, 61, 63, 64, 113
Эсхил 185
Эсхин 35, 36, 188
Эфиальт 48
Эфор 73, 79, 186, 189

Ювнал 143
Юлиан Апостат 75
Юлий Африкан 143
Юстин 24, 33, 35, 45—47, 49, 107,
108, 121—123, 136, 141, 142,
145, 153, 158—161, 187, 188,
190, 191

Язон 125, 126
Ямбул 111

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ И ЭТНИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ

Абидос 43
Адулис 134
Ай-Ханум 15, 44, 128, 133, 154—156
Ака 42, 43
Акарнания 85, 88
Акорис 172
Акрокоринф 102
Акий 88
Александрия Египетская 24, 32, 34,
45, 48, 99, 143, 159, 160, 167,
176, 177, 179, 181
Александрия у Исса 43
Альпийские горы 54, 73
Амастрия 194
Амбракия 93
Амис 185, 202
Аморос 87
Амфиполь 43, 93, 94
Анакторион 88
Англия 163
Анн Арбор 164
Антиохия Сирийская (на Оронте)
115, 132—134
Аньсл 144
Апамя 82, 133, 141
Аполлония Понтийская 184, 187,
193, 195, 199
Аравия 42
Арад 43, 132
Арахозия 54
Аргос 38, 90, 115, 176

Аркадия 115
Армения 188
Арсиновтский ном 167, 171
Аскалон 132
Атлантический океан 73
Атталидов (царство) 129, 135
Атика 15, 84, 92, 97, 98, 115, 178,
182, 202
Афганистан 44, 128, 140, 154,
Афины 36, 37, 41, 48, 69—71, 87,
90, 97—99, 106, 107, 116, 117,
136, 139, 188, 194
Африка 73
Ахайя 115, 178
Ахейская Гавань 191
Ахейский союз 67, 70—72, 74, 79—
81, 85, 92, 104
Ахерузий 202
Ашхабад 150

Бактрия (Бактриана) 134, 152, 154,
175
Бактры 42, 43, 119, 155
Бакхиада 180
Бард-е Нешанде 134, 152
Беграм 155
Белый остров 184
Бельгия 166
Бельское городище 184
Беотия 92, 99, 115
Березань (остров) 184, 185, 195

Берлин 164
Библия 43
Борисфен (река) 186
Борисфенида 184
Боспор Киммерийский 185, 189
Боспорское царство 20, 21, 168,
187—189, 192—194, 198—200
Буг 186

Вавилон 24, 31, 34, 43, 44, 48, 54,
130, 133, 146, 147, 150
Вавилония 44, 130, 131
Великая Греция 15
Вена 164
Вифиния 59, 78, 192

Гавгамелы 26, 48, 54
Галлия 73
Гамария 79
Ганг 64
Гебелен 172, 173
Герклейский полуостров 197—199
Геракля 185, 187, 189, 190, 192,
194—196, 199, 202
Гермонасса 195
Гермополь Великий 172, 180
Геты 193
Гидасп 28, 32
Гиерапитна 93
Гиенос 201
Гиза 163
Гиндар 143
Гиндукуш 54
Гипанис 186
Гиркания 145
Гифазис 64
Горгиппия 199, 201
Граник 48, 51, 61
Греко-Бактрия 4, 133, 140, 152—156
Греция 3, 4, 15, 35, 36, 41, 45, 50,
66, 67, 70, 73, 78, 80, 81, 83, 85,
86, 91—94, 96—100, 104—109,
112—116, 139, 189, 190, 195
Гунии 154
Гуроб 165

Дамаск 43
Дарб эль Герза 170
Делос 83—85, 87, 92, 194
Дельфы 85, 86, 91, 155, 194
Дендера 181
Диала 134
Дидимы 129
Димы 85, 86
Диоскурия 199, 200
Днепр 186
Днестр 186
Днестровский лиман 198
Додона 88, 96.
Дон 184

Дрилы 185
Дунай 186
Дура-Европос 130—133, 146, 148,
150—152

Евпатория 198
Евфрат 31, 54, 131, 148
Египет 3, 4, 12, 15, 29, 31, 74, 75,
88—90, 103, 105, 106, 119, 121,
134, 157—163, 166—174, 177—
182

Иасос 40
Иберийский полуостров 73
Илдон 128, 129
Иллирия 107
Инд 27, 51, 64, 65, 153
Индийский океан 51
Индия 20, 27, 31, 43, 63, 64, 118,
140, 177
Иис 178
Ирак 140
Иран 126, 127, 142, 151
Иранский Курдистан 149
Иранское нагорье 18
Испания 73, 74
Исс 26, 46
Истмийский перешеек 88
Истр 64, 186
Истрия 184, 187, 193, 195, 199
Италия 3, 72, 75, 99
Иудея 82

Кавказ 185, 188
Кавказская Албания 42
Калимна 39, 40
Каллатис 199
Каменское городище 184
Кандагар 41, 128
Каноп 174
Каппадокия 59
Карфаген 73, 75, 78
Кассандрия 31
Келесирия 130, 135, 161, 178
Кеос 87
Кефы 201
Керасуит 185
Керкеосирис 164, 172
Керкинитиды 184, 195
Керчь 200
Кефаллония 92
Киликия 43, 44, 132, 134
Кипр 43, 157, 166, 177, 178
Кирена 41, 125, 178
Киренаика 157
Китай 141
Китион 43
Климакс (гора) 48
Клид 96, 194
Колофон 38, 43

- Колхи 185.
 Колхида 188, 195, 199, 202
 Колхидское царство 201
 Ком-Омбо 181
 Коринф 48, 75, 85, 92, 114, 115
 Кос 87, 90, 194
 Кравнон 84
 Красное море 177
 Крит 85, 92, 93, 98, 137
 Кромны 195
 Крым 184, 186, 198, 200
 Куропедион 137
 Кушанское царство 140
- Лакедемон** 15, 64, 88, 176, 178
 Лаконика 115
 Лампсак 43
 Наодикса Приморская 86
 Ларисса 84
 Лациний 78
 Левктры 70
 Лесбос 177
 Ливия 160, 178
 Лидия 48
 Локрида 92
 Локрида Озольская 85
 Локры 93
- Магнесия** 121, 129
 Макроны 185
 Македония 4, 15, 36, 37, 44, 45, 50,
 66, 67, 70, 73, 75, 80, 85—87,
 90—96, 98, 102, 104, 106—109,
 113, 123, 129
 Малая Азия 37, 38, 43—45, 74, 78,
 96, 99, 118—120, 123, 128, 129,
 134—137, 157, 171, 177, 186, 192,
 202
- Мариандины** 186, 187
 Масджид-и Сулейман 134, 152
 Массалия 95
 Мегалополь 72, 79
 Мегарика (см. Херсонес) 191
 Мемфис 177
 Мемфитский ном 171
 Меотиа 185
 Меоты 185
 Месембрия 184, 192, 193, 195, 199
 Месопотамия 140, 142, 150—152
 Мессения 79, 115
 Мидия 51, 54, 128, 142, 143, 146, 147
 Микены 115
 Милет 43, 129, 194
 Милитополис 191
 Мирмекий 199
 Мвтилена 39
 Митридатокерт 151
 Моссинойки 185, 186
- Навкратис** 71
- Навлох 38
 Науса (Мнеза) 44
 Нил 64
 Нимруд 134
 Нимфей 188, 195, 199, 200
 Никевия 147
 Ниса 142, 150—152
 Нотий 38
 Нубия 114
 Нью-Йорк 164
- Одессос** 192
 Олимпия 74, 88
 Ольвия 184—186, 189—192, 194,
 195, 198, 199
 Офнус 191
- Пакистан** 140
 Палестина 171
 Памфилия 178
 Пантикапей 186, 189, 195, 199
 Панхайя 111
 Париж 164
 Парны 145
 Парос 194
 Парфияна 145, 152
 Парфия 18, 20, 51, 59, 133, 140—
 146, 148—153
 Пасаргады 31
 Пафос 43
 Пелла 42—44, 93, 94, 97
 Пеллопоннес 20, 43, 71, 92, 104
 Пергам (город) 136, 138
 Пергамское царство 4, 107, 118, 120,
 135—137, 192
 Персеполь 45, 48
 Персида 124, 133
 Персидский залив 130
 Персия 32, 33, 37, 52, 54, 185
 Пешавар 154
 Пирей 41
 Пичвнари 201
 Помпен 45
 Понт Евкспинский 54, 185—187, 194
 Понтийское царство 74, 84, 117, 192,
 202
 Приена 37, 38
 Прикубанье 189
 Причерноморье 184—187, 190, 191,
 193, 195, 199—202
 Птолемаида 176
 Птолемея (царство) 121, 129, 132,
 134, 157—159, 161, 168—170,
 174—179, 182
 Пушкалавати 154
- Рафия** 119, 134, 158, 159, 174
 Реня 83
 Рим (Римское государство) 12, 20,
 62, 67, 72—76, 78, 80—82, 93,

- 95, 99, 100, 106, 107, 109, 119—
121, 123, 132, 140—142, 159, 178,
179, 187
- Родос 82, 96, 103, 106, 107, 120, 194,
195
- Сав 64
- Савроматы 185
- Саксанохур 155
- Саламия 43, 103
- Самос 21, 84, 194
- Самофрака 175, 182
- Сарды 43, 130
- Сезам 194
- Селевкидов, государство 4, 75, 118—
120, 122—134, 142, 144, 145,
150—152, 161, 175, 178
- Селевкия на Тигре 132, 133, 150, 151
- Селевкия на Эвлее 146, 147
- Селевкия Приморская 130, 133, 134
- Сидон 42, 43, 45 90
- Сикион 20, 43, 92
- Синдское государство 195
- Синопа 96, 185, 187, 192, 194, 195,
199, 202
- Сирия 43, 44, 120, 128, 132, 142,
150, 157, 168, 171
- Сирос 87
- Сицилия 3, 69, 105
- Скифия 184—186, 190
- Скифское царство 189
- Скифополь 130
- Смирна 87
- Спарта 36, 37, 66, 76, 79—81, 87,
104, 105, 108, 116
- Средняя Азия 18, 54
- Сузиана 145, 152
- Сузы 27, 48, 119, 127, 130, 132,
145—147, 151
- Сухуми 201
- США — 166, 167
- Таврика 198
- Тавромений 69
- Таксила 155
- Таманский полуостров 184, 200
- Таянис 195, 199
- Тарент 179
- Тарс 43
- Тевтониис 164, 172
- Тегея 39, 40
- Тенедос 87
- Теос 43
- Тибарены 185
- Тир 61
- Тира (город) 191, 195, 198
- Тира (река) 186
- Тиринф 115
- Трапезунд 185
- Трезена 87
- Троада 48
- Троя 129
- Туркменская ССР 140, 150
- Умм эль-Атль 180
- Урук-Варка 133, 146, 147
- Файлака 130, 134
- Фанагория 195, 199, 200
- Фасис (город) 201
- Фасис (Риони, река) 201
- Фасос 96, 194, 195
- Фаюм 163
- Феодосия 187, 195
- Фергана 153
- Фессалия 85, 92, 93, 176
- Фессалоники 94
- Фивы 37, 48
- Фивы (Египетские) 181
- Фила (остров) 177, 181
- Филадельфия 170, 171, 180
- Финикия 43, 44, 130
- Флоренция 164
- Фокида 92, 115
- Фракийцы 185
- Фракия 48, 177, 191
- Франция 163
- Фригия 38, 61
- Хавар 165
- Харакена 133
- Херонея 99
- Херсонес Таврический 15, 21, 187,
189, 191—195, 198—200
- Хиос 38, 39, 86, 87, 136
- Центральная Азия 154
- Чарсада 154
- Черное море 4
- Эвбея 88, 92
- Эгейское море 87, 90, 97, 157, 175,
182, 202
- Эгина 194
- Эдфу 176, 180
- Экбатаны 43, 44, 48, 151
- Элевсин 114
- Элпда 92, 115
- Эл 64
- Эпидавр 115
- Эпир 71, 85, 88, 92—94, 108
- Эполий 191
- Эрес 40, 41
- Эритрея 129
- Эсна 181
- Этолийский союз 67, 78, 80, 85—87,
92, 94
- Этрурия 15
- Эфиопия 64
- Юечжи 154

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН
ОТЕЧЕСТВЕННЫХ
И ЗАРУБЕЖНЫХ АВТОРОВ,
ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ТЕКСТЕ.

- Беллинджер Э. 133
Бенгстон Х. 68
Берве Г. 28, 29, 32
Берингер Э. 138
Бернар П. 44
Бидуриш Н. Я. (Иакинф) 144
Бон Р. 138
Борджиа, Стефан 163
Браун Т. С. 28, 32, 34, 69
Брунт П. А. 46
Бузескул В. П. 79
Буше-Леклерк А. 159
Бэдиан Е. 24, 25, 34, 47, 55, 59
- Васильевский В. Г. 79
Виганд Т. 138
Вилье Э. 91
Вилькен У. 166, 174
Вирт Г. 32
- Гампльтон Д. Р. 27, 28, 34, 47, 55,
56, 59
Георгий Акрополит 138
Гомейр Х. 56
Граков Б. Н. 96, 195
Гренфелл Б. 163, 180
Гринео Д. Д. 163
Гриффит 28, 173
Грэйс В. 96
Гуковский П. 47
Гутшмид 49
- Де Лэ 94
Дёрпфельд В. 138
Диттенбергер В. 83, 174
До 86
Дройзен И. Г. 33
Дьелафуа М. 151
- Зейберт Я. 31
Зельин К. К. 50, 86, 164
- Кириаки Анконский 136
Колитц 86
Конце А. 138
Корнеманн Э. 30
Кэрст 25, 49
Кюмон Ф. 152
- Лакер Р. 46
Ланже М. 165, 169
Лауден К. Ф. 55
Ле Рндер Ж. 93
Лефтус В. 151
- Мамрот А. 95
Массон М. Е. 152
Миттайс Л. 166
Мишль Ш. 83
Момильяно А. 80
Моммзен Т. 74
Морган Г. 11
Моркхольм О. 133
- Никитский 86
Ньюэлл 132
- Петри Ф. 163, 165
Пирсон Л. 24, 25, 28, 29, 32, 34,
46, 52, 56
Поуэлл Д. Э. 55, 56
Прео К. 177
Придик Е. М. 25, 195
Пуью Ж. 83
- Рабе И. 56
Раде Ж. 54
Ревелью Е. 173
Робинсон Ч. Э. 23, 24.
Робсон Э. 61
Ростовцев М. И. 167
- Соколов Ф. Ф. 90
Страсбургер 28, 34
Струве В. В. 21
Сэмюэль 24
- Тарн В. 25, 27—29, 32—34, 46, 47,
49, 52, 55, 56, 58, 59
Теандер К. 101
Томпсон М. 93
- Уотермен Л. 151
Уэллес Ч. Б. 47, 129
Уэрдмен А. Э. 58, 59
- Феодор II Ласкарид 138
Фирек П. 180
Франке П. 94, 95
Френкель А. 55
Фукс А. 166
- Хампль Ф. 25
Хант Э. 163
Хуман К. 138
- Церетели Г. Ф. 164
- Чериковер В. 166

Шахермейер Ф. 25, 27, 32, 34, 46, 47
Шварц 27, 32, 33, 46
Шене А. 55
Шлиман Г. 129

Шоу Н. И. 163
Шпигельберг В. 173

Якоби Ф. 27, 28, 33, 34, 46, 52

ДИНАСТИЧЕСКИЕ СПИСКИ ПРАВИТЕЛЕЙ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО МИРА

(по материалам: Э. Бикерман. *Хронология древнего мира.*
М., 1975)

Птолемеи (323—31 гг. до н. э.)

Птолемей I Сотер	323—282	
Птолемей II Филадельф	282—246,	29 янв.
Птолемей III Эвергет I	246—222	
Птолемей IV Филопатор	222—205	
Птолемей V Эпифан	204—180	
Птолемей VI Филометор	180—145	
Совместное правление Птолемея VI, Птолемея VIII и Клеопатры II с 5 окт. 170 (изгнание Фило- мтора, 164/3)		
Птолемей VII Неос Филопатор	145—144	(совместное правление)
Птолемей VIII Эвергет Фискон	145—116	
Клеопатра III и Птолемей IX Сотер II (Латир)	116—107	
Клеопатра III и Птолемей X Александр	107—101	
Птолемей X Александр I и Клеопатра Береника	101—88	
Птолемей IX Сотер II	88—81	
Клеопатра Береника и Птолемей XI Александр II	80	
Птолемей XII Авлет	80—58	
Береника IV	58—55	
Птолемей XII Авлет	55—51	
Клеопатра VII и Птолемей XIII	51—47	
Клеопатра VII и Птолемей XIV	47—44	
Клеопатра VII и Птолемей XV (Цезарион)	44—31,	30 авг.

Селевкиды (311—64 гг. до н. э.)

Селевк I Никатор	311—281	
Антиох I Сотер	281—261,	2 июня
Антиох II Теос	261—246,	лето
Селевк II Каллиник	246—225	
Селевк III Сотер	225—223	
Антиох III (Великий)	223—187,	начало лета
Селевк IV Филопатор	187—175,	3 сент.
Антиох IV Эпифан	175—164?	
Антиох V Эвпатор	163—162	
Деметрий I Сотер	162—150	
Александр Валас	150—145	
Деметрий II Никатор	145—140	
Антиох VI Эпифан	145—142	
Антиох VII (Сидет)	138—129	
Деметрий II Никатор (вторично)	129—125	
Клеопатра Тея	126	
Клеопатра Тея и Антиох VIII (Грип)	126—121	
Селевк V	125	

Антиох VIII (Грип)	121—96
Антиох IX (Кизикский)	115—95
Селевк VI Эпифан Никанор	96/5
Деметрий III Филопатор	95—88
Антиох X Благочестивый	95—83
Антиох XI Филадельф	94
Филипп I Филадельф	94—83
Антиох XII Дионис	87—84
(Тигран Армянский)	83—69
Антиох XIII Азиатский	69—64
Филипп II	65—64

Антигониды (306—168 гг. до н. э.)

Антигон I	306—301
Деметрий I (Полнокркет)	306—283
Антигон II (Гонат)	283—239
Деметрий II	239—229
Антигон III (Досон)	229—221
Филипп V	221—179
Персей	179—168

Пергам (283—129 гг. до н. э.)

Атталиды

Филетер	283—263
Эвмен I	263—241
Аттал I Сотер	241—197
Эвмен II Сотер	197—160
Аттал II	160—139
Аттал III	139—133
(Эвмен III = Аристоник)	133—129

Парфия (ок. 248 г. до н. э. — ок. 227 г. н. э.)

Аршак I	ок. 248—215
Аршак II	? — ок. 190
Фрияпатий	ок. 190—176
Фраат I	ок. 176—171
Митридат I	ок. 170—139
Фраат II	ок. 139—129
Артабан I	ок. 128—124
Митридат II	ок. 124—88
Готара I	ок. 90—ок. 80
Ород I	ок. 80—78
Синаатрук	ок. 77—70
Фраат III	ок. 70—58
Ород II	ок. 58—39
Митридат III	ок. 57 — 55
Пакор I	? — 38
Фраат IV	ок. 40—3
Тиридат	ок. 30—25

Боспорское государство (438/7 г. до н. э. — 335 г. н. э.)

Спарток I	438/7—433/2
Селевк (вместе с Сатиром I)	433/2—393/2
Сатир I (один)	393/2—389/8

Левкон I (с Горгиппом)	389/8—349/8
Спарток II (с Перисадом I)	349/8—344/3
Перисад I (один)	344/3—311/0
Сатир II (с Пританием)	311/0—310/9
Пританий (один)	310/9
Эвмел	310/9—304/3
Спарток III	304/3—284/3
Перисад II	284/3—ок. 245
Спарток IV	ок. 245—240
Левкон II	240—220
Гигиен	220—200
Спарток V	200—180
Перисад III	180—150
Перисад IV	150—125
Перисад V	125—109

(Греко-Бактрийские цари (256 г. до н. э. — 55 г. до н. э.)

Диодот I	256—248
Диодот II	248—235
Эвтидем I	235—200
Деметрий I	200—185
Эвтидем II	200—190
Антимах I	190—180
Панталеон	185—175
Деметрий II	180—165
Агафокл	180—165
Эвкратид I	171—155
Менандр	155—130
Платон	155—?
Гелиокл I	155—140
Эвкратид II	140—?
Антимах II	130—125
Стратон I	130—95
Архебий	130—120
Филоксен	125—115
Зоил	?—125
Гелиокл II	120—115
Лисий	120—110
Антиалкид	115—100
Аполлодот	115—95
Зоил, Дионисий, Аполлофан	95—80
Никий	95—85
Диомед	95—85
Телеф	95—80
Гиппострат	85—70
Аминта	85—75
Теофил	до 75
Гермей	75—55

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ	— Вестник древней истории
ВИ	— Вопросы истории
ЖМНП	— Журнал министерства народного просвещения
ИАК	— Известия Археологической Комиссии
КСИА	— Краткие сообщения Института Археологии
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
НЭ	— Нумизматика и эпиграфика
СА	— Советская археология
СИЭ	— Советская историческая энциклопедия

* *
*

AC	— L'antiquité classique
AJA	— American Journal of Archeology
AJPh	— American Journal of Philology
ANS	— American Numismatic Society — Museum's Notes
BCH	— Bulletin de Correspondence Hellenique
CPh	— Classical Philology
CQ	— Classical Quarterly
CR	— Classical Review
CRAI	— Academie des Inscriptions et Belles Lettres Comptes rendus.
FCrHist	— F. Jacoby. Die Fragmente der griechischen Historiker. Berlin—Leiden, 1923.
HSCPh	— Harvard Studies in Classical Philology
JA	— Journal Asiatique
JHS	— Journal of Hellenic Studies
JRS	— Journal of Roman Studies
LEC	— Les études classiques
MDAFA	— Memoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan
NC	— Numismatic Chronicle
PdP	— La Parola del Passato
RE	— Pauly — Wissowa — Kroll. Real—Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft.
REA	— Revue des études anciennes
REG	— Revue des études grecques
REL	— Revue des études latines
RH	— Revue historique
TAPA	— Transactions and proceeding of the American Philological Association
Wien. St.	— Wiener Studien
YCS	— Yale Classical Studies
ZfN	— Zeitschrift für Numismatik

НАДПИСИ

- IG, II—III², I(Г) — *Inscriptiones Graecae, voluminis II et III editio minor, pars I, fasc. 1, ed. I. Kirchner, Berolini, 1913.*
- Michel — *Ch. Michel. Recueil d'inscriptions grecques. Bruxelles, 1900.*
- Syll³ I — *Sylloge inscriptionum graecarum, a G. Dittenbergero condita et aucta, 3-um ed. vol. I, Lipsiae, 1915.*
- Tod. II — *A Selection of Greek Historical Inscriptions, ed. by M. N. Tod, vol. II, Oxford, 1968.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (В. И. Кузищин)	3
ГЛАВА I. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ (В. И. Кузищин)	5
ГЛАВА II. ВРЕМЯ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО (Л. П. Маринovich)	22
ГЛАВА III. ГРЕЦИЯ И МАКЕДОНИЯ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ (Г. А. Кошеленко)	66
ГЛАВА IV. ГОСУДАРСТВО СЕЛЕВКИДОВ И ПЕРГАМСКОЕ ЦАРСТВО (Г. А. Кошеленко)	118
ГЛАВА V. ПАРФЯНСКОЕ ЦАРСТВО И ГРЕКО-БАКТРИЙСКОЕ ЦАРСТВО (С. В. Новиков)	140
ГЛАВА VI. ГОСУДАРСТВО ПТОЛЕМЕЕВ (Г. А. Кошеленко)	157
ГЛАВА VII. ГРЕЧЕСКИЕ ГОСУДАРСТВА В ПРИЧЕРНОМОРЬЕ (С. Ю. Сапрыкин)	183
Приложения	203
Список литературы	206
Список сокращений	237
Надписи	238
Указатель имен	225
Указатель географических названий и этнических наименований	229

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ
(эпоха эллинизма)

Под ред. проф.
В. И. Кузищина

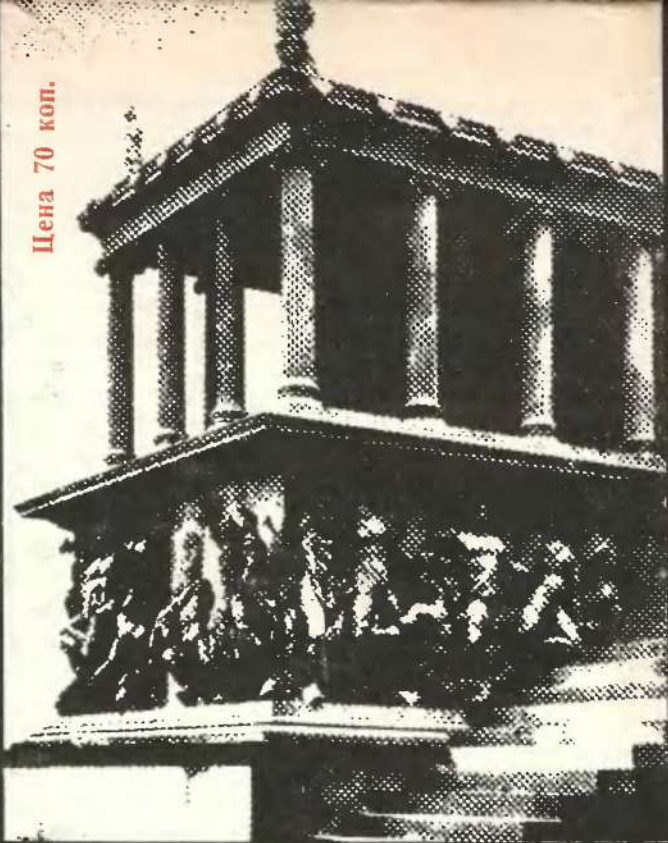
Заведующая редакцией
Н. М. Сидорова
Редактор С. П. Костриков
Художник О. А. Виноградов
Художественный редактор
Н. П. Смирнов
Технический редактор
Т. Е. Светличная
Корректоры
В. П. Кададинская,
Т. С. Милякова

Тематический план 1982 г. № 71
ИБ № 1276

Сдано в набор 01.12.81. Подписано к печати 22.04.82. Л-80620. Формат 60×90^{1/16}. Бумага тип. № 3. Гарнитура Литературная. Высокая печать Усл. печ. л. 15,9. Уч.-изд. л. 16,66. Тираж 17700 экз. Заказ 294 Цена 70 к. Изд. № 1828.

Ордена «Знак Почета»
Издательство Московского университета
103009, Москва, ул. Герцена, 5/7.
Типография ордена «Знак Почета»
Изд-ва МГУ.
Москва, Ленинские горы

Цена 70 коп.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
ДРЕВНЕЙ
ГРЕЦИИ
/ЭПОХА ЭЛЛИНИЗМА/

